

Джон Рональд Руэл Толкин Братство Кольца

Властелин Колец –

Джон Рональд Руэл Толкин Властелин Колец Часть первая: Братство Кольца

Книга Вторая

Глава 1 Встречи

Фродо проснулся в кровати. Первая его мысль была о долгом мучительном кошмаре, после которого вполне простительно поспать подольше (где-то на краю сознания еще колыхались отголоски ужасного сна). А может, он болел? Фродо поднял глаза к потолку и потолок показался ему странным: собственно, потолка не было, он терялся где-то в полумраке вверху. Мощные открытые потолочные балки украшала затейливая резьба. Он полежал еще немного, разглядывая пятна света на совершенно незнакомых стенах и прислушиваясь к звуку падающей неподалеку воды.

– Интересно, где это я? - спросил он у потолка, - И который час?

– В Доме Элронда. Сейчас десять часов утра, - неожиданно ответил знакомый голос. - Между прочим, утро это принадлежит двадцать четвертому октября.

– Гэндальф! - возликовал Фродо, мигом садясь на кровати. И в самом деле, старый маг обнаружился мирно сидящим в кресле у раскрытого окна.

– Тише, тише, здесь я, - успокоил его Гэндальф. - И ты тоже здесь, хоть это и странно после всех твоих глупостей.

Фродо снова лег. Ему было слишком уютно и спокойно, и совсем не хотелось возражать и оправдываться. Что толку! Теперь он окончательно проснулся и к нему по кусочкам возвращалась память о Путешествии: чуть было не погубивший их «короткий путь» через Древлепуцу; «случайность» в «Резвом Пони»; безумное решение надеть Кольцо под Заветерью. Пока он раздумывал обо всем этом, пока отыскивал в памяти недостающее звено, которое могло бы объяснить его появление в Доме Элронда, маг спокойно покуривал трубку и белые пухлые колечки дыма, не меняя очертаний, выплывали в окно.

– Где Сэм? - спросил, наконец, Фродо, - и что с остальными?

– Все живы-здоровы. Сэма я с полчаса назад отправил отдохнуть.

Фродо помолчал, собираясь с духом, и спросил:

– Что случилось у Брода? Я почти ничего не видел. Все казалось таким тусклым... да и сейчас еще не совсем прошло.

– Так и должно быть, - ответил маг. - Ты начинал развоплощаться, таять, превращаться в тень. Рана одолевала тебя. Еще несколько часов - и было бы поздно. Но ты, милый мой хоббит, оказался крепким орешком, это в тебе еще в Упокоищах проявилось. В очень опасную переделку ты попал тогда, пожалуй, опаснее не было. А вот на Заветери не удержался.

– Э-э, да ты все уже знаешь! Откуда? Я ведь никому про Упокоище не рассказывал. Сначала вспоминать жутко было, а потом... потом других забот хватало. Кто тебе рассказал?

– Ты же и рассказал, - спокойно произнес маг. - Ты много говорил в бреду, Фродо. Ну, а остальное мне не трудно было выудить из твоего сознания. Не надо тревожиться. Я сгоряча назвал твои поступки глупостью. Это не так, конечно. Вы совершили подвиг, пронеся Кольцо через такие опасности.

– Без Колоброта нам ни за что бы не уцелеть, - сказал Фродо. - И без тебя очень плохо было. Я просто не знал, что делать.

– Твой упрек справедлив. - Маг прикрыл глаза. - Меня задержали и из-за этого едва не случилось большой беды. Тут я, правда, не очень уверен: может, так оно и лучше получилось.

– Расскажи, а? Мне жутко хочется послушать!

– Всею свое время. Сегодня Элронд вообще не разрешил тебе разговаривать. Тебе еще нельзя волноваться.

– Вот и рассказывай! - потребовал Фродо. - Это единственный способ покончить с моими волнениями. Я извелся от них. Надо же все объяснить, иначе какой мне покой? Почему ты не пришел? Хоть это-то можешь сказать?

– Все ты услышишь, все поймешь, - замахал на него трубкой маг. - Как только ты встанешь на ноги, будет Совет. Но про мое опоздание ты вправе узнать сейчас. Моей вины в том немного. Я был в плену.

– Ты?! - не поверил Фродо.

– Да, я, Гэндальф Серый, - горько отозвался маг. - В этом мире, дорогой Фродо, есть немало сил, злых и добрых, с которыми мне еще не по плечу тягаться. С некоторыми судьба нас еще не сводила. Но мои сроки близятся, Хозяин Моргула и его Всадники действуют. Нас ждет война!

– Так ты и раньше знал о Всадниках?

– Конечно. Даже тебе рассказывал. Черные Всадники - это призраки Кольца, Девять преданных слуг Властелина Колец. Их историю я знал, но о том, что они воспряли - не знал ничего. Иначе я немедля ушел бы в Дольн вместе с тобой. Первые вести об их появлении настигли меня в дороге, в конце июня. Но с этой историей придется подождать. Пока, спасибо Арагорну, мы спасены от немедленной гибели.

– Да, Колоброт спас нас. А знаешь, сначала я боялся его. А Сэм, по-моему, до сих пор не очень-то ему доверяет. Во всяком случае, до встречи с Глорфиндейлом не доверял.

Гэндальф улыбнулся.

– Про Сэма я все знаю. Теперь он не сомневается.

– Вот и хорошо, - удовлетворенно вздохнул Фродо. - Мне нравится Колоброт. Хотя нет,

«нравится» тут, конечно, ни при чем. Я... привязался к нему, хоть он и странный, а временами суровый даже. И знаешь, чем-то вы похожи. Раньше я о Верзилах хуже думал: ну, большие, ну, глуповатые, как Маслютик, или просто вредные, как Хвощ. Но в Шире про Людей вообще мало знают... кроме брыльчан, наверное.

– Вы и их-то не знаете, если тебе Маслютик глуповатым показался, - заметил маг. - Ума у него хватает. Конечно, соображает он не так быстро, как тараторит, но когда надо, сквозь кирпичную стену увидит, как в Брыле говорят. Что же до Арагорна, то таких Людей в Среднеземье почти не осталось. Род Королей из-за Моря почти угас. Может статься, Война Кольца станет их последним деянием.

– Так Колоброд и правда из рода древних королей? - изумленно спросил Фродо. - Я думал, их нет давно. Я думал, он простой Скиталец...

– «Простой Скиталец!» - горько воскликнул Гэндальф. - Милый ты мой Фродо, так ведь Скитальцы и есть последние рыцари Арнора. Они много помогли мне раньше, без их помощи мне и теперь не обойтись. Мы пока только в Дольне; путь Кольца должен оборваться не здесь.

– Наверное, - неуверенно согласился Фродо. - Но... я до сих пор думал лишь о том, как бы сюда добраться... дальше ведь мне, наверное, идти не придется, а? Мне так хочется отдохнуть. За этот месяц мне вполне хватило всяких приключений и путешествий... - он умолк и прикрыл глаза. Однако чуть погодя заговорил снова. - Я вот считаю, и у меня никак не получается двадцать четвертое. Должно быть двадцать первое. Мы же вышли к Броду двадцатого.

– Ты слишком много считаешь и разговариваешь, - покачал головой маг. - Как твое плечо?

– Не знаю, - ответил Фродо. - Наверное, хорошо. Я ничего не чувствую. Вот только рука как-то не совсем слушается. Но уже не холодная, - сообщил он, потрогав левую руку правой.

– Отлично! - улыбнулся Гэндальф. - Дело идет на поправку. Скоро ты будешь совсем здоров. Элронд исцелил тебя. Он не отходил от твоей постели целые дни, с тех пор, как тебя принесли сюда.

– Дни? - переспросил Фродо.

– Если быть точным, - прищурился маг, - четыре ночи и три дня. Ты потерял счет дням двадцатого, именно тогда тебя принесли в Дольн. Все страшно тревожились, а Сэм вообще не отходил от тебя ни на шаг, разве что я его посылал куда. Элронд - великий целитель, но оружие, которым ты был ранен, наносит только смертельные удары. Я и то чуть было не отчаялся. Я ведь знал, что обломок клинка остался в теле, но только прошлой ночью Элронд смог обнаружить его и вывести вон. К этому времени обломок уже проник глубоко и пробирался все дальше.

Фродо вздрогнул. Ему вдруг ясно привиделся бледный кинжал в руках Арагорна,

исчезающий на глазах.

– Все прошло, - успокоил его маг. - Эльфы все сделали как надо. Твой обломок уничтожен. И, знаешь, похоже, хоббитов не так-то просто развоплотить. Я знавал могучих воинов из людского племени, которых такой осколок быстро сводил в царство теней, а ты носил его в себе семнадцать дней!

– А если бы не Элронд, что бы со мной стало? - замирая, спросил Фродо. - Чего хотели Черные Всадники?

– Ты получил удар моргульским клинком. Это оружие коварное, обломок остается в теле и сам находит дорогу к сердцу. Случись так, и ты стал бы походить на них, стал бы их рабом, одним из призраков, покорных Темному Властелину. А уж он бы припомнил тебе попытку отобрать Кольцо. Хотя, с другой стороны, трудно представить большую пытку, чем лишиться Кольца и видеть его каждый день на Вражьей руке.

– Хорошо хоть я не знал, как все это страшно, - содрогнулся Фродо. - Я боялся, конечно, ужасно, но если бы знал - чего, вообще бы умер на месте! Ведь это чудо, что я живой, - полувопросительно добавил он.

– Чудо, удача, судьба - они твои помощники, ну и твое мужество, конечно. Ты сопротивлялся до последнего, поэтому отделался только раненым плечом. До сердца обломок не дошел. Но что б ты знал, жизнь твоя на волоске висела. Надев Кольцо, ты одной ногой вступил в призрачный мир, показался им. Как они тебя не схватили!

– Знаю, - потупился Фродо. - Они ужасные... Я только не понимаю, как же мы видим их коней?

– Так ведь кони-то настоящие. И плащи тоже. Когда имеешь дело с живыми, нужна же бесплотности какая-то форма.

– А как же настоящие кони их терпят? Другие-то животные на дух не выносят: собаки воют, гуси тоже... даже конь Глорфиндейла...

– Это - мордорские кони. Они специально обучены и служат Темному Властелину. Не все его слуги - призраки! Есть орки, есть тролли, варги есть и волколаки, людей всегда много было и сейчас там немало воинов и королей, вполне живых, только подпавших под его власть. И беда в том, что их больше становится с каждым днем!

– А Дольн? А эльфы? Дольн-то в безопасности?

– Пока - да. Есть много земель, до которых не дотянулась еще Черная Длань. Эльфы могут страшиться Врага, могут отступить, но служить ему - никогда! Здесь в Дольне еще живут главные его противники в этом мире - Мудрые Эльфы, князя Эльдаров, пришедшие из-за дальних Морей. Тем, кто жил в Благословенном Краю, Призраки Кольца не страшны. Первороденные живут в обоих мирах, обладая великой силой и в Зримом, и в Незримом.

– Погоди, значит, мне не показалось? Я видел... знаешь, огромный витязь, весь белый!

Все было тусклое такое, а его я видел отчетливо. Это - Глорфиндейл?

– Да, таков он в Незримом мире, один из Перворожденных. Он из рода эльфийских владык. Как видишь, в Дольне найдутся силы, чтобы побороться с мощью Мордора. Да и не только в Дольне. Я бы и Шир не стал сбрасывать со счетов. Конечно, там другое... Но если дела и дальше пойдут, как сейчас, такие места скоро станут отдельными островами в темном море осады. Мордор обрушит на них небывалую мощь. Ну, а пока, - маг поднялся и уставил длинную бороду в сторону Фродо, - надо сохранять мужество. Ты скоро будешь на ногах, если опять не сляжешь от моих разговоров. Здесь, в Дольне, беспокоится не о чем.

– Чтобы сохранять, надо его иметь, мужество-то, - виновато произнес Фродо. - А где его взять? Ладно, сейчас я и правда не тревожусь ни о чем. Ты только скажи еще, как там наши и чем все-таки у Брода кончилось? Я ведь не успокоюсь, пока про все не узнаю. А потом... потом посплю, но только расскажи уж до конца.

Гэндальф придвинул кресло к кровати и тепло посмотрел на хоббита. Щеки Фродо порозовели, глаза смотрели ясно и внимательно. Легкая улыбка бродила по лицу, и вот здесь, пожалуй, что-то было не совсем в порядке, но даже маг не мог уловить, что именно. Какой-то прозрачный отсвет... да вот еще левая рука, как-то слишком спокойно лежащая поверх одеяла...

«Этого и надо было ожидать, - подумал Гэндальф. - Он одолел только полпути, а что будет в конце, даже Элронд не скажет. Но уж, наверное, ничего плохого. А станет он, как хрусталь, наполненный чистым светом, если найдутся глаза, способные это увидеть!» - неожиданно решил он.

– Ты отлично выглядишь, - произнес маг вслух. - Ладно. Рискну поговорить еще, хоть Элронд и не одобрил бы. Только совсем немного, а потом - спать! Насколько я сумел восстановить ход событий, у Брода было вот что. Всадники погнались за тобой. Им уже не приходилось полагаться на чутье коней, они видели тебя, ведь ты стоял на пороге их мира. Да еще Кольцо их притягивало. Друзья твои вовремя убрались с дороги, иначе попали бы под копыта. Они видели, что вся надежда на Асфалота. Всадников им было не остановить. Пешими даже Глорфиндейл с Арагорном не могли противостоять Девяти.

Кольценоscopy пронесли мимо, а они побежали следом. Возле самого Брода есть небольшая ложбина и деревья. Глорфиндейл знал, что река не пустит Черных, если они туда сунутся. Быстро развели костер, приготовили факелы. И когда по реке прошел первый вал, эльф поспешил к берегу, а за ним с факелами остальные. Всадники попали в западню: с одной стороны - взбесившаяся река, с другой - огонь. А тут еще Перворожденный Эльф, страшный во гневе - есть от чего прийти в ужас. Первыми не выдержали кони. Трех Черных река уже смела, а обезумевшие кони тащили в воду и остальных.

– И им конец пришел? - блестя глазами, спросил Фродо.

– Это было бы слишком хорошо, - вздохнув, ответил Гэндальф. - Кони погибли. Без них Кольценоscopy беспомощны. Но их самих так просто не уничтожишь. Впрочем, сейчас не в них дело. Когда вода спала, твои друзья переправились и нашли тебя лежащим на берегу со сломанным мечом в руке. Конь охранял тебя, но ты был такой белый и холодный - невольно думалось о самом худшем. Тебя подняли и понесли в Дольн, а уж по дороге вас встретили эльфы.

– А кто сотворил такое с рекой?

– Элронд. В этом краю ему повинуется все. Стоило Королю-Призраку ступить в воду, поток восстал, силы реки были выпущены на свободу. Ну и я еще немножко добавил. Не знаю, заметил ли ты, что волны походили на белых коней? А когда река струнула и покатила вниз камни, даже мне не по себе стало и я засомневался, сможем ли мы укротить поток и не смое ли вас тоже. В реках, берущих начало в вечных снегах Мглистых Гор, скрыта великая сила.

– Вот теперь я все вспомнил, - проговорил Фродо. - Этот грохот... Я думал, меня унесет вместе с врагами и со всем остальным. Как хорошо, что мы в безопасности!

Фродо устало закрыл глаза и не заметил быстрого взгляда, брошенного магом из-под

кустистых бровей.

– Да, пока вы все в безопасности, - молвил Гэндальф. - Впереди пир по случаю победы у Брода и вас намереваются чествовать, как героев.

– Вот здорово! Даже чудно: смотри, такие властители - Элронд, Глорфиндейл и Арагорн тоже, они столько добра для меня сделали...

– Ну, тому есть немало причин, - усмехнулся Гэндальф. - Одна из них - это я. Другая - это Кольцо, ты все-таки Кольценосец, наследник самого Бильбо, нашедшего Кольцо.

– Милый старый Бильбо, - сонно проговорил Фродо. - Интересно, где он? Вот бы он обрадовался, если бы услышал все это. И посмеялся бы, наверное... «корова в небо - прыг!» А бедный старый тролль... - Фродо, не договарив, уснул.

Фродо спокойно спал в последнем по-настоящему безопасном убежище к востоку от Моря. Дом Элронда, как сказал о нем давным-давно Бильбо, был «превосходнейшим местом, где можно есть, спать, говорить или петь, а можно просто сидеть и размышлять или предаваться всему этому одновременно». Простое пребывание там врачевало усталость, страх и тоску.

Под вечер Фродо проснулся снова и понял, что наконец-то выспался. Теперь он не прочь был бы пообедать, а потом, может быть, даже поговорить и попеть. Он встал и порадовался почти послушной левой руке. Возле постели его ждала чистая одежда, легкая и удобная. Отражение в зеркале поразило его сходством отнюдь не со знакомым степенным хоббитом Фродо Сумниксом, хозяином Засумок, а скорее с юным племянником Бильбо, бродившим когда-то с дядюшкой по тропам Шири, вот только взгляд стал не по тем временам задумчив.

– Да, кое-что ты повидал с тех пор, как последний раз смотрел на меня из зеркала, - сказал он отражению. - Ну, приготовимся к встречам!

Он потянулся и принялся насвистывать веселенький мотивчик.

В дверь постучали и появился Сэм. Он бросился к Фродо и первым делом ухватил левую руку хозяина, застенчиво и неловко погладил ее, а потом зарделся и отвернулся.

– Привет, Сэм! - беззаботно произнес Фродо.

– Теплая! - проговорил Сэм. - Это я про руку, сударь. Такая она холодная была все эти ночи. Эй-ех! Слава и трубы! - выкрикнул, он и крунулся на пятках. - Здорово! Вы снова на ногах и такой же, как раньше! Да, меня ведь Гэндальф послал посмотреть - готовы ли вы спуститься. Я-то думал, шутит он.

– Готов, готов, - рассмеялся Фродо. - Идем скорее, посмотрим, где там остальные.

– Я вас поведу, сударь. Знаете, какой большущий этот Дом! Ходишь, ходишь по нему, а все что-то новое найдешь, и никогда не знаешь, какая еще радость за углом ждет. А эльфы-то! Они тут везде! Одни прямо как короли, величественные такие, другие - веселые, как дети. Музыка, песни кругом. Правда, не то у меня настроение было, чтобы слушать, да и время... Но все-таки я много чего тут знаю уже.

– Я догадываюсь, чем ты был занят, - дрогнувшим голосом произнес Фродо. - Но сегодня слушай и веселись в свое удовольствие! Идем, проводи меня по всем здешним закоулкам.

И Сэм повел Фродо по нескончаемым анфиладам, вверх и вниз по прекрасным лестницам, прямо в сад на высоком берегу роки. Там на восточной веранде ждали их друзья. В широко распахнувшейся долине внизу уже легли вечерние тени, и только на вершинах дальних гор трепетали розовые закатные отсветы. В воздухе веяло теплом. Звенела и пела вода, запахи деревьев и цветов щекотали ноздри, словно в садах Элронда длилось нескончаемое лето.

– Ура! - закричал Пиппин, вскакивая навстречу Фродо. - Вот идет наш славный родич!

Дорогу Фродо, Властелину Кольца!

– А ну - цыц! - одернул его Гэндальф, сидевший в тени веранды. - В эту долину путь Злу заказан, но и поминать его все не след. Властелин Кольца не Фродо, а хозяин Черной Крепости в Мордоре. Тень его власти нависла над миром. Мы здесь в безопасности, но вокруг сгущается Тьма.

– От Гэндальфа можно сколько хочешь таких веселеньких историй услышать, - доверительно сообщил Пиппин. - Он меня к порядку призывает! А я здесь просто думать не могу о всяких мрачных вещах. Мне петь хочется! И запел бы, да не соображу ничего подходящего к случаю.

– Меня тоже петь подмывает, - засмеялся Фродо. - Но уж если я запою, так про еду и питье!

– Это скоро пройдет, - уверенно заявил Пиппин. - Ты, как всегда, угадал проснуться как раз к обеду.

– Если бы к обеду! - поправил его Мерри. - К самому настоящему пиру. Как только Гэндальф сообщил, что ты пошел на поправку, тут же начались приготовления.

Не успел он договорить, как звон большого гонга возвестил начало пиршества.

В огромной трапезной Элронда было полно народа. Конечно, в большинстве - эльфы, но и других хватало. Элронд по обычаю сидел во главе стола, рядом с ним по обе стороны расположились Глорфиндейл и Гэндальф.

Фродо разглядывал Владыку Элронда, героя столько историй и легенд, во все глаза. Но и на эльфа с магом стоило посмотреть. Фродо подивился достоинству и властительной силе тех, кого, как ему казалось, он хорошо знал.

Гэндальф, конечно, уступал в росте эльфу, но благородная седина, длинная серебряная борода и широкие плечи придавали магу сходство с мудрым королем из древних баллад. На морщинистом лице под мохнатыми бровями рдели углями удивительно живые глаза, готовые каждую минуту вспыхнуть огнем.

Высок и дивно строен был Глорфиндейл. Прекрасные золотые кудри, юное открытое лицо, внимательные ясные глаза и голос, звучащий как музыка, удивительно сочетались с печатью мудрости на челе и могучими руками воина.

По лицу Владыки Элронда не угадать было числа прожитых лет. В нем читалась лишь память о многих, скорбных и радостных событиях. Волосы цвета сумеречных теней охватывал легкий серебряный обруч; серые глаза заставляли подумать о ясном вечере, в них бродили звездные отсветы. Король, увенчанный многими зимами, воин в расцвете сил - таков был владыка Дольна, славнейший и могущественнейший среди - Эльфов и Людей.

Посреди стола, в кресле с пологом сидела леди, прекрасные черты которой носили несомненное сходство с Владыкой Элрондом. Оправившись от первого потрясения, вызванного невиданной доселе красотой, Фродо посчитал ее близкой родственницей хозяина Дома. Была ли она молода? И да, и нет. Иней лет не коснулся ее темных волос, лицо и руки не тронула ни единая морщинка, серые глаза искрились звездным снегом, как августовская ночь, но в царственном облике с первого взгляда читались мудрость и сила знания, которые дает лишь время. Серебристые нити, унизанные жемчугами, украшали ее простую прическу, других драгоценностей она не носила, кроме дивного пояса из серебрянных листьев.

Такой узрел Фродо Арвен, дочь Элронда. Мало кому из смертных довелось видеть ту, в ком вновь сошла на землю бессмертная красота Лучизнь. Она звалась Ундомизель - Вечерняя Звезда эльфийского народа. Много лет провела она в Лориене, там жила ее родня по матери, и только недавно вернулась под отчий кров Дольна. В зале не было ее братьев, Элладана и Элрохира. Они, как это часто бывало, охотились со Следопытами-Северянами - мстили оркам за гибель матери.

Такой красоты, живущей на земле, Фродо и помыслить не мог. Конечно, он смутился, обнаружив свое место за этим знатным столом, среди высоких и прекрасных гостей. Кресло было ему по росту, да еще несколько подушечек подложено, и все равно он чувствовал себя

маленьким и недостойным. Впрочем, это ощущение быстро прошло. Пир сразу пошел весело и даже хоббичьему аппетиту было где разгуляться. Лишь через некоторое время он смог оглядеться и уделить внимание соседям по столу.

Сначала он отыскивал взглядом друзей. Как Сэм ни просился прислуживать хозяину, ему велено было сидеть, раз он почетный гость. Он и сидел вместе с Мерри и Пиппином во главе одного из боковых столов. Колоброта нигде, кажется, не было.

Справа от Фродо сидел важный, богато одетый гном с длинной раздвоенной бородащей. Фродо даже есть перестал, разглядывая его.

– Добрая встреча и привет вам, - степенно произнес гном, поворачиваясь к хоббиту. Он встал, расправил бороду и поклонился. - Глоин, к вашим услугам, - представился гном и поклонился еще ниже.

– Фродо Сумникс, слуга вам и вашему роду, - как велит обычай, отвечал Фродо, вскакивая с кресла и роняя подушки. - Прав ли я, полагая, что вижу самого Глоина, одного из двенадцати сотоварищей прославленного Торина Дубошита?

– Истинно правы, - ответил гном, без тени смущения собирая подушки и любезно помогая Фродо вернуться в кресло. - О вас я не спрашиваю, поелику извещен о ваших родственных и наследных отношениях с другом нашим, славным Бильбо. Позвольте поздравить вас с благополучным окончанием недуга.

– Премного благодарен, - ответил Фродо.

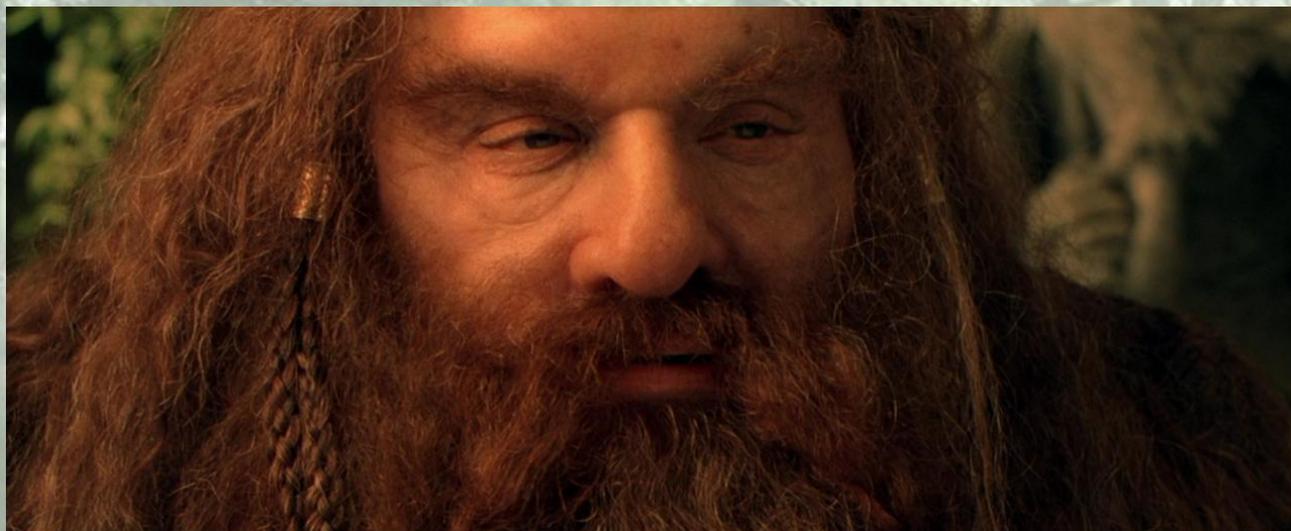
– Я наслышан о ваших странных приключениях, - осторожно произнес гном, и весьма заинтригован. Какие обстоятельство могли подвигнуть четверых хоббитов Ши́ра предпринять столь длительное путешествие? Со времен нашего с Бильбо похода о таком не слыхивали. Впрочем, боюсь покачаться назойливым. Как я заметил, Владыка Элронд и Гэндальф Серый не очень-то расположены говорить об этом...

– Наверное, у них есть основания отложить разговор до более удобного случая, - так же осторожно ответил Фродо. Даже здесь, у Элронда, ему не хотелось посвящать всех подряд в свои дела. И вообще, он предпочел бы хоть на время забыть о треволнениях, связанных с Кольцом. - Не позволено ли мне будет полюбопытствовать, что привело в Дольн от самой Одинокой Горы столь знатного гнома? - осведомился он.

Глоин пытливо взглянул в глаза хоббиту.

– Я полагаю, раз вы еще не слышали о моих намерениях, лучше пока оставить эту тему. Насколько мне известно, Мастер Элронд предполагает вскорости созвать Совет, там мы услышим о многом. Но ведь у нас достаточно и других тем для разговора, не правда ли?

Действительно, они проговорили весь вечер, причем Фродо больше слушал. Ширские новости, если не упоминать Кольцо, казались несущественными, а Глоину было что рассказать о событиях в северных краях. Так Фродо узнал, что Гримбьорн Старый, сын Бьорна, собрал и возглавил самую настоящую армию Людей, и теперь ни волк, ни орк и сунуться не смели в их владения между Горами и Сумеречьем.

– Если бы не Бьорнинги, - говорил Глоин, - от Эребора до Дольна давно бы уже не добраться. Они - благородные и отважные Люди и постоянно держат открытыми и Верхний Перевал и Брод Керрок. Но пошлаина весьма высока, - добавил гном, качая головой. - От Бьорна они не унаследовали большой любви к гномам, но остались честны, а по нынешним временам - это немало. Я бы даже сказал, что из всех народов Среднеземья Бардинги наиболее нам дружелюбны. Они добрый народ. Сейчас правит Бранд, внук Барда Лучника, сын Байна. Он сильный король и земли его простираются ныне далеко на юг и на север от Эсгарота.

– А как поживает ваш народ? - поинтересовался Фродо.

– По-разному. Хватает и плохого и хорошего, но нужно быть справедливым: хорошего все же больше. Я бы сказал, гномам везет, хотя и их не миновали смутные дни. Если вам действительно интересно, я с радостью поведаю о наших новостях, только остановите меня вовремя. Недаром же говорят: спроси у гнома про дела, рассказов хватит до утра.

И Глоин со вкусом пустился в долгое повествование о жизни гномьего царства. Слушатель ему попался деликатный и терпеливый. Он не выказывал признаков усталости, не пытался сменить тему, хотя довольно скоро напрочь потерялся среди странных имен и незнакомых названий.

Правда, Фродо с интересом отметил, что Царем-под-Горой все еще пребывал государь Даин, давно уже справивший свое двухсотпятидесятилетие. Он правил в почете, окруженный баснословным богатством. Из десяти сотоварищей Глоина, переживших Битву Пяти Воинств, шестеро еще здравствовали: Двалин, Дори, Нори, Бифур, Бофур и Бомбур. Последний столь потучнел, что без помощи шестерых молодых гномов не мог одолеть расстояние от ложа до обеденного кресла.

– А Балин, Ори, Оин? Что с ними стало?

По лицу гнома пробежала печаль.

– Про то мне неизвестно, - неожиданно ответил он. - Я ведь и пришел в Дольн спросить совета мудрого Элронда в отношении Балина. Это - горестная тема, оставим ее до лучших времен, мой друг.

Рассказ Глоина расцвел описанием дивных творений гномов, созданных под Горой.

– Однако, как бы мы не старались, в работе с металлом мы едва дотягиваем до мастерства наших отцов. Многие секреты утеряны. Да, из наших рук выходят добрые доспехи и острые мечи, но больше некому заказать кольчугу или клинок из тех, что во множестве изготавливались до нашествия драконов. А вот в строительстве мы, пожалуй, даже превзошли кое в чем наших предков. Вам обязательно надо посмотреть на наши гроты! Если бы вы видели тамошние подземные озера! А прекрасные, мощные многоцветным камнем дороги! Подземные галереи с арками, похожими на живые деревья! А террасы и башни на склонах Горы! Кто все это видел, тот не посмеет упрекнуть гномов в праздности!

– Я обязательно посмотрю... если смогу, - на мгновение замешкавшись, заверил Глоина Фродо. - Вот бы, наверное, Бильбо поразился, увидев такие дела в Смоговой берлоге!

Глоин с улыбкой взглянул на Фродо.

– Вы очень любите Бильбо, верно?

– Да! - с чувством ответил Фродо. - Его я увидел бы с большим удовольствием, чем все дворцы и замки этого мира!

Когда пир, наконец, закончился, Элронд и Арвен, подавая пример остальным, встали. Через широко распахнутые двери хозяева, а за ними в чинном порядке и гости, перешли в просторную залу с резными колоннами, освещенную огромным камином.

Фродо обнаружил рядом с собой степенно шагавшего Гэндальфа.

– Это - Каминный Зал, - пояснил маг. - Если не заснешь, услышишь много песен и историй. По будням здесь обычно тихо, хорошо думается. А камин горит всегда.

Владыка Элронд направился к своему креслу и в этот момент заиграли эльфийские менестрели. Зал заполнялся. Фродо, не сдерживая улыбки, разглядывал светлые, открытые лица, освещенные бликами живого огня. Неожиданно он заметил маленькую темную фигурку, как-то не по-праздничному притулившуюся на табурете сбоку от камина. Возле стоял кубок и на маленьком блюде - кусочек хлеба. Поначалу Фродо решил, что это больной (если в Дольне вообще болеют, тут же подумал он), не присутствовавший на пиру. Голова человечка бессильно свесилась на грудь и край воротника темного плаща скрывал лицо.

Элронд подошел к сидящему и звучно, с улыбкой, произнес:

– Проснись, маленький мастер! - Владыка повернулся, отыскал среди гостей глазами Фродо и поманил его. - Вот и настал час, ты мечтал о нем, - сказал он хоббиту. - Здесь дремлет друг, с которым вы давно расстались.

Фигурка на табурете шевельнулась и сидящий поднял голову.

– Бильбо! - крикнул Фродо, бросаясь вперед.

– Эй, Фродо, мальчик мой! - проговорил старый хоббит. - Вот и ты, наконец, добрался сюда. Я был уверен, ты справишься. Так, так, сегодняшнее пиршество, я слышал, в твою честь... Ну что, весело было?

– А почему же ты не пришел? - воскликнул Фродо. - И почему мне никто раньше не сказал?

– Потому что ты спал. Мы с Сэмом сидели возле тебя все эти дни. А пир... Я теперь редко хожу на них. Дела, знаешь...

– Дела? - опешил Фродо. - Помилуй, но какие?

– Как же... сижу вот, думаю. Для таких дел Каминная - самое удобное место. Мне говорят - проснись! - Бильбо покосился на Элронда и Фродо заметил, что сна у него - ни в одном глазу. - Ха! Проснись! Я вовсе не спал, Мастер Элронд. Вы что-то рановато закончили сегодня и потревожили меня как раз на середине. Я песню складывал, - объяснил он племяннику, - и вот, не идет, понимаешь, пара строк, хоть тресни! Я над ними и думал, ну да теперь уж не получится. Сейчас они как запоют! Какие уж тут мысли! Эх, мне бы моего друга Дунадана, он бы помог. Что-то я его не вижу, - прищурился Бильбо.

Элронд рассмеялся.

– Его обязательно разыщут. Вы отойдете в уголок и завершите свой труд, но только - условие! До конца вечера мы обязательно должны услышать, что получилось.

За другом Дунаданом было послано. Похоже, никто не знал причин его отсутствия на пиру.

А Фродо и Бильбо сели рядышком (Сэм тоже пристроился подле них) и тихо разговаривали, забыв обо всем на свете. Правда, рассказ Бильбо оказался короток. Выйдя из Хоббитона, он шел вроде бы бесцельно, а все почему-то вело его в сторону Дольна.

– И никаких особых приключений у меня по дороге не случилось, - закончил он. - Здесь я отдохнул, а потом сходил с гномами к Горе. Это было мое последнее путешествие, - вздохнув, добавил он. - Старый Балин ушел, да и другие... Я вернулся сюда и здесь намерен остаться. Кое-что поделываю. Для книги моей написал немного. Ну, конечно, несколько песен сочинил. Их даже поют иногда. Я-то думаю, - он подмигнул, просто, чтобы мне удовольствие доставить. Для Дольна они, пожалуй, слабоваты. А так... слушаю, думаю. Время здесь не замечаешь, оно просто есть и все тут. Замечательное место! Сюда стекаются самые последние новости: и из-за Гор, и с юга. Вот только из Шира мало что доходит. Про Кольцо-то я, конечно слышал. Гэндальф частенько в Дольн навещался. Правда, много из него не вытянешь, замкнутый он стал в последние годы. Дунадан - и тот больше рассказывает. Это ж подумать только: мое-то колечко такой переполох вызвало! Жаль, Гэндальф раньше про него не разведдал. Я бы эту штуку давным-давно сюда принес, и без всяких хлопот. Я уж и так порывался сходить за ним в Хоббитон, да старый стал, не пустили бы они меня, Гэндальф, значит, с Элрондом. Они вбили себе в голову, что Врагу делать больше нечего, кроме как меня выслеживать, и стоит мне только высунуться, он меня тут же сцапает и в котлету изрубит.

А Гэндальф так и сказал: «Все, говорит, Бильбо. Кольцо, говорит, ушло. И не пытайся снова встречать в это дело. Добра никому не будет». Чего от него еще ждать! А за тобой он обещал присмотреть, ну, я и оставил все, как есть. Ты не представляешь, как я рад видеть тебя живым и здоровым!

Бильбо помедлил и с некоторым сомнением поглядел на Фродо.

– Послушай, *оно* у тебя с собой? - шепотом спросил он. - Любопытно, понимаешь, мне взглянуть после всех этих разговоров. Просто взглянуть и все, а?

– Да, оно у меня, - как-то через силу произнес Фродо. - Оно такое же, как и всегда, - попробовал отшутиться он.

– Ага. Ну покажи, покажи хоть на минутку, - попросил Бильбо.

Еще когда Фродо одевался к вечеру, он обнаружил у Кольца, надетого на шею, новую цепочку, легкую, но очень прочную. Теперь он медленно потащил Кольцо из-за пазухи. Бильбо подался вперед и резко протянул руку. Но Фродо отдернул Кольцо, с ужасом глядя на старого хоббита. Казалось, тень пала меж ними и мгновенно изменила облик Бильбо. Вместо него к Фродо тянуло костлявые, хищно шевелящиеся пальцы сморщенное жалкое создание с алчно горящими глазами. Фродо едва сдержался, чтобы не ударить этого отвратительного гоблина.

Музыка и пение в зале сбились с лада и затихли. В наступившей внезапно тишине

Бильбо быстро взглянул Фродо в лицо и провел рукой по глазам.

– Вот, значит, как, - хрипло проговорил он. - Убери его прочь! Прости, что я взвалил на тебя этот груз, прости. Неужели у Приключения не бывает конца? Эх, видно, не бывает. Кому-то всегда приходится продолжать историю дальше. Что ж поделаешь... Может, я зря вожусь со своей книгой, а? Ладно. Не будем ворошить прошлое. Давай-ка о настоящем. Что там новенького у нас в Шире?

Фродо с облегчением спрятал Кольцо и тень рассеялась, оставив лишь неприятную занозу в памяти. Вокруг плескался живой свет Дольна, снова звучала дивная музыка, и Бильбо уже улыбался умиротворенно и счастливо. Каждая ширская новость (тут Сэм всю помогал) вызывала у старого хоббита живейший интерес, будь то новое посаженное дерево или народившийся хоббитенок. Они так глубоко ушли в обсуждение событий последних лет, что не сразу заметили, как возле них остановился, улыбаясь, высокий Человек в темно-зеленом плаще.

Только через несколько минут Бильбо, подняв глаза, воскликнул:

– Дунадан! Вот и ты, наконец!

– Колоброд! - рассмеялся Фродо. - У тебя, похоже, куча имен?

– Хм, я многие знаю, - удивился Бильбо, - но вот «Колоброта» еще не слышал. Зачем ты его так зовешь?

– Это меня в Брыле прозвали, - ответил за Фродо Арагорн, - и под этим именем хоббитам представили.

– А ты почему зовешь его «Дунадан»? - в свою очередь поинтересовался Фродо.

– Э-э, я думал, тебе пошли впрок мои уроки эльфийского, - проворчал Бильбо. - По крайней мере, сочетание «дун-адан» ты должен был бы знать. Оно значит: Человек с Запада, Нуменорец. Ладно, сейчас ведь не урок, - он повернулся к Арагорну. - Где же ты был, друг мой? Почему не пришел на пир? Леди Арвен я там видел...

Арагорн печально вздохнул.

– Знаю, - произнес он. - Мне было не до веселья. Из Пустоземья неожиданно вернулись Элладан с Элрохиром и принесли важные новости. Я говорил с ними.

– Вот и хорошо, - ворчливо проговорил Бильбо, - новости ты услышал, значит, можешь уделить и мне минутку. Элронд ждет к концу вечера новую песню, а у меня там не все гладко. Давай-ка отойдем в уголок и пошлифуем ее немножко.

– Конечно, - улыбнулся Арагорн, - дай только посмотреть слова.

Сэма одолел сон, и Фродо на время оказался предоставлен самому себе. Он даже почувствовал некоторое одиночество, несмотря на многолюдье вокруг. Но ближайшие его соседи молчали, поглощенные гармонией звучащих в зале голосов и музыки, и Фродо тоже невольно стал прислушиваться.

Нельзя сказать, чтобы он все понимал, но чарующие звуки быстро захватили внимание, и скоро хоббиту стало казаться, что слова наполняются смыслом, за ними встают видения дальних стран, образы удивительных вещей, о которых он раньше и не помышлял вовсе; освещенный пламенем камина зал словно заткался золотистым туманом, колыхавшимся над белейшей пеной мерно вздыхающих на краю мира лазоревых морей. Музыка завораживала, навевала грезы и вот уже бесконечная река серебряных звуков потекла над ним, непостижимая в многозначных глубинах, подхватила и понесла на вечных волнах. Со счастливой улыбкой Фродо отдался волшебному потоку и канул в сон. Музыка и там не оставила его, сначала обернувшись бегущей водой, а потом неожиданно - знакомым голосом Бильбо, нараспев читающим стихи. Поначалу смысл ускользал от Фродо, но вскоре слова прояснились и он стал слушать.

Для странствий судно создавал
Скиталец вод Эарендил;
Он прочный остов воздвигал,
Борта и мачты возводил,
Ткал паруса из серебра,
Крепил огни - светить в пути;
Подобьем лебеда была
Резная грудь его ладьи.
В доспехи древних королей
Он облачил могучий стаи.
С ним щит, священной вязью рун
Хранящий странника от ран;
С ним верный лук - драконий рог
И стрел эбеновых колчан;
С ним жаркий меч, что до времен
Укрыт в холодный халцедон.
Пером орла украшен был
Алмазный шлем, высок и крут,
И в такт дыханью на груди
Переливался изумруд.

И он, покинув берега,
Блуждал в неведомой дали,
Скитаясь в колдовских краях,
Куда пути его легли;

Он уводил свою ладью
Прочь от враждебных берегов,
От скрежетанья ломких льдов
И от обугленных песков.
Привел на грань извечной тьмы
Его скитаний тайный ход;
Там Ночь сливается с Ничто
В беззвездности бездонных вод,
Там ветер дыбит пенный вал
И бьется яростно во мгле;
Эарендил пути искал
Домой, к покинутой земле.

В слепом неведении он вел
Корабль на исходе сил,
Когда бескрайний черный мир
Нездешний пламень озарил:
То Эльвинг с сумрачных небес
К нему слетела. Сильмарилл
Она скитальцу принесла, -
Эарендил увенчан был
Живым огнем. И вновь корабль
Он повернул, неустрашим,
Под пенье пенящихся волн
Ветрами ярими гоним;
Неумолимый ураган,
Родившийся в Ином Краю,
Дыханьем силы неземной
На Запад устремил ладью.

Ее влекло сквозь гиблый мрак
По черным водам, где на дне
Сокрыта древняя земля
Ушедшая с Началом Дней...
Но вот узрел Эарендил
Кайму жемчужных берегов,
Где тонкой музыкой звучал
Прибой искрящихся валов;
То в легкой пене облаков
Стоял священный Валинор,
И Эльдамар лежал вдали
За чередой тихих гор.
Скиталец вырвался из тьмы
Под сень блистающих небес
В Обитель Эльфов, Древний Дом,
Где воздух нежен, светел лес,
Где Ильмарин среди долин
Вздывает свой могучий склон,
И неприступный Тирион

В зеркальных водах отражен.

В земле, живущей вне времен,
Старинных саг чеканный строй
Ему звучал, и песнь лилась
Под звуки арфы золотой;
И в белоснежное шитье
Он был одет; и семь огней
Ему светили на пути
В стране, где нет теченья дней.
Он был допущен в тайный мир,
В котором вечен юный свет,
Где первый, Истинный король
Владычествует с давних лет.
Там услышал Эарендил
Слова, запретные иным;
Виденья Эльфов и Людей
Прошли чредою перед ним.

Но срок настал, и новый челн
В дар получил Эарендил.
Избрали Эльфы для него
Хрусталь эльфийский и мифрил;
Его венчал живой огонь,
Огонь бессмертный - Сильмарилл,
Подарок светлой Элберет;
Ему служила пара крыл,
Что заменяла паруса,
Эарендил был вознесен
Для новых странствий без границ
На безграничный небосклон.
На легкокрылом корабле
Взлетев над Вечною Страной,
Он устремился в дальний край
Вослед за Солнцем и Луной.
На грани мира свой корабль
Направил он во тьме ночной
В обратный путь, в знакомый мир,
К родной земле, спеша домой.

Он мчался над туманной мглой
Звездой, блуждающим огнем -
Предвестьем Солнца, в серый мир
Спешащего с грядущим днем.
Над Среднеземьем задержал
Эарендил поспешный бег;
Он чутким слухом уловил
Стенанья тех, кто в давний век

Погиб - и дев эльфийских плач,
И жен людских... То Рок зывал
К нему - остаться в небесах.
Эарендил навеки стал
Для всех, затерянных во тьме
Звездой, летящей в вышине,
Живым огнем, проводником
К Священной Западной Стране.

Голос, читавший балладу, смолк. Фродо открыл глаза и увидел Бильбо, сидящего все на том же табурете, в кругу улыбающихся и аплодирующих слушателей.

– А теперь хорошо бы послушать еще раз, - предложил один из эльфов.

Бильбо встал и с достоинством поклонился.

– Я весьма польщен, Линдир, - произнес он, - но не обессудь, это слишком утомительно, уж очень длинно получилось.

– Утомительно? Это для тебя-то, дорогой Бильбо? - послышались со всех сторон голоса.

- Да ведь всем известно, собственные стихи ты никогда не устаешь читать!

– Ты ставишь нас в трудное положение. С первого раза мы твою загадку не разгадаем.

– Что я слышу? - в притворном негодовании вскричал Бильбо. - Эльфам не отличить стихи Бильбо от стихов Дунадана? Ни в жизнь не покорю!

– Что поделать, - ответил тот же эльф, который предлагал прочесть балладу еще раз, - нам вообще не просто отличить одного смертного от другого.

– Чепуха, Линдир, - фыркнул Бильбо. - Если уж вы не замечаете разницы между человеком и хоббитом, чего же стоит ваше мнение о поэзии? Да наши стихи похожи друг на друга не больше, чем яблоко на горох.

– Я и не спорю, - засмеялся Линдир. - Конечно, овца овцу в стаде всегда отличит, да и пастух, наверное, тоже. Но ты уж прости: мы никогда специально не присматривались к смертным, у нас хватало своих забот.

– Ладно, - Бильбо примирительным жестом поднял руки, - пусть будет по-твоему. Только второй раз я читать не буду.

Он встал и отошел к Фродо.

– Уф, отделался, - тихонько произнес он. - Получилось даже лучше, чем я ожидал. Они не часто просят меня повторить что-нибудь. А тебе как?

– Я-то уж точно не угадаю, - улыбнулся Фродо.

– А я тебя и не прошу. Баллада-то вся моя. Арагорн только про зеленый камень добавил. Ему это почему-то важно показалось. По мне - так не обязательно. Но он-то говорит, что если уж я набрался нахальства в Доме Элронда читать балладу об Эарендиле собственного сочинения, то я и про зеленый камень понимать должен. Что ж, может, он и прав.

– На мой взгляд, - промолвил Фродо, - там всего хватает. Я вряд ли сумею толком объяснить: видишь ли, когда ты начал читать, я, э-э, ну, спал, короче. И вот мне показалось, что баллада как будто прямое продолжение моего сна. Я так почти до самого конца и не понял, что это твой голос.

– Я знаю, - кивнул Бильбо, - поначалу в этом зале не задремать трудно. Привычка нужна. У хоббитов такого аппетита к музыке, как у эльфов, не встретишь. И к поэзии тоже. Для них они чуть ли не важнее еды. - Он оглядел зал. - Знаешь, это еще надолго, как ты думаешь, не улизнуть ли нам потихоньку, да поговорить спокойно, а?

– А они не обидятся? - засомневался Фродо.

– Так ведь не дела, веселье, - махнул рукой Бильбо. - Приходи, уходи сколько влезет, лишь бы не мешал.

Они встали и вдоль стены начали потихонечку пробираться к двери. Сэма, безмятежно

спящего со счастливой улыбкой на лице, решили не трогать. Фродо, конечно, рад был побыть с Бильбо, и все же, покидая Каминный Зал, он испытывал сожаление. Уже на пороге их догнал одинокий чистый голос певца.

А Элберет Гилтониэль,
Силиврен пенна мириэль,
О менел аглар элленат!
На-кайред палан-дириэль
О галадреммин эннорат,
Фануилос, ле линнатон
Неф айар, си неф айарон!

Фродо обернулся. Владыка Элронд сидел в кресле и по лицу его, словно солнечные лучи на кроне дерева, перебегали отсветы огня. Рядом сидела Арвен. Возле ее плеча хоббит с удивлением заметил склонившегося Арагорна. Плащ Дунадана был откинут, под ним серебрилась эльфийская кольчуга, а на груди сияла многолучевая звезда. Они тихо разговаривали, а потом... Фродо показалось, что Арвен взглянула прямо ему в глаза и лучистый взор эльфийской девы тепло толкнул хоббита в сердце.

www.kinosite.net

Зачарованный этим взглядом и чистыми звуками эльфийской песни, сливавшимися с дивной музыкой в самоцветный водопад, Фродо стоял на пороге, не в силах пошевелиться.

– Пойдем! - Бильбо потянул его за рукав. - Это «Песня к Элберет». Потом пойдут другие песни Благословенного Края, а потом еще раз, все сначала. Идем же!

Он привел Фродо к себе в комнату. Окна ее выходили в сад, а дальше раскинулась в ночи спящая пойма Бруинена. Они сидели у окна, глядели на звезды над зубчатой стеной леса по дальним холмам, и негромко разговаривали. Теперь их не занимали больше ни мелочи

Хоббитона, ни обступившие со всех сторон опасности, а только эльфы, звезды, деревья и леса, ухившие к осени в своем торжественном и печальном убранстве.

Через некоторое время в дверь постучали.

– Прощения просим, - сказал Сэм, просовывая голову в комнату, - я подумал, не нужно ли вам чего?

– Да уж и ты меня прости, Сэм, - ответил Бильбо, - я и сам знаю, твоему хозяину спать пора.

– Ну, вроде бы как там Совет завтра спозаранку, я слышал, - смутился Сэм, - а он ведь сегодня первый раз встал-то.

– Правильно, - рассмеялся Бильбо. - Можешь сбежать, сказать Гэндальфу, мол, сейчас спать идут. Доброй ночи, Фродо! Я рад увидеть тебя снова. Все-таки для хорошего настоящего разговора лучше хоббитов народа не придумаешь. Я, наверное, старым становлюсь, вот гадаю все: доведется ли увидеть, чем кончатся твои главы этой истории. Доброй ночи! Я прогуляюсь, пожалуй, погляжу еще на звезды, на Элберет. Спи хорошо!

Глава 2 Совет у Элронда

Утром Фродо проснулся рано, чувствуя себя совершенно здоровым и выспавшимся. Поднимавшееся из-за далеких гор нежаркое осеннее солнце застало его уже на террасах над говорливым Бруином; тончайший жемчужный туман висел над рекой, пожелтевшие листья мерцали росой, а в воздухе плыли тонкие, колышущиеся паутинки. Сэм молча шагал рядом с Фродо, шумно принюхиваясь, и поминутно ошалевшими от восторга глазами возвращался к величественным горным вершинам на востоке, коронованным снежными шапками.

За поворотом тропы, на уютно врезанной в склон каменной скамье, они увидели погруженных в неспешную беседу Бильбо и Гэндальфа.

– Доброе утро, путешественники! - приветствовал их Бильбо. - Ну как, готовы к великим разговорам?

– Я теперь ко всему готов, - ответил Фродо. - Но, по чести, я бы сегодня весь день лазил по окрестностям. Хорошо бы добраться во-он до того соснового бора наверху. - Он показал рукой.

Гэндальф рассеянно взглянул и озабоченно произнес:

– Может, попозже случай и представится, а сейчас не будем загадывать. Сегодня нам предстоит о многом услышать и многое решить.

Они все еще разговаривали, когда в воздухе разлился чистый звон одинокий колокол.

– О! Это - на Совет, - поднял брови Гэндальф. - Надо идти. Вы оба приглашены, - и он, молодо вскочив на ноги, широко зашагал к Дому.

Фродо и Бильбо поспешили за ним, а сзади поплелся Сэм, как-то сразу почувствовавший себя неприкаянным.

Возле ротонды, где прошлым вечером Фродо встретил друзей, он оглянулся. Долина, до краев заполненная ясным утренним светом, раскинулась перед ним. Шумел и пенился внизу Бруинен. Пели птицы, удивительное покойное чувство безопасности лежало на всем. Фродо мельком подумал, как далеко отодвинулись сразу все тревожения бегства из Шира, грозные слухи о нависающей над миром Тьме; казалось, все это привиделось ему в плохом сне. Но когда он вслед за магом вошел в зал Совета, лица собравшихся, повернувшиеся к ним, были серьезны, если не сказать - мрачны.

Фродо, обежав глазами зал, заметил Элронда, Глорфиндейла, Глоина, увидел в дальнем углу одиноко сидящего Колоброта, снова в походном плаще и старых сапогах. Элронд пригласил хоббита сесть рядом с собой и представил остальным.

– Вот, друзья мои, хоббит Фродо, сын Дрого. Не многим выпала столь опасная дорога в Дольн и мало кто спешил сюда с более серьезным делом.

Потом Элронд назвал Фродо тех, с кем он еще не успел познакомиться. Молодой гном рядом с Глоином, оказался его сыном Гимли. В зале находилось несколько здешних эльфийских советников во главе с Эрестором, рядом сидел прибывший из Серебристых Гаваней с поручением от Кирдэна Корабела эльф Гэлдор. Фродо обратил внимание на другого эльфа, в зеленом с коричневым наряде. Это был Леголас, сын Владыки Трандуила, Короля эльфов Северного Сумеречья. А чуть поодаль от него расположился высокий статный человек благородного вида, темноволосый и сероглазый. Он обводил зал взглядом суровым и гордым. Дорожный его наряд отличался богатством, но изрядно выгорел и пришел в некоторое небрежение - видно, владелец его проделал немалый путь. Человек носил на груди серебряную цепь с единственным белым камнем. Большой рог, оправленный серебром, лежал у него на коленях. Фродо заметил, с каким неподдельным изумлением воззрился на них этот решительный воин.

Элронд повернулся к магу.

– Вот Боромир, - назвал он человека, - явившийся с юга нынче утром за советом. Я просил его присутствовать, ибо сегодня он услышит ответы на свои вопросы.

Многое обсуждалось на Совете. Вовсе не обязательно пересказывать все это здесь. Среди прочего, касались положения на юге, с которым Фродо в общих чертах был уже знаком по слухам, а вот рассказ Глоина по-настоящему заинтересовал его. Оказалось, что творцы великолепия Одинокой Горы немало встревожены.

– Вот уже много лет, - степенно говорил Глоин, - как нам нет покоя. Сначала и не понять было, какая такая забота застряла у нас в сердцах, как соринка в глазу. По углам шептались, что вот-де, засиделись гномы в этой норе, а настоящее богатство и великолепие ждет в

широком мире. Часто вспоминали Морию - великое творение наших отцов, Казад Дум называлось это царство; некоторые призывали вернуться туда, ибо гномы достаточно сильны, чтобы отвоевать его снова.

Глоин вздохнул.

– Мория, Мория! Диво Северного мира! Когда-то гномы слишком углубились в ее недра и ненароком пробудили безымянный Страх, таившийся в подгорных безднах. Давно заброшены обширные чертоги, поспешно покинутые детьми Дарина. Но вот о них снова заговорили, кто с вожделием, кто со страхом. Немало королей восходило на престол гномов с тех пор, но один лишь Трор отважился переступить порог Казад Дума и сгинул навеки. И вот Балин, распаленный разговорами, упросил государя Даина отпустить его попытать счастья. С ним ушли Ори, Оин и многие другие из нашего народа.

Тому уже тридцать лет минуло. Поначалу от них приходили добрые вести, Балин проник в Морию и начал большие работы, а потом вдруг - молчание, и за все эти тридцать лет ни словом не откликнулась Мория.

Но вот около года назад к Даину прибыл посланец, да только не из Мории, а из Мордора. Однажды ночью он подскочил к воротам и вызвал государя, поведав ему на словах о желании своего хозяина, как он сказал - Владыки Саурана Великого, предложить гномам дружбу и обещание вернуть кольца, те самые, старинные. А еще посланец расспрашивал о хоббитах: какого они рода и где обитают?

«Великому Саурану ведомо, - так он сказал, - что некогда ты знал одного из них».

Мы ничего не ответили посланцу, но встревожились. А он, понизив голос, словно пытаясь смягчить его, просипел: «В знак маленького залога большой дружбы Саурон просит помочь ему найти вора, - он так и сказал, - и отнять у него маленькое колечко, самое распоследнее, слабенькое колечко. Хоббит украл его. Саурану нужен сущий пустяк, простое подтверждение вашей доброй воли. Только найдите хоббита и три древних кольца, принадлежавших гномам, вернутся к вам вместе с Морийским Царством. Дружба Саурана Великого и богатые дары - за одного паршивого хоббита или только за сведения о нем! Если откажетесь, много потеряете, Ну так как, вы отказываетесь?»

Мы, стоявшие поблизости, вздрогнули, услышав этот змеиный шип, но государь наш Даин произнес: «Я не могу дать ответ. Мне нужно обдумать твои слова».

«Думай, но не слишком долго», - предупредил посланец.

«Мое время принадлежит только мне», - ответил Даин.

«До поры», - прошипел всадник и ускакал во тьму.

Тяжкое раздумье предстояло нам. Ни голос, ни вид посланца ничего не добавили к нашим опасениям. И без того понятно, нас заманивали. Мы ведь давно знакомы с той силой, что снова правит Мордором. Она не раз предавала нас в древности. Еще дважды возвращался гонец и уходил ни с чем. В последний раз он предупредил, что вернется еще до наступления нового года за окончательным ответом.

И вот Даин послал меня, во-первых, предупредить Бильбо о том, что его разыскивает Враг; во-вторых, выяснить, зачем Саурану так понадобилось это «слабенькое», как он утверждает, колечко; и, в-третьих, за советом к тебе, Владыка Элронд, ибо Тень, встает над миром снова. Мы знаем, что посланцы Мордора посетили Бранда и смутили его. Если Враг пригрозит ему войной, а она вот-вот может разразиться на его восточных рубежах, король Бранд может уступить, и тогда нашим владениям грозит большая опасность.

– Царь Даин мудро поступил, отправив тебя в Дольн, достопочтенный гном, - раздался голос Элронда. - Сегодня вы узнаете все и поймете замыслы Врага. Но выхода нет, и не только у гномов. С надеждой или без нее, вам придется противостоять Темной Стране. Но вы не одни. Ваша тревога - лишь часть забот всего Западного мира. А главная среди них - Кольцо. Нам предстоит решить, что же делать с этим распоследним колечком, с этим капризом Саурана. Вот главная причина, по которой вы все званы на Совет. Вы можете возразить мне: вас никто не звал. Но вы здесь, именно те, кто должен быть, и именно тогда, когда в этом есть

настоятельнейшая необходимость. Значит, вы званы самой Судьбой и вам предстоит решать, как отвести угрозу от всего нашего мира.

Вы услышите то, о чем до сего дня знали очень немногие. Время пришло. Но чтобы всем было понятно дальнейшее, выслушайте Историю Кольца с начала и до сего дня. Я начну, закончат другие.

Глубоким звучным голосом Элронд повел рассказ о Сауроне и Кольцах Власти, о том, как давным-давно отковали их в начале Второй Эпохи. Отдельные фрагменты этой истории некоторые из присутствовавших знали, но весь рассказ не был известен никому, и слушали Элронда в великом внимании, страхе и удивлении.

Он начал с эльфийских кузнецов Эрегиона, друживших некогда с гномами Морийского Царства, искавших все большей и большей мудрости на пути знания, где и подстерег их Саурон. Тогда он не был отмечен ужасной внешностью, мог облекаться в разные личины и эльфы приняли предложенную им помощь, действительно позволившую взойти на новую ступень мастерства. Саурон, вызнав многие секреты, предал эльфов Эрегиона. В пламени Огненной Горы выковал он Кольцо Всевластья, чтобы объединить и поработить магические Кольца. Но замысел не удался. Келебримбор не доверял Саурону и скрыл Три Кольца, выкованные им самим. Началась война. Весь край пришел в запустение. Тогда и закрылись Ворота Морийского Царства.

Мы не приводим здесь весь рассказ Элронда; история Кольца Всевластья приводится во многих источниках и опирается на записи самого Элронда. Она длинна, полна описаний великих и грозных свершений, но сейчас нет необходимости пересказывать ее. Хотя на Совете Элронд говорил кратко, солнце успело подойти к полудню, прежде чем он закончил.

Коснулся он и Нуменора, его возвышения и падения, говорил о возвращении в Среднеземье королей Людей, упомянул о том, как Элендил Высокий с сыновьями Исилдуром и Анарионом основали Северное и Южное Княжества в Арноре и в Гондоре, о том, как напал на них Саурон Мордорский и как создан был Последний Союз Эльфов и Людей, а в Арноре собралась великая объединенная рать Гил-Гэлада и Элендила.

Элронд замолчал и вздохнул.

– Я хорошо помню, – продолжал он, – великолепие их знамен, напоминавшее славу Древних Дней и дружины Белериаида. Множество знатных князей и доблестных вождей собрали Гил-Гэлад с Элендиллом, и все-таки уже не так много, как тогда, в древности, во времена разгрома Тонгородрима и окончательной, как тогда думали эльфы, победы над Злом.

– Помнишь?! – от удивления Фродо начал думать вслух. – Но ведь... мне казалось, – он смутился под устремленными на него взглядами, – ведь Гил-Гэлад, Элендил – это же было так давно!

– Давно, – спокойно подтвердил Элронд, – и все-таки моя память свободно проникает в

Древнейшие Дни, ибо отцом моим был Эарендил, рожденный в Гондолине, а матерью - Эльвинг, дочь Диора, внучка Лучиэль из Дориата. Перед моими глазами прошли все три эпохи Западного мира, множество жестоких сражений и множество бесплодных побед.

Я - глашатай Гил-Гэлада, я шел впереди его войска, я сражался при Дагорладе перед Черными Воротами Мордора. Мы победили тогда. Не было равных копьё Гил-Гэлада Айглосу и мечу Элендила Нарсилу. На моих глазах произошел последний бой на склонах Ородруина, там погиб Гил-Гэлад и там пал Элендил, сломав свой Нарсил, но и Саурон Темный был повержен, а Исилдур обломком отцовского меча отрубил у Врага палец с Кольцом и объявил Кольцо своим.

При этих словах вскочил Боромир.

– Вот что стало с Кольцом! - воскликнул он. - Мы не знали об этом, а то бы помнили! В Гондоре знают о Великом Кольце Неназываемого, но мы думали, оно ушло из мира, сгинуло под руинами. Так его взял Исилдур! Вот это новость!

– Увы, - печально произнес Элронд. - Исилдур взял его, а делать этого не следовало. Следовало бы бросить его в жерло Ородруина тут же, рядом. Но некому было образумить Исилдура. В этой последней смертельной схватке он один остался возле отца. А над погибшим Гил-Гэладом стояли только Кирдэн да я. Нас он не стал бы слушать.

«Это моя вира за отца и брата», - вот его тогдашние слова.

Кольцо осталось у Исилдура и вскоре погубило его, став для Северян Проклятием Исилдура. Впрочем, как знать, не была ли смерть лучшим уделом этого отважного воина?

О том, что случилось дальше, знают только Северяне. Из всего отряда Исилдура уцелело трое. Оруженосец Охтар принес обломки Нарсила в Дольн и передал наследнику Исилдура Валендилу, бывшему в то время еще ребенком. Но свет Нарсила померк и до сих пор не воссиял снова.

Да, Последний Союз победил, но, как всегда, не до конца. Саурон оказался повержен, но не уничтожен, Кольцо потеряно, но цело. Черная Крепость лежала в руинах, но руины скрывали неповрежденные корни Зла, созданного Кольцом, и пока Кольцо цело, целы и они. В сражениях пали величайшие из людей и эльфов, сражен Анарион, погиб Исилдур, ушли из мира великие воители Гил-Гэлад и Элендил. Это был воистину Последний Союз. Людей становится все больше, Перворожденных все меньше, трещина между двумя народами расширяется. А с тех пор как Исилдур взял Кольцо, начал клониться к закату нуменорский род. Жизнь нуменорцев становится все короче.

На Севере, после гибели Исилдура, их почти не осталось. Прекрасный Ануминос на берегу озера Дрема разрушился и порос травой. Потомки Исилдура ушли в Форноста на Северных Увалах, теперь и его следов не отыскать. Люди никогда не бывают там. Нет больше народа Арнора, в нескончаемых битвах с врагами иссякла их власть и слава, только курганы

зеленеют по холмам.

Другая участь выпала Южному Княжеству Гондор. Шло время, а великолепии его только росло и стал Гондор напоминать могуществом Нуменор во дни величия. На юге строили высокие башни, гордые крепости и прекрасные гавани. Крылатый венец Королей рода Человеческого почитался во всем Среднеземье. Столицей княжества была Звездная Цитадель, Осгилиат, надвое рассеченный течением Андуина. К востоку от него, в отрогах Хмурых Гор гондорцы выстроили Минас Итиль, Крепость Восходящей Луны, а к западу, у подножия Белых Гор - Минас Анор, Крепость Заходящего Солнца. Там, во дворе Короля, росло Белое Дерево, семя которого пронес Исилдур над морскими пучинами, прежде росло оно на дивном острове Эрессеа, а туда пришло с Заокраинного Запада, где родилось в Первый День мира.

Устал от быстро мелькавших лет Среднеземья и угас род Менельдила, сына Анариона, засохло Дерево, а нуменорская кровь перемешалась с кровью меньших Людей. Ослабла бдительность у врат Мордора и темные твари прокрались в Горгорат и размножились. Со временем захватили они и Минас Итиль, превратив в жуткое место. С тех пор имя ему - Минас Моргул, Чародейская Крепость. Получил новое название и Минас Анор, теперь это Минас Тирит, Крепость Рубежа, и война между двумя этими твердынями нескончаема. Осгилиат разрушен, призраки бродят там меж развалин.

Все это случилось уже много человеческих поколений назад. Но Правители Минас Тирита еще не сдались, по Реке еще можно пройти от Аргоната до Моря.

Вот, кончается вверенная мне часть истории. Верховное Кольцо исчезло во дни Исилдура, Три укрыты от Врага. Теперь и они в опасности, ибо к великому нашему несчастью Единственное найдено. О том, как это случилось, пусть расскажут другие.

Элронд смолк, но тут же вскочил порывистый Боромир.

– Мастер Элронд, - обратился он к Владыке Дольна, - позволь мне немного дополнить твои слова о Южном Княжестве, ибо именно Гондором послан я сюда. Полезно бы знать всем присутствующим о наших делах. Ведь только нашей доблестью до сих пор сдерживаются дикие орды Востока и ужас Мордора, это нам обязан Запад миром и свободой. Что будет, если мы не сможем удержать переправы на Андуине?

Я не зря спрашиваю, именно так скоро и может произойти. Враг, которого не называют у нас, снова поднимается. Снова курится дымом вершина Роковой Горы, которую вы зовете Ородруином. Мощь Черной Страны растет с каждым днем, мы почти окружены. Потерян Итилиен, наши исконные прекрасные земли на восточном берегу. В июне мы были разбиты. Мордор бросил против нас вастаков и людей Харада. Мы бы устояли, но вот против нового врага, доселе неизвестного, выстоять не смогли.

Что оно? Говорят, иногда это огромный черный всадник, от одного вида которого оружие падает из рук наших воинов, а дикари просто звереют. Из Итилиена вернулась лишь горстка воинов, успев разрушить за собой последний мост Осгилиата. Я был в их числе. Спаслись четверо: мой брат и еще два воина. И все же мы держимся. Западный берег Андуина наш. Народы за нашей спиной прославляют нас, но помощи не присылают. Из всех союзников только Рохан блюдет древний договор.

В это тяжелое время пришел я в Дольн, одолев невероятный путь. Сто дней и еще десять провел я в седле. Но я пришел просить не помощи в войне, ибо сказано: не мощью оружия силен Дольн, а мудростью. В совете нуждается Гондор, в совете и в разгадке вещей снов, вернее, одного сна, привидевшегося моему брату накануне итилиенского сражения. Брат мой видел тот же сон еще несколько раз, однажды пришел он и ко мне.

В полуночной грезе предстало передо мной предгрозовое восточное небо, оттуда непрестанно слышались громовые раскаты. С запада, из вечерней зари прозвучал нам далекий, но чистый голос, отчетливо произнесший слова:

Сломанный Меч в Имладрисе искать
Отныне вам суждено.

Срок наступает - Совет созвать
Сильнее Моргульских чар.
Там будет явлен зловещий знак -
Проклятье пробуждено,
И полурослик уйдет во мрак,
Приняв на себя удар.

Мы не поняли, что это значит, и спросили отца нашего, Правителя Денетора, умудренного в знаниях. Он смог сказать только, что в древности Имладрисом звалась эльфийская долина на севере, там сохранялась в неприкосновенности мудрость Высоких Эльфов. Брат мой порывался отправиться на поиски, но, памятуя о дорожных опасностях, в путешествие, уговорив отца, отправился я. Блуждал по дорогам, ехал бездорожьем, искал Дом Элронда, о котором слышали все, но не знает никто. И вот я здесь.

– И здесь ты многое поймешь, - ответил Арагорн, вставая и кладя на стол перед Элрондом обломки своего клинка.

– Вот Сломанный Меч!

– Кто ты и что тебе до Минас Тирита? - невольно отступая перед высоким Следопытом, спросил Боромир, вглядываясь в обветренное лицо.

– Он - Арагорн, сын Арахорна, - негромко прозвучал в наступившей тишине голос Элронда. - Он - Наследник Исилдура, сына Элендила из Минас Итиля. Он - вождь дунаданов-северян, тех немногих, кто остался от этого славного народа.

– Так значит *оно* тебе принадлежит, а не мне вовсе! - Фродо в крайнем возбуждении вскочил на ноги, держась рукой за грудь.

– Оно не может принадлежать никому из нас, - сурово остановил его Арагорн. - Судьбе угодно было на время доверить его тебе.

– Достань Кольцо, Фродо, - повелительно произнес Гэндальф. - Пришло время. Подними, подними выше, пусть посмотрит Боромир и поймет смысл видения.

По залу пробежал ропот, вслед за тем воцарилось молчание. Все взгляды обратились к Фродо. Страх и еще почему-то стыд терзали хоббита. Ему ужасно не хотелось не только доставать Кольцо, но даже прикасаться к нему, а захотелось наоборот оказаться за тысячу миль отсюда. И все-таки он нашел в себе силы и дрожащей рукой поднял неимоверно тяжелое, сияющее Кольцо.

– Перед вами - Проклятие Исилдура! - гулко раскатились под сводами слова Элронда. Боромир пожирал глазами страшный золотой символ.

– Полурослик... - растерянно пробормотал он. - Значит, пробил час Минас Тирита! Но тогда к чему нам Сломанный Меч?

– В предсказании говорится о сроке, а не о часе, - резко поправил его Арагорн. - Но час действительно настает, час великих свершений. Вот Меч Элендила, единственное наследие, пронесенное через века. Ему предречено быть откованным заново, когда найдется Проклятие Исилдура. Ты отправился на поиски этого меча, чего же ты хочешь теперь? Хочешь ли ты, чтобы род Элендила вернулся в Гондор?

– Меня послали лишь для того, чтобы уяснить смысл пророчества, - гордо выпрямившись, отвечал Боромир. - Да, Гондору приходится тяжело. Меч Элендила пришелся бы нам как нельзя кстати... если, конечно, прошлое вернет его без изъяна, - он с явным сомнением окинул взглядом фигуру Следопыта.

Фродо почувствовал, как рядом вскинулся Бильбо, оскорбленный недоверием, оказанным старому другу. Хоббит встал, приосанился и громко произнес:

В истинном золоте блеска нет;
Не каждый странник забыт;
Не каждый слабеет под гнетом лет -
Корни земля хранит.

Зола обратится огнем опять,
В сумраке луч сверкнет,
Клинок вернется на рукоять,
Корону Король обретет!

– Не ахти какие стихи, но суть передают верно, - Бильбо выглядел взъерошенным. - Если слова Элронда не убедили тебя, - он сердито ткнул пальцем в сторону Боромира, - пусть хоть это поможет. Раз уж ты ехал сто дней и еще десять, лучше прислушаться к тому, что тебе говорят! - хоббит фыркнул и сел на место.

– Это мои стихи, - шепнул он Фродо. - Я их для Дунадана давным-давно сочинил, еще когда в первый раз услышал его историю. Знаешь, я, по-моему, готов совершить еще одно путешествие с ним вместе, когда придет его день.

Арагорн улыбнулся и кивнул Бильбо, а потом снова повернулся к Боромиру.

– Твое сомнение простительно, - мягко сказал он. - Я не очень-то похож на знакомые тебе изваяния Элендила и Исилдура, стоящие в залах Денетора. Я только потомок, а отнюдь не сам Исилдур. Жизнь я прожил долгую и нелегкую, а твой путь из Гондора до Дольна - малая толика моих дорог. Мне пришлось пересечь немало гор и рек, я видел дальние страны, где даже рисунок звезд в небе иной, чем здесь. Но дом мой, уж какой есть, на севере. Род

Валендила не прерывался, Меч всегда переходил из рук в руки, хоть нас и становится все меньше. Да, мы - Скитальцы из Пустоземья, следопыты и охотники, только дичь у нас особая - вражьи прислужники; их и за стенами Мордора хватает.

Ты говорил о крепости, принимающей на себя удары Врага, наша задача в ином. На свете немало зла, для которого ничто крепостные стены и острые мечи. Много вы знаете о мире за границами Гондора? Там свобода, ты говоришь? Так вот, ее бы там и в помине не было, если бы не мы, северяне. Когда темные твари, которых ты и в кошмаре не видывал, вылезают из-под холмов, из темных лесов, не свобода, а страх царит на равнинах. И тогда на их пути встаем мы. Кто мог бы безопасно пользоваться дорогами, кто мог бы спокойно спать в мирных краях Среднеземья, если бы северяне-дунаданы оставили свою неусыпную службу, если бы покинули этот мир?

Ты говоришь, вас благодарят, но не помогают? Нам не перепадает и этого. Путники косятся, встретив на дорогах, селяне изощраются, выдумывая для нас прозвища. Один толстый трактирщик прозвал меня Колобродом, а между прочим, живет он в одном дне пути от таких чудищ, что увидишь только - обомрешь, а если оно наведается к нему в гости, от деревни и труб не останется. Но он спит себе преспокойно, потому что не спим мы. А по-другому и быть не может. Пусть простой фермер живет, не зная страха, я и мой народ все сделаем, чтобы он жил так и дальше. Для этого храним мы свои тайны, в этом видим свое назначение, покуда зеленеет трава.

Но вот снова меняется мир. Настает новый час. Проклятье Исилдура нашлось. Война - в двух шагах. А значит Меч мой будет откован заново, значит, я приду в Минас Тирит!

– Вы все говорите, о Проклятии Исилдура, - прищурился Боромир, - а я видел только золотое колечко в лапке полурослика. Исилдур сгинул, когда наша Эпоха еще не начиналась. Откуда же узнали Мудрые, что это - Кольцо Исилдура? Как прошло оно сквозь годы, почему принесено сюда таким странным хранителем?

– Ты услышишь и об этом сегодня, - произнес Элронд.

– Но ведь не сейчас же, Мастер! - воскликнул Бильбо. - Посмотри, дело уже к полудню, надо же и подкрепиться, в конце концов.

– Я тебя не называл, - улыбнулся Элронд, - ты сам вызвался. Вот и начинай. Выкладывай свою историю. А если ты успел переложить ее на стихи, ох, не скоро придется тебе подкрепляться.

– Ладно, - неожиданно покладисто согласился Бильбо, - сделаю, как просишь. Но теперь вы услышите *настоящую* историю, а если кто слышал другую, может, даже и от меня, - хоббит покосился на Глоина, - забудьте и простите. Очень уж мне в те поры хотелось отделаться от воровской репутации. Теперь-то я многое понимаю... Ладно. Вот как это было.

Для многих из присутствующих на Совете, история Бильбо была внове, они изумленно слушали старого хоббита, обстоятельно, без всяких прикрас описывавшего свое Приключение. Дойдя до встречи с Горлумом, он не ограничился одной загадкой, а привел их все, в том порядке, в каком они загадывались. Бильбо как раз собирался перейти к подробностям Праздника и своего исчезновения из Шира, но тут Элронд остановил его.

– Хорошо сказано, друг мой. Пока этого достаточно. Главное мы услышали и теперь знаем, как Кольцо оказалось у Фродо. Теперь его очередь.

Фродо с неохотой встал и не очень живо принялся рассказывать историю Кольца с тех пор, как оно перешло к нему на хранение. Бильбо вопросов не задавали, а вот путешествие хоббитов из Шира до Бруиненского Брода обсуждалось во всех деталях. Особенно подробно расспрашивали о Черных Всадниках.

– Неплохо, неплохо, - похвалил Бильбо, когда Фродо, наконец, сел. - Если бы тебя не прерывали все время, отличный рассказ получился бы. Я кое-что записал, мы потом должны просмотреть все это вдвоем, хватит на несколько глав.

– По-моему, на целую повесть, - усмехнулся Фродо. - Да только ведь история не закончена, неполная она. В ней многого не хватает, особенно про Гэндальфа...

Последние слова хоббита услышал сидевший рядом Гэлдор из Серебристых Гаваней.

– Вот и мне так кажется! - воскликнул он и, встав, обратился к Элронду. - По-видимому, у Мудрых есть причины считать находку полурослика тем самым великим кольцом, о котором было столько разговоров. Но то - Мудрые. А мы? Неужели нет других доказательств? И еще, я хотел бы спросить, почему среди нас нет Сарумана? Он много знает о Кольцах, его совет был бы как нельзя кстати.

– На самом деле, Гэлдор, это один вопрос, - сказал Элронд. - Есть и на него ответ. Но об этом пусть говорит Гэндальф. Ему принадлежит почетное последнее слово, ибо в новой истории Кольца главная заслуга его.

– Ты хочешь доказательств, Гэлдор, - задумчиво начал маг, - но для многих хватило бы рассказанного здесь Глоином, особенно если не упускать из виду, как выслеживали Фродо. Уже отсюда ясно, какую ценность представляет для Врага наше кольцо. Давай считать. Девять - у Назгулов. Семь - либо у Врага, либо уничтожены.

При этих словах Глоин беспокойно шевельнулся.

– О Трех мы знаем, - продолжал маг. - Какого же недостает? Да, между Рекой и пещерой лежит пустыня времени, потеря, на первый взгляд не очень-то связана с находкой. Но этот провал в знаниях мудрых наконец-то заполнен. Медленно заполнялся, согласен, слишком медленно, и вот Враг уже близко, ближе даже, чем я опасался. Счастье еще, что и Враг узнал обо всем недавно, не раньше этого лета.

Может быть, кто-то из вас помнит, как много лет назад мне пришлось добывать правду в Дол Гулдуре. Я был там, я видел Чародея, вызнал о нем многое и убедился: опасения наши справедливы. В Дол Гулдуре скрывался Саурон, наш древний Враг, снова принявший зримый облик и набиравший силу. Может, кто-то даже помнит, как отговаривал нас Саруман от немедленных действий и преуспел. Мы долго наблюдали. Мы дали разрастись Тени, и только тогда Саруман согласился, Совет принял решение, против Чародея были брошены все наши силы и Сумеречье освободилось от Зла. Как раз в тот самый год, когда нашлось Кольцо. Неправда ли, любопытное совпадение? Если совпадение вообще...

Как и предупреждал тогда Владыка Элронд, мы опоздали. Саурон тоже наблюдал за нами, он хорошо приготовился к отражению удара. Он управлял Мордором, отправив Девятерых в Минас Моргул. А когда там все было подготовлено, мы выступили, он разыграл паническое бегство и тут же оказался в своей исконной Черной Крепости, после чего не скрывался уже. Снова созван был Совет. Мы знали, как стремился он заполучить свое Единственное Кольцо, знали и опасались, нет ли у Врага каких-либо новостей о нем, нам неизвестных. Но Саруман веско сказал: «Нет» - и повторил то, что говорил и раньше: «Единственное никогда больше не объявится в Среднеземье».

Враг знает, говорил Саруман, что у нас Кольца нет. Он надеется найти его, но надеждам не суждено сбыться. Нам нечего бояться. Я недаром много лет посвятил изучению Колец. Саурон покинул мир живых, а тем временем Великий Андуин унес Кольцо в Море. Там оно и пребудет до Конца. Так говорил Саруман.

Гэндальф замолчал и перевел взгляд на далекие пики Мглистых Гор, у корней которых так долго таилась беда. Он вздохнул:

– Меня успокоили слова Сарумана Мудрого, в том самая большая моя ошибка. Я мог бы раньше отправиться на поиски истины, тогда сейчас нам не грозила бы столь великая опасность.

– Мы все ошибались, - печально произнес Элронд. - Если бы не твоя бдительность, Тьма уже поглотила бы нас. Но продолжай, прошу тебя.

– А ведь сердце мое чувствовало беду, - снова заговорил Гэндальф. - Меня весьма интересовало, как Горлум добыл «свою прелесть» и давно ли владеет ей. Я был уверен: он вылезет из подземелья и отправится на поиски сокровища. Я не хотел пропустить этот момент. И он вылез-таки, но улизнул от моих наблюдателей и - как в воду канул! И я, я оставил все как есть! Я опять ждал и наблюдал, мы ведь только этим и занимались долгие годы.

Конечно, хватало и других забот. Но прошло время, и мои опасения вспыхнули с новой силой. Откуда взялось хоббичье кольцо? И что с ним делать, если я вдруг окажусь прав в своих самых худших предположениях? Эти вопросы требовали ответа. Я по прежнему скрывал свои подозрения, орасаясь заговорить о них раньше времени. Осторожности нас научили бесконечные войны с Врагом, и которых главным оружием всегда оказывалось предательство.

Семнадцать лет назад это было. Но тут - новая напасть! У границ Ши́ра вдруг объявилось множество лазутчиков Врага - зверей, птиц, прочих тварей. Мои страхи начали расти... Я обратился за помощью к дунаданам, они удвоили дозоры, а я открыл то, что камнем лежало у меня на сердце, Арагорну.

– Тогда я предложил отловить Горлума, - подал с места голос Арагорн, - хотя времени прошло уже немало. Труд предстоял нелёгкий, но кому же, как не Наследнику Исилдура исправлять ошибку великого предка? Мы с Гэндальфом отправились на долгую охоту.

Маг рассказал, как они обшарили все Дикие Земли от Хмурых Гор до Ворот Мордора.

– Там мы впервые обнаружили слабые следы этого негодника. Выходило так, что он долго жил в Темных Холмах, но теперь его там не было. Я потерял терпение, а вслед за ним и надежду. И вот тогда мне подумалось, а не проверить ли само Кольцо? Не выдаст ли оно само себя? И в памяти моей отчетливо прозвучали слова Сарумана на одном давнем Совете, которым я не придал значения. Девять, Семь и Три, говорил Саруман, украшены каждое своим камнем. Единственное - нет. Оно простое, круглое и гладкое, словно какое-нибудь из меньших колец, но тайные знаки, покрывающие Одно, отличают его от прочих. Мудрый сможет прочесть надпись.

Он не сказал, что написано на Кольце. Кто мог знать об этом? Знал Саурон, сделавший Кольцо. А Саруман? Он многое узнал о Кольцах, но откуда? Чья рука, кроме Темной Длани, касалась Кольца? Только рука Исилдура.

Здесь я оставил поиски Горлума и поспешил в Гондор. Когда-то там хорошо относились к членам нашего Ордена. Саруман часто бывал там и подолгу гостил у Правителей Города. Но Денетор встретил меня куда менее любезно и без всякой охоты допустил в книгохранилище.

«Если тебе и вправду нужны предания Древних Дней, относящиеся к основанию Города, - с некоторым пренебрежением сказал он тогда, - ну что ж, читай. Былое - здесь. Мне это не нужно. Моя забота - грядущее. Здесь долго корпел Саруман, если ты не способней его, то ничего нового не найдешь. Я сам - Мастер в этом знании и о своем Городе знаю все». Так сказал Правитель Денетор.

А на проверку вышло другое. В книгохранилище нашлось немало записей, которых не прочесть хоть трижды мастеру. Люди перестали понимать языки и знаки, бывшие до них. Да, да, Боромир, в хранилище Минас Тирита и сейчас лежит манускрипт, который, как я полагаю,

после гибели последнего Короля не читал никто, кроме нас с Саруманом. Написан он рукой Исилдура. Он ведь не сразу покинул Город, как утверждают предания.

– Северные предания, - поправил Боромир. - Мы-то знаем, что после войны Исилдур жил в Минас Аноре у племянника, Менельдила. Он готовил его к правлению Южным Княжеством. Тогда же он посадил в память о брате последнее семечко Белого Дерева.

– И оставил свиток, - заметил маг. - Вот об этом-то в Гондоре забыли. А между прочим, свиток прямо касается истории Кольца. Я перевел запись. Вот она:

«Великое Кольцо станет отныне родовой драгоценностью Северного Княжества, а запись о нем останется в Гондоре, ибо и здесь обитают наследники Элендила. Я сделал эту запись, дабы не исчезла память о великих делах».

Маг оглядел собравшихся и продолжал.

– Дальше Исилдур описывает Кольцо таким, каким оно попало в его руки.

«Оно было горячим, когда я впервые взял его, горячим, как горящий уголь. Оно обожгло мне руку, и я сомневаюсь, что боль от ожога покинет меня когда-нибудь. Сейчас, когда я пишу, оно все еще остывает и умалется, но ни формы, ни красоты не теряет. Уже письмена, горевшие поначалу так ярко, тускнеют на глазах и едва различимы. Они напоминают руническое письмо Эрегиона, в мордорском языке нет знаков для такой тонкой работы. Но я не могу прочесть надпись. Полагаю, это язык Черной Страны. Он зол и груб. Я не знаю, какое злодейство таит надпись, но пока знаки не исчезли, сниму с них копию. Верно, Кольцо хранит жар руки Врага, и хоть черна его длань, Кольцо сияет, как огонь. Может статься, если нагреть Кольцо, знаки снова проступят на нем. Но я не могу заставить себя причинить вред этому единственно прекрасному из всех трудов Саурона. Это - мое сокровище, хоть я и заплатил за него великой болью».

– Теперь я знал, зачем отправился в Минас Тирит, - продолжал Гэндальф. - Как и предполагал Исилдур, надпись была сделана на языке Мордора. О том, что означают письмена, нам было известно и раньше. В тот миг, когда Враг впервые надел Кольцо, славный Келебримбор, создатель Трех чистых, наблюдал за Врагом и услышал зловещие слова. Так открылся коварный замысел.

Я покинул Денетора и в пути на север получил вести из Лориена. Арагорн изловил Горлума. Конечно, я поспешил ему навстречу. Как рисковал он в этой смертельно опасной охоте, я и предположить не могу.

– Что говорить о том, - заметил Арагорн. - Когда человек бродит у Черных Ворот, когда пробирается меж траурных цветов моргульской долины, то не рассчитывает на приятную прогулку. Откровенно говоря, и я решил бросить эту затею, даже повернул к дому, но тут мне повезло наконец: возле мутноватого озера в грязи четко отпечатались следы, свежие, совсем свежие и торопливые. Вели они со стороны Мордора, вдоль окраины Гиблых Болот. И вот там, на берегу бочажка, я обрел свое «сокровище». Оно паялилось в воду, видно, промышляло пропитание. Когда темный сумрак пал на землю, я поймал Горлума. Он был весь в какой-то зеленой слизи и кусался, как хорек. Вряд ли он питает ко мне теплые чувства, мне пришлось обойтись с ним жестко. Там, на месте, мне от него ничего не удалось получить, кроме нескольких укусов. Обратная дорога была сплошным кошмаром. Днем и ночью я не спускал с него глаз и гнал впереди себя с веревкой на шее и кляпом во рту, и в конце концов приволок в Сумеречье и сдал эльфам. Не скажу, что расставался с ним в слезах. Запах от него исходил довольно смрадный. Однако разлуки у нас не получилось. Подоспел Гэндальф, и я восхитился его терпению: ведь его хватило на долгую беседу с этой дрянью.

– Да, беседа была долгой и утомительной, - вспомнил Гэндальф. - Но очень полезной. С одной стороны, его версия «кражи» соответствовала той истории, которую нам поведал сегодня Бильбо, но здесь для меня было мало ценного. Я и раньше догадывался о том, как было на самом деле. Но, с другой стороны, я впервые услышал, как Кольцо вернулось со дна Великой Реки там, в низинах Оболони. А еще я узнал, как долго оно хранилось у Горлума - много поколений сменилось за это время среди его соотечественников! Сила Кольца продлила

его годы далеко за отпущенный срок, а такое во власти только Великих Колец.

Вот, Гэлдор, мои доказательства. А если их недостаточно, есть еще одна проверка. Вы видели Кольцо, Фродо его показывал. Оно круглое, без украшений, Но тайные письмена, о которых говорил Исилдур, еще можно прочесть. Для этого кто-нибудь должен был отважиться нагреть Кольцо. Я сделал это. Вот надпись на Кольце.

Голос мага поразительно изменился. В нем звучала грубая тяжкая мощь, когда он прочел:

Аш назг дурбатулук, аш назг гимбатул,
Аш назг тракатулук аг бурзум иши кримпатул!

Словно тень, затмила ясное солнце. В зале на миг потемнело. Все вздрогнули, а эльфы прижали ладони к ушам.

– Никто не осмеливался до сей поры вещать в Имладрисе на этом языке, Гэндальф Серый, - сурово проговорил Элронд. Тень исчезла и собравшиеся смогли перевести дух.

– И я надеюсь, никто не осмелится больше, - ответил Гэндальф. - Я не прошу у тебя прощения, Мастер Элронд. Либо этот язык зазвучит скоро в каждом уголке Запада, либо мы признаем, наконец, - перед нами сокровище Врага, в нем скрыта вражья злоба и заключена древняя вражья мощь. В те черные годы слова эти прозвучали впервые и кузнецы Эрегиона поняли, что преданы.

Чтобы всех отыскать, воедино созвать
И единою чёрною волей сковать...

Я еще немало узнал от Горлума. Разговорчивым его не назовешь, да и рассказчик из него неважный, но в одном можно не сомневаться: он был в Мордоре и там из него вытрясли все.

Враг знает о возвращении Единственного, знает о том, что оно долго хранилось в Шире, а раз его слуги шли за Кольцом почти до этих дверей, скоро узнает, что оно у нас.

Некоторое время все молчали. Потом заговорил Боромир.

– Так ты говоришь, этот Горлум - маленькая тварь, но большой прохвост? Что же вы сделали с ним?

– Его держат в заключении, чего же еще? - пожал плечами Арагорн. - Ему здорово досталось. В Мордоре его пытали, черный страх перед Сауроном до сих пор окутывает его сердце. Мне довольно того, что за ним присматривают эльфы Сумеречья. Он очень озлоблен, злоба дает ему силы, какие трудно предположить в столь щедедушном теле. Не сомневаюсь,

будь он на свободе, вреда принес бы немало. Ясно же, что из Ворот Мордора он вышел с согласия Врага, а значит, с черной целью.

– Увы! - неожиданно вскричал Леголас, и странно было видеть на прекрасном эльфийском лице горестное выражение. - Пришло время сказать и мне о порученном. Я принес недобрые вести, но только сейчас понял, насколько они злы. Смеагорл, которого здесь называют Горлумом, бежал!

– Как - бежал? - вскочил на ноги Арагорн. - Вот уж действительно дурные вести. Как бы нам всем не пришлось горько пожалеть об этом. Но скажи, как случилось, что народ Трандуила не справился с порученным ему делом?

– Часовые здесь ни при чем, - отвечал эльф. - Может быть, виною наше мягкосердечие. Пленному помогли бежать. А это значит, что о наших делах Врагу известно больше, чем нам хотелось бы. День и ночь, как просил Гэндальф, мы охраняли эту тварь, - удовольствие маленькое. Гэндальф надеялся со временем излечить Горлума и у нас не хватило духу держать его все время в темнице...

– Со мной вы так не нежничали! - фыркнул Глоин, припомнив свое заключение в подземельях Трандуила.

– Я тебя прошу, мой добрый Глоин, - Гэндальф проникновенно прижал руки к груди, - сейчас не время вспоминать старые обиды. Это досадное недоразумение давно исправлено. Если мы возьмемся разбирать старые распри, Совет можно закрывать.

Глоин встал и поклонился. Леголас продолжал.

– Мы выводили Горлума в лес. Он облюбовал одинокое дерево и все время проводил на вершине, на ветерке. Большой беды в том никто не видел, ведь под деревом стояла стража. Однажды он раскапризничался и отказался спускаться. Никому и в голову не пришло лезть за ним. Он, бывало, так цеплялся за ветки, что и не оторвешь. Охрана просто осталась под деревом на ночь.

А ночью напали орки. Их было много и самых свирепых. Это были горные орки, что само по себе странно, к лесу непривычные, их, конечно, отогнали, но Горлум исчез, а стража под деревом частью оказалась перебита, частью - захвачена в плен. Тогда-то мы и поняли, в чем цель этой нелепой вылазки, а Горлум, похоже, знал о ней заранее. Мы не знаем, как именно, но его предупредили. Он - хитрый, а вражьи шпионов развелось в лесу видимо-невидимо. Даже темные твари, изгнанные в Последний Год Дракона, стали возвращаться. Сумеречье, кроме северной части, вновь превращается в гиблое место.

Конечно, мы пошли по следам. Но они вели к Дол Гулдуру, а эльфам там делать нечего.

– И он ушел, - подвел итог Гэндальф. - Ладно. Не ловить же его снова. Пусть делает, что хочет. Видно, есть в этом какой-то промысел, и Горлум сыграет свою роль в свое время, только вряд ли Саурон или он сам догадываются, какой она будет.

Теперь я могу ответить на последний вопрос Гэлдора: где Саруман Белый? Что присоветует он в этой нелегкой ситуации? Мне придется занять ваше внимание подробным рассказом, он того стоит. До сей поры мы говорили об этом только с Элрондом. Думаю, это пока последняя глава в истории Кольца.

– В конце июня я был в Шире, - начал повествование маг. - Меня снедала тревога и источник её был на юге. Я и отправился туда, как будто специально навстречу вестям о войне в Гондоре. Слухи о Черной Тени словно ножом полоснули мне по сердцу. Несколько беглецов с юга, встреченных мной, были так напуганы, что ничего толком не смогли рассказать. Я повернул на северо-восток и по Зеленопутью направился в Брыль. В дороге я повстречал Радагаста Бурого, эльфы Трандуила должны знать его, одно время он был их соседом. Радагаст из нашего Ордена, но я лет сто его не видел. Тем более удивительно мне было, когда он окликнул меня.

– Гэндальф! А я тебя ищу! В этой глухомани и расспросить толком некого. Мне сказали, что тебя можно отыскать в какой-то деревне, не то Шир, не то Пыр...

– Верно сказали, - ответил я. - Ты только местным так не говори. Шир - не деревня, а

страна, хоть и небольшая, а ты сидишь на самой границе. Но это - к слову. Что за дело погнало тебя в дорогу? Видно, важное, ты ведь не очень-то расположен к путешествиям?

– У меня к тебе поручение, - отвечал он, - и куча плохих новостей. - Потом огляделся, словно рассчитывая заметить под кустом посторонние уши и прошептал: - Назгулы! Все Девять. Пересекли Реку и движутся на Запад. Выглядят черными всадниками.

Вот тут я и понял, наконец, что за тревога не оставляла меня. А Радагаст тем временем продолжал:

– У Врага, видно, какая-то большая забота здесь, иначе зачем бы Девяти соваться в такую дыру.

– Что ты имеешь в виду? - спросил я.

– Мне было сказано, что Девять повсюду расспрашивают о каком-то Шире...

Признаюсь, сердце у меня упало. Даже Мудрым небезопасно встречаться с назгулами, когда они все вместе, во главе с Предводителем. В древности это был великий король и великий чародей, а теперь его оружие - смертный ужас.

– Кто послал тебя? - поинтересовался я.

– Саруман Белый, - ответил Радагаст. - Он еще просил передать: коли тебе нужна его помощь - он готов, но тогда тебе придется поспешить, а то как бы поздно не было.

Я обрадовался. Саруман Белый - мудрейший среди нас. Радагаст и сам великий маг, мастер форм и цвета, кроме того, он знает все о травах и животных, а птицы, те просто его друзья. Но Саруман эпохами изучал искусство Врага, и только благодаря ему нам удавалось разгадывать ходы Темного Владыки. Именно Саруман разработал план нападения на Дол Гулдуур. Может статься, подумал я тогда, ему известен способ загнать обратно Девятерых.

– Я отправляюсь к нему, - сказал я Радагасту.

– Поспеши, - посоветовал он. - Я много времени потратил, разыскивая тебя, а дни бегут быстро. Мне было велено найти тебя не позднее середины лета, она как раз и наступила. Даже если ты отправишься сию секунду, вряд ли опередишь Девятерых. Они найдут страну, которую ищут. А я возвращаюсь домой. - Он вскочил на коня и готов был умчаться, но я остановил его.

– Постой, нам ведь понадобится твоя помощь, нам понадобится вообще любая помощь. Предупреди зверей и птиц, они же дружны с тобой. Пусть собирают новости, пусть присмотрят за этими делами, и пусть несут вести в Ортханк, мне и Саруману.

– Хорошо, - ответил Радагаст, - я сделаю, о чем ты просишь. - И он умчался так, словно все Девять гнались за ним.

В этот день мы с конем сильно устали. К тому же надо было обдумать все спокойно. Я заночевал в Брыле. В Шир возвращаться времени уже не было, решил я, и совершил самый большой промах из всех.

Я написал Фродо и доверил передать письмо своему давнему приятелю, хозяину гостиницы, а сам уехал на рассвете. Саруман издавна поселился в Изенгарде, в отрогах Мглистых Гор, неподалеку от Гривы Рохана. Боромир должен знать эту огромную, открытую всем ветрам равнину, раскинувшуюся до самых Белых Гор. А Изенгард - это каменистое плато, окруженное высокими острыми скалами. В центре этой естественной крепости стоит Ортханк - башня, выстроенная давным-давно руками нуменорцев. Глядя на нее, высоченную, хранящую немало тайн, трудно поверить, что это - рукотворное сооружение. В скалах Изенгарда только одни ворота, иначе в Ортханк не попасть.

Спустя немало дней, я поздним вечером приблизился к этим воротам. Их охраняли. Правда, как выяснилось, стража была уведовлена о моем приезде и открыла створы.

Когда они бесшумно сомкнулись за моей спиной, я почувствовал беспричинный с виду страх, однако, подъехал к дверям Ортханка. Саруман уже поджидал меня. Вместе поднялись мы к нему наверх. Я заметил у него на пальце кольцо.

– Вот ты и пришел, Гэндальф, - приветствовал он меня, а в глазах у него плясали белые огоньки, словно от какого-то недоброго веселья.

– Да, пришел, - отвечал я, - пришел за обещанной помощью, Саруман Белый.

Почему-то упоминание его собственного титула разгневало мудрого мага.

– Неужто за помощью, Гэндальф Серый? - с неожиданной издевкой переспросил он. - Кто бы мог подумать! Гэндальф Серый ищет помощи, такой хитроумный, такой непоседливый, он везде суется и во все вмешивается, а вот поди ж ты - за помощью пришел!

В полном недоумении глядел я на него.

– Если меня не обманули, - начал я, - настало время собрать воедино всю нашу мощь...

– Вполне допускаю, - усмехнулся Саруман. - Только позновато посетила тебя эта мысль. Интересно, долго ли Совет скрывал от меня события величайшей важности? Чего ради ты выбрался теперь из своего Шира?

– Девять вышли в мир, - ответил я ему. - Радагаст сообщил мне, что они перешли Реку.

– Ах, Радагаст! - захохотал он, и теперь-то уж ясно было, что он издевается. - Радагаст-укротитель пташек! Радагаст Простак! Радагаст Дурак! Значит, у него все-таки

хватило ума сыграть свою роль, а большего от него и не ждали. Ибо ты пришел, а это - главное. Здесь ты и останешься, Гэндальф Серый. Тебе пора отдохнуть от путешествий. Так решил я, Саруман Мудрый, Саруман - Создатель Кольца, Саруман Радужный.

Тут только я заметил, что одежда Сарумана, по привычке показавшаяся мне белой, переливается всеми цветами и оттенками. Когда он двигался, у меня просто в глазах рябило.

– Мне больше по душе белый цвет, - сказал я.

– Белый! Ха! Он хорош для начала. Но белые одежды можно выкрасить, белый лист исписать, а белый цвет - разложить.

– Тогда он уже не будет белым, - ответил я. - А тот, кто начинает расчленять целое на части, пытаясь понять природу целого, уже не будет мудрым.

– Нечего излагать мне прописные истины, - оборвал он меня, - оставь их своим друзьям-недоумкам. Я не затем вытащил тебя из норы, чтобы выслушивать твои наставления, я хочу предложить тебе выбор.

Дальше он произнес; целую речь и, как мне показалось, заранее отрепетированную:

– Древние Дни миновали, - так учил меня Саруман. - Уходят Средние Дни и уступают место Новым. Кончилось время Эльфов, настает наше: перед нами мир Людей, им надо управлять. Но нужна немалая сила, чтобы устроить этот мир так, как хотим мы, научить его Добру, ведомому лишь Мудрым.

Послушай меня, Гэндальф, старый мой друг и помощник, - тут голос его помягчел, он подошел поближе, - я сказал «мы», это и будем мы, если ты захочешь присоединиться ко мне. Поднимается новая сила. Против нее бесполезны старые союзники, а старые способы бесполезны для нас. Нет надежды у эльфов, нет шансов у гаснущего Нуменора. А значит, нет выбора и у нас, кроме как примкнуть к новой Силе. Вот в чем мудрость, Гэндальф. Вот в чем надежда. Она победит, эта Сила, победит скоро, и не забудет тех, кто помог ей победить. Она будет расти, а вместе с ней будет расти и наша мощь. Кому как не нам, Мудрым, набравшимся терпения, удастся направить ее, а потом и обуздать? Мы можем позволить себе выждать, можем сохранить наши помыслы, сожалея, конечно, о неизбежном зле по пути к великой цели: к Знанию, к Власти, к Порядку, к тому, чего мы тщетно пытались достичь, покуда наши слабые и ленивые друзья больше мешали, чем помогали нам. Наши намерения останутся прежними, изменятся лишь средства.

– Саруман, - остановил я эту прекрасную речь, - а ведь я уже слышал раньше подобные разговоры... от лазутчиков Мордора, посланных смущать невежественные умы. Не могу же я подумать, что ты так долго ждал меня только за этим.

Некоторое время он рассматривал меня, соображая что-то свое.

– Значит, такой мудрый план не увлекает тебя? - в раздумье произнес он. - Нет, не увлекает? А если добавить к нему кое-что, а? - он накрыл мою руку своей узкой длинной

ладонью. - А почему бы нет, Гэндальф? - жарко зашептал он. - А Великое Кольцо? Неужели ты думаешь, мы не могли бы распорядиться им? Тогда Сила перешла бы к нам. Ну? Теперь ты знаешь, зачем я призвал тебя. У меня много глаз. Полагаю, тебе ведомо, где оно, это сокровище? Разве не так? Иначе зачем бы Девять носились по всему Среднеземью, разыскивая Шир. А ты что там делаешь?

Здесь он не смог сдержать обуревавшую его страсть. Глаза, алчно вспыхнув, выдали его. Мне пришлось отступить.

- Саруман, - сказал я, - Единственное потому и Единственное, что может быть лишь на *одной* руке. Ты знаешь это не хуже меня, поэтому забудем о твоём «мы». Но я не собираюсь отдавать его, я не собираюсь даже рассказывать о нём теперь, когда узнал о твоих намерениях. Ты долго был Главой Совета, но только теперь я понял тебя. Ты предлагаешь выбор: подчиниться либо тебе, либо Саурону. Допустим, мне не подходит ни то, ни другое. Может, предложишь ещё что-нибудь?

Вот теперь я видел настоящего Сарумана, холодного и опасного.

- Ну что ж, - промолвил он. - Это похоже на тебя: не увидеть мудрого решения даже в своих собственных интересах. Ты мог бы помочь мне, а себя избавить от больших неприятностей. Потому что третья возможность - остаться здесь до конца.

- Какой конец ты имеешь в виду? - спросил я.

- Меня интересует лишь один. Ты скажешь мне, где Кольцо. Я найду способы помочь тебе в этом. А может, Кольцо найдут без тебя. Тогда подождём, пока Правитель выберет время подумать о награде за наглость и препоны, чинимые Гэндальфом Серым.

- Это будет нелегким делом, - сказал я, а он в ответ рассмеялся, ибо знал - слова мои пусты.

Меня поместили на вершине Ортханка. Саруман оттуда наблюдал за звездами. Узенькая лесенка в тысячи ступеней ведёт вниз. С такой высоты мне было далеко видно. Я огляделся. Прекрасная, некогда зелёная долина лежала подо мной выжженной пустыней. Вся она была покрыта шахтами, кузницами. Я видел волков и орков. Видимо, Саруман копил собственные силы. Над долиной висел дым, гарь окутывала Ортханк удушливым облаком. Моя площадка вздымалась подобно острову из моря туч, я не видел путей к спасению, и дни мои были горьки. Холод терзал меня, теснота не позволяла сделать лишнего шага, а нестерпимей всего была мысль о Черных Всадниках, пробирающихся на Север.

Девять действительно вышли из небытия, я чувствовал это и без слов Сарумана. Вести о них пришли ко мне раньше, причем из такого источника, который не ошибается. Другим в Шире грозила опасность, но я не терял надежды. Фродо, получив письмо, должен был выйти немедленно, и тогда у него оставались шансы уйти от погони. Но мои надежды, и мои страхи, как оказалось, недорого стоили. Надеялся я на толстяка трактирщика, а боялся хитрости Саурона. Но у хозяина гостиницы «и своих дел хватает», а сила Саурона пока меньше, чем может показаться со страху. Однако мне, пойманному в мышеловку Изенгарда, и думать не думалось, что охотники, перед которыми все бежит и обмирает, споткнутся в далеком Шире.

– Я видел тебя! - вдруг закричал Фродо. - Ты ходил туда-сюда и луна светила! Гэндальф замолчал, с удивлением поглядев на хоббита.

– Ну, это был сон, - смутился Фродо. - Я только сейчас вспомнил. А приснился он мне уже после того, как мы из Шира ушли.

– Тогда он маленько запоздал, - невесело усмехнулся Гэндальф и продолжал рассказ. - Да, я попал в такую переделку, и какой мне еще не довелось побывать. Подумать только, Гэндальф Серый попался, как муха в паутину. Но даже у самого искусного паука бывают промашки.

Я подумал было, что и Радагаст играет заодно с Саруманом. Но ему не провести меня, а я ничего не почувствовал при нашей встрече. А если бы почувствовал, то либо совсем не пошел бы в Изенгард, либо принял меры предосторожности. Саруман сообразил это и попросту обманул Радагаста. Радагаст Бурый не годится на роль предателя. Он честно нашел меня, чем и убедил.

Здесь-то Саруман и просчитался. Радагаст, конечно, выполнил мою просьбу, а направился он в Сумеречье, к старым друзьям. Горные Орлы летают по всему миру и многое видят. У них на глазах орки сбивались в стаи, у них на глазах Девять все дальше забирались на Север, слышали они и о бегстве Горлума. И решили известить меня.

Однажды, уже и конце лета, на исходе лунной ночи, неожиданно явился Гваихир, Повелитель Ветров, самый быстрокрылый из Великих Орлов. Я поговорил с ним и он взял меня с собой. Мы были уже далеко от Изенгарда, когда орки и волки бросились в погоню.

– Ты далеко можешь унести меня? - спросил я у могучей птицы.

– Куда хочешь, - ответил Орел. - Но меня послали разносить вести, а не грузы.

– Тогда мне нужен конь, - сказал я, - быстрый, самый быстрый, ибо мне сейчас нужна только скорость.

– Хочешь, я отнесу тебя в Эдорас, - предложил Орел. - Там живет Король Рохана и это недалеко.

Конечно, я принял предложение. В Рохане живут укротители коней, там на тучных пастбищах пасутся самые быстрые кони на свете.

– Как по-твоему, Людям Рохана можно еще доверять? - спросил я у Повелителя Ветров. Предательство Сарумана сильно подействовало на меня.

– Говорят, они посылают коней в Мордор, - ответил Орел, - но это - дань, а не служба. Однако, если ты говоришь, что Саруман обратился ко Злу, значит, судьба Рохана решена.

На рассвете я ступил на землю Рохана. Я вижу, рассказ мой затянулся, теперь можно закончить его побыстрее. Я не напрасно опасался. Саруман постарался и здесь. Зло уже успело пустить корни в Рохане. Король не поверил мне, но разрешил взять коня и убраться. Вряд ли он был в восторге от моего выбора. Я взял лучшего коня Рохана, равного ему я вообще никогда не видел.

– Должно быть, это действительно достойный восхищения конь, - промолвил Арагорн. - Жаль, что Мордор получает благородных животных из Рохана. Для меня это новость. Я был там и ничего подобного не слышал.

– Могу поклясться, нет этого! - с жаром воскликнул Боромир. - Это опять вражья ложь. Я знаю людей Рохана, они самые честные и доблестные наши союзники. О какой дани может идти речь, если они живут на землях, данным Гондором?

– Тень Мордора простирается далеко, - заметил Арагорн. - Вот уже и Саруман не устоял перед ней. Рохан окружен. Кто знает, что ты найдешь на обратном пути?

– Что угодно, только не это. Не будут в Рохане торговать конями, они любят их. Это ведь не обычные кони. Они пришли с лугов Севера, они помнят вольные Древние Дни.

– Истинно так! - подтвердил Гэндальф, - и есть среди них один, который, по-моему, жеребенком застал зарю мира. Коням Девяти за ним не угнаться. Он быстр, как ветер, и как ветер не знает усталости. Его зовут Сполах. При свете дня он как серебро, а в ночи - как тень, и почти невидим. Как легок он на ходу! До меня он не знал наездников, но мы поладили, и я был уже в Шире, когда Фродо проходил Упокоища, а ведь начали путь мы одновременно: он из Хоббитона, а я - из Рохана.

Я скакал, нет, я летел, а страх летел впереди меня. Чем дальше на Север, тем чаще слышал я о Всадниках. С каждым днем я нагонял их, но все-таки они опережали меня. Я видел: они разделились. Часть осталась на восточных рубежах, на Зеленопутье, а другие вошли в Шир с юга. Я прискакал в Хоббитон, но не застал Фродо и вынужден был удовольствоваться беседой со старым Гэмджи. Толку от него было мало. Он все переживал насчет новых хозяев Засумок.

– Перемены, - ворчал он, - не в мои бы годы, а главное - перемены-то к худшему, к самому худшему, что ни есть.

– Надеюсь, до самого худшего ты не доживешь, - сказал я ему.

Сквозь его ворчание я разобрал все-таки, что Фродо ушел меньше недели назад, а в тот же вечер на Горку наведалься Черный Всадник. Что и говорить, не успокоил меня старый Гэмджи. Я прискакал в Заскожье и застал его похожим на разворошенный муравейник. Дом в Кривражках был пуст, а на пороге лежал плащ Фродо. Я чуть не потерял голову и бросился по следу Всадников. Не задержался даже для того, чтобы расспросить народ в Заскожье. Я чуть не сбился со следа, он опять разошелся. Получалось, что один или двое Черных направились в Брыль, я отправился за ними, а по дороге обдумывал слова, которые собирался сказать хозяину трактира.

«Маслютиком тебя зовут, - в ярости думал я, - ну, если эта задержка на твоей совести, от тебя один лютик и останется. А масло я из тебя вытоплю, когда буду жарить на медленном огне». Похоже, он примерно так и представлял себе нашу встречу, потому что как меня

увидел, хлопнулся на пол и прямо на глазах таять стал.

– Что ты с ним сделал? - испуганно спросил Фродо. - Он добрый, помог нам...

Гэндальф засмеялся:

– Не бойся, дружок. Я даже не ругал его особенно, так он обрадовал меня новостями, когда трястись перестал. Вышло просто замечательно, у меня камень с души свалился, когда я узнал о вашей встрече с Арагорном.

Я даже не удержался и воскликнул: «Как? С Колобродом?» А Маслютик испугался еще пуще и лепечет: «Да я-то ни при чем, я старался, а он все равно пролез и с ними ушел. Я предупреждал. Да ведь не слушают они! С характером!» - «Осел! Дурень! - говорю ему, - Суслень ты мой ненаглядный! Это же лучшая новость за все лето! Просто на вес золота. Да будет твое пиво на семь лет лучшим в округе! Ты мне первую ночь спокойную подарил своими новостями!»

Я заночевал в «Резвом Пони», гадая, куда подевались Всадники. В Брыле, похоже, видели только двоих. Зато ночью явилось их не меньше пяти. Они подошли с запада, попросту снесли ворота и черным вихрем промчались по деревне. Брыльчане до сих пор вздрагивают и со дня на день ждут конца света. Я встал на рассвете и поехал себе. Насколько я понял, Король-Призрак оставался в засаде к югу от Брыля, двое громили гостиницу, а четверо тем временем злодействовали в Шире. Когда и там и там ничего не получилось, они вернулись к Предводителю и Дорога на время осталась без присмотра. Думаю, назгул не очень-то обрадовался вестям.

Я добрался до Заветери на второй день, но они опередили меня. Настроение у меня было не самое мирное, они это почувствовали и до заката предпочли убраться. А вот ночью устроили мне на Амон Сул настоящую осаду.

Я отбилсЯ. С тех пор, как на этой башне погас последний сторожевой огонь, такого света, таких вспышек там не видывали. На рассвете я ушел на север. Больше ничего не оставалось. Мне не найти бы вас в глуши, - сказал маг, повернувшись к Фродо, - на Арагорна я полагался, как на себя, и кроме того, надеялся увести за собой хоть нескольких Всадников. А потом, добравшись до Дольна, я мог послать вам навстречу подмогу. Четверо Всадников действительно увязались за мной, но потом остались у Брода, поэтому вас на Заветери атаковали только пятеро.

Окольным путем, через верховья Седонны и Троллиное Нагорье я добрался в Дольн. От Заветери путь занял ровно две недели. Я не стал рисковать и отпустил Сполоха. Он не прошел бы по скалам. Но за время пути мы подружались с ним и, если я позову, он придет. Так что я поспел в Дольн только на три дня раньше Кольца. К счастью, Владыка Элронд был уже предупрежден.

Вот и все, Фродо. Пусть остальные простят меня за долгий рассказ, но никогда еще не

случалось так, чтобы Гэндальф назначил встречу и не пришел, как обещал. Я должен был дать объяснения Хранителю и я их дал.

Теперь история Кольца рассказана. Вот мы, знающие ее от начала до конца, вот Кольцо. Наконец-то можно перейти к нашей самой главной заботе - что с ним делать?

На этот раз затянувшееся молчание нарушил Элронд.

– Горько мне слышать о предательстве Сарумана, - качая головой, произнес он. - Мы ему доверяли, он знает о наших замыслах. Это опасное занятие - изучать повадки Врага. Впрочем, такие падения и предательства случались и раньше. Много необычного услышали мы сегодня, но для меня самой невероятной была история Фродо. Я мало знаю хоббитов, кроме разве что Бильбо здесь, но я полагал, что он один такой, - Элронд помолчал, - и к счастью, ошибался. Видно, мир сильно изменился с тех пор, как я в последний раз побывал на дорогах Запада.

Нежить из Упокоищ нам известна под разными именами, и о Древлепуце мы знаем достаточно. Это ведь только остатки некогда действительно могучего леса. Белка в те времена могла, не слезая на землю, перебраться из мест, названных позже Широм, до Дунгарского края западнее Изенгарда. Мне приходилось бывать там и видеть много странного, а вот про Бомбадила я успел забыть, если, конечно, это все тот же, бродивший когда-то в лесах и холмах. Он уже тогда был древнее самой древности. Мы звали его Йарвен Бен-Адар - Старейший из Нерожденных. В других народах у него были другие имена. Гномы звали его - Форн, Северяне - Оральд. Да, это странное создание. Может быть, следовало пригласить его на Совет?

– Он не пришел бы, - тихо сказал Гэндальф.

– Но может быть, попросить его помочь? - задумчиво произнес Эрестор. - Как я понял из рассказа, у него есть власть даже над Кольцом.

– Это не совсем верно, почтенный Эрестор, - снова сказал маг. - Я бы выразился так: у Кольца нет власти над ним. Том - сам себе хозяин. Кольца он не изменит и силу его не уничтожит. Посмотри, что осталось от его некогда бескрайних владений. Маленький уголок с границами, которые он сам установил, предчувствуя перемены. Установил и шаг за шаг не ступит.

– Но зато внутри этих границ ничего не боится, - не хотел отказываться от своей мысли Эрестор. - Не сможет ли он взять Кольцо на хранение? Там оно не принесет вреда.

– Нет, покачал головой Гэндальф, - сам не возьмет. Зачем? Допускаю, если все свободные народы Запада будут просить его об этом, он согласится, но зачем это нужно, ему так и останется невдомек. Вскоре он либо забудет о нем, либо просто выкинет. Станет он держать, в голове всякий вздор! Нет, он был бы очень ненадежным Хранителем, а уже одного этого достаточно.

– Бессмысленно посылать Кольцо к нему, - сказал молчавший до этого Глорфиндейл. - В лучшем случае, нам удастся на короткое время отсрочить приход Зла. Бомбадил далеко, скрытно доставить к нему Кольцо не просто, а если бы даже это и удалось, что с того? Рано или поздно Враг узнает об этом укрытии, и если он обрушит на Древлепуцу всю свою мощь, кто скажет - устоит ли Йарвен? Думаю, нет. В лучшем случае, когда Тень накроет все земли, он уйдет последним, как некогда первым пришел, и все равно наступит Ночь.

– Я мало знаю Йарвена, - вступил в разговор Гэлдор, - но с Глорфиндейлом согласен. Сила Йарвена не в нем самом, а в земле, но мы видим, Саурон мучает и уничтожает даже горы. Подобная сила есть и здесь, в Имладрисе, и в Лориене, и в Гаванях у Кирдэна, но достанет ли ее противостоять последнему пришествию Саурана, когда падет остальной мир?

– Нет, - коротко ответил Элронд.

– Значит, Кольца силой не сохранить, - задумчиво произнес Глорфиндейл, - и остается только два выхода: отослать его за Море, или уничтожить.

– Но ведь Гэндальф объяснил - Кольцо не уничтожить теми способами, которыми мы располагаем, - голос Владыки Элронда звучал ровно и спокойно. - За Морем могут не принять его. К добру ли, к худу ли, порождено оно здесь, нам с ним и разбираться.

– Бросить в Море, - предложил Глорфиндейл, - пусть ложь Сарумана обернется правдой. Теперь ясно, он и на Совете ходил окольными путями. Он хотел заставить нас считать Кольцо утраченным навсегда, потому что надеялся добыть его для себя. Но часто во лжи оказывается скрыта правда: в Море оно успокоится навеки.

– Едва ли, - усомнился Гэндальф. - Даже глубины, будь то земля или вода, могут меняться. Мы не для того собрались сегодня, чтобы отвести беду на время жизни нескольких поколений Людей или еще на одну Эпоху. Надо думать, как покончить с этим проклятием навсегда. Мы обязаны найти способ, даже если у нас не хватит сил на его осуществление.

– И уж во всяком случае, не на морском берегу искать этот способ, - добавил Гэлдор. - Тут считали опасной дорогу к Йарвену, что же тогда говорить о дороге к Морю? Для Саурона такое наше решение - самое очевидное, мне это сердце подсказывает. Он же знает, где Кольцо, или скоро узнает. Мы лишили Девятерых коней, но надолго ли это задержит их? Они найдут других. Подумайте, сейчас только задыхающийся в борьбе Гондор мешает Саурону пройти маршем по побережью на Север, ударить на Белые Башни, захватить Гавани. Тогда эльфам не будет спасенья от закатных теней.

– Не скоро же он сможет выступить в такой поход, - сквозь зубы процедил Боромир. - Гондор задыхается, ты говоришь? Гондор стоит, и даже теперь, на закате своего могущества, очень силен.

– Ты забыл о Девяти, - устало ответил Гэлдор. - Что может Гондор выставить против Назгулов? А кроме всего прочего, есть и другие дороги.

– Значит, действительно прав Глорфиндейл, - подытожил Эрестор, - остается либо спрятать навсегда, либо уничтожить. И оба пути нам не по силам. Как тут быть? Кто решит загадку?

– Никто, - тяжело прозвучал голос Элронда. - Никому не удастся предугадать, что произойдет, выбери мы тот или другой путь. Но зато для себя я уяснил: раз дорога на Запад кажется легче, пользоваться ей мы не вправе. Ее-то и будут стеречь в оба. Слишком она нахожена эльфами. Наш выбор должен оказаться неожиданным для Врага. В этом и только в этом наша надежда, если она вообще существует. Надо идти в Мордор. Кольцо должно быть предано Огню.

И снова, в который раз, в зале воцарилась тишина. Даже здесь, в этом светлом Доме, глядя на залитую солнцем долину, Фродо почувствовал смертную темень на сердце. Боромир пошевелился и Фродо стал смотреть на воина. Гондорец тербил перевязь рога и хмурился. Наконец он не выдержал и заговорил.

– Не понимаю я всего этого. Пусть Саруман предатель, но мудрым-то он остался. Почему все «спрятать» да «уничтожить»? А почему никто не думает, что Великое Кольцо само пришло к нам в руки в самый нужный час? Ведь владея им, свободные народы Запада наверняка смогут победить. Разве не этого больше всего опасается Неназываемый?

Доблестные гондорцы никогда не покорятся, но они могут быть разбиты. Чего не хватает доблести? Во-первых, силы, во-вторых, оружия. Так давайте сделаем своим оружием Кольцо, если оно такое могущественное. Возьмите его, и вперед, к победе!

– Это невозможно, - терпеливо начал объяснять воину Элронд. - Мы не можем воспользоваться Кольцом Всевластия. Оно принадлежит Саурону, он создал его для Зла. Могущество его, отважный Боромир, непосильно для любого из нас, кроме тех, кто уже владеет огромной мощью. Но даже найдись такой повелитель, Кольцо для него станет опасней вдвойне. Одно лишь желание обладать им смертоносно. Подумай о Сарумане. Да, кто-нибудь из Мудрых, обладая Кольцом, сумел бы свергнуть Саурона Темного. И что? Появился бы новый Темный Властелин, только и всего. Кольцо необходимо уничтожить. Пока оно останется в мире, оно опасно даже для Мудрых. В первую очередь - для Мудрых. Никакое Зло не изначально. Даже Саурон. Я, Элронд, боюсь взять Кольцо, чтобы спрятать, я ни за что не возьму Кольца, чтобы владеть им.

– И я, - эхом откликнулся Гэндальф.

Боромир с сомнением поглядел на обоих, но не нашел возражений и опустил голову.

– Ладно, - мрачно произнес он, - придется Гондору и дальше обходиться тем оружием, какое есть. Пусть Мудрые стерегут это Кольцо, а мы будем сражаться. Глядишь, и Сломанный Меч пригодится, если, конечно, рука его хозяина унаследовала не только обломки, но хоть немного мощи древних Королей.

– Может быть, придет день проверить и это, - ответил Арагорн.

– Наверное, его не долго ждать, - продолжал Боромир. - Да, мы не просим помощи, но она нужна нам. Нам хотя бы нужно знать, что и другие вступили в борьбу, и другие напрягают все силы.

– В этом вы можете быть уверены, - заверил гондорца Элронд. - Есть и другие силы в этом мире, и другие владения. Андуин Великий несет свои воды мимо многих берегов, прежде чем достичь Аргоната и Ворот Гондора.

– Но я думаю, всем было бы только лучше, объединись эти силы, - подал голос Глоин. - Союз не сильнее ли отдельных армий? Есть ведь в мире и другие кольца, пусть не такие сильные, почему бы не воспользоваться ими? Семь потеряны для нас, если только Балин не нашел Кольца Трора. Теперь-то я могу сказать, Балин и ушел в надежде отыскать это Кольцо.

– Балину незачем было ходить в Морию, - сказал Гэндальф. - Трор передал свое Кольцо Трайну, но Трайн не успел передать его Торину. Трайна пытали в подземельях Дол Гулдура и отняли Кольцо силой. Я пришел слишком поздно.

– Черные дела! - вскричал Глоин. - Когда же придет день нашей мести? - Гном с трудом взял себя в руки. - Но остаются еще Три. Есть же эльфийские Кольца, тоже могущественные, как говорят, и появились они на свет вместе с Единственным, рожденные той же Черной

Рукой. Где они? Почему их не используют? Мне хотелось бы услышать ответ эльфийских правителей.

Эльфы молчали.

– Разве я не ясно выразился, почтенный Глоин? - ответил за всех Элронд. - Три не имеют к Саурону никакого отношения. Он не касался их. Но о судьбе Трех лучше молчать. В этот час, когда нас раздирают сомнения, я могу лишь уверить вас: Три не бездействуют. Но никогда не мыслились они оружием, не в том их сила. Их создатели стремились не к власти или богатству, их влекло знание, творчество, стремление сохранить мир в первозданной чистоте. И с помощью Трех эльфам Среднеземья многого удалось достичь, хотя во всех их свершениях пребывает печаль. Но если Враг обретет Одно, гибель ждёт все созданное владеющими Тремя, их сердца и помыслы станут доступны Темному Властелину. Он изо всех сил стремится к этому.

– Я понял, - склонил голову Глоин. - Теперь я хочу узнать, что произойдет в мире, если Единственное будет уничтожено, как предлагали сегодня?

– Я не могу точно ответить на твой вопрос, - печально произнес Элронд. - Может быть, Три получают свободу и с их помощью удастся залечить раны мира. Но может случиться и так, что с исчезновением Одного истает сила Трех, тогда уйдет из мира и забудется немало прекрасного. Я думаю, именно так и произойдет.

– Эльфы готовы заплатить такую цену, - сказал Глорфиндейл, - за гибель Саурона и избавление мира от его владычества на веки вечные.

– Ну, вот мы и вернулись снова к последней нашей возможности, - невесело улыбнулся Эрестор. - Кольцо должно быть уничтожено. А между тем решение этой задачи все так же далеко от нас. Какие силы помогут нам отыскать огонь, породивший Одно? Первый шаг к Ородруину - шаг отчаяния. Я бы даже осмелился назвать это глупостью, и только известная всем мудрость Владыки Элронда останавливает меня.

– Значит, ты считаешь - отчаяние или глупость? - усмехнулся Гэндалф. Но отчаяние существует для того, кто увидел несомненный крах своих устремлений. Где он? Мы взвесили все пути, мы увидели всего лишь несомненную необходимость одного из них и выбираем его - это мудрость. Глупостью она может показаться обольщающемуся ложными надеждами. Впрочем, пусть глупость послужит нам щитом, укроет наши замыслы от Врага. И Враг отнюдь не лишен мудрости, он взвешивает все самым тщательным образом, но на весах злобы. Обо всех сердцах судит он под знаком своей страсти - жажды власти. Ему едва ли придет в голову мысль об уничтожении Кольца. Как? Уже владея им - уничтожить? Нет, он не будет и думать о такой возможности.

– Хотя бы, первое время, - поддержал мага Элронд. - Дорога тяжела, ни сила, ни мудрость далеко по ней не уведут. На этой дороге у слабых будут равные шансы с сильными. Мудрые знают - такое случается, когда сдвигаются мировые колеса. Их приводят в движение руки малых сих, пока глаза великих устремлены вдаль.

– Достаточно, Мастер Элронд! - неожиданно произнес Бильбо, вставая. - Я уже все понял. Бильбо заварил эту кашу, ему и расхлебывать. Мне прекрасно жилось, здесь, и книга моя хорошо шла. Я ведь уже окончание пишу, даже конец придумал: «И с тех пор он жил счастливо до конца дней своих». Это - хорошая концовка, не новая, конечно, но хуже она от употребления не стала. Жаль менять, а видно, придется. Ну, если удастся, допишу еще несколько глав. Досадно, конечно, но ладно. Когда мне идти?

Боромир, с огромным изумлением взиравший на хоббита, готов был расхохотаться, но взглянув на остальных и заметив на лицах уважительную серьезность, сдержался. Улыбнулся лишь старый Глоин, да и то давним воспоминаниям.

– Конечно, дорогой Бильбо, - рассудительно заговорил Гэндалф, - если бы ты заварил эту кашу, тебе бы и расхлебывать. Но под старость ты, надеюсь, понял, что приписывать себе зачин в великих делах - немного самоуверенно, будь ты хоть трижды герой. Нет, ты погоди кланяться. Сказано было неплохо, предложение мы оценили, но дело это не твое. Не вернется

к тебе Кольцо, коли ушло однажды. Если позволишь дать тебе добрый совет - изволь: твое Приключение в этой истории кончилось. Осталось только дописать книгу. Вот и дописывай. А конец не переделывай ни в коем случае! Нет нужды. Только приготовься писать продолжение, когда вернутся другие. Бильбо рассмеялся:

– Впервые слышу от тебя не только дельный, но и приятный совет. Даже опасаясь: поскольку все твои неприятные советы неизменно были к добру, то не к худу ли приятный? Впрочем, ты прав, конечно. У меня уже ни сил, ни удачи не хватит, чтобы справиться с Кольцом. Его сила растет, а моя-то - нет. Надеюсь, ты скажешь, кого имел в виду под этим безликим словечком «другие»?

– Тех, кто пойдет с Кольцом.

– Да что ты говоришь! Я бы ни за что не догадался! Ну и кто же это? Наконец-то мы добрались до сути. По-моему, только это и должен был решить наш Совет. Эльфы, вестимо, питаются звуками и могут долго прожить на одних речах, гномы всему миру известны своей выносливостью, но я-то - всего навсего старый хоббит, пропустивший полуденную кормежку. Давайте быстренько назовем имена и пойдем обедать.

Никто не ответил Бильбо. Фродо переводил взгляд с одного лица на другое, но не встречал ответных взглядов. Казалось, весь Совет опустил глаза, погрузившись в глубокие раздумья. Фродо почувствовал страх, словно сейчас объявят приговор, которого он хоть и ждал, но все надеялся - не пронесет ли мимо. Отдохнуть! Побыть в покое! - отчаянно взывало все его естество. Он встал и заговорил, сначала с усилием, удивленно вслушиваясь в собственные слова.

– Я возьму Кольцо. Только я не знаю дороги.

Элронд поднял голову. Его глаза словно пронзили хоббита.

– Думаю, я правильно понял твои слова, - проговорил он. - Я убежден, это - твоя задача, Фродо. Если ты не справишься с ней, значит, не справится никто. Для народа Шира настала пора уйти от своих мирных полей чтобы сотрясать крепости и советы Мудрых. Кто из нас мог думать о таком? А ведь если Мудрые действительно мудры, они должны были бы предвидеть этот час.

Тяжкий груз достался тебе. Столь тяжкий, что никто в мире не осмелился бы взвалить его на ближнего. Не осмелюсь и я. Но раз ты добровольно выбрал свою участь, скажу: выбор твой верен. Встань из прошлого все могучие друзья эльфов Хадор, Хурин и Турин, даже сам Берен - твое место было бы среди них.

– Но вы же не отправите его одного, Мастер?! - крикнул Сэм, выскакивая из неприметного уголка, куда забился в самом начале.

– Как можно! - с улыбкой ответил ему Элронд, - Ты-то обязательно пойдешь с ним. Мы уже убедились: разлучить вас не может даже Тайный Совет, куда тебя не приглашали.

Сэм сильно покраснел и сел, бормоча под нос:

– Ну и в переделку мы с вами попали, сударь.

Глава 3 Кольцо уходит на юг

В этот же день, чуть попозже, в комнате Бильбо собрался другой Совет - хоббичий. Мерри и Пиппин возмущались хитростью Сэма, прокрававшегося на Совет у Элронда и попавшего таким образом в спутники Фродо.

– Где ж тут справедливость? - вопрошал Пиппин. - Вместо того чтобы вышвырнуть наглеца, Элронд берет и награждает его за наглость!

– Хороша награда, - урезонивал его Фродо. - Трудно придумать наказание суровее. Подумай, что ты говоришь? По-твоему, приговор к участию в этом безнадежном деле - награда? Эх, я-то размышлял: отдохну здесь, может, и надолго задержусь...

– И мне бы хотелось, чтобы ты отдохнул, - кивнул Мерри, - но мы же не тебе завидуем, а Сэму. Раз ты идешь, значит, не пустить с тобой любого из нас - наказание, даже если остаться придется здесь, в Дольне. Мы с тобой уже прошли через всякие переделки и дальше собираемся идти.

– Я считаю, - упрямо проговорил Пиппин, - нам, хоббитам, надо вместе держаться, это правильно. Чтоб меня не пустить - это ж кандалы нужны. Должен ведь в походе хоть один с головой быть.

– Ну тогда тебе не миновать дома сидеть, Перегрин Тук! - раздался голос Гэндальфа, а потом он и сам заглянул в низкое окошко. - Зря вы тут кипятитесь, еще ничего не решено.

– Да, не решено! - фальцетом выкрикнул Пиппин. - Тогда что же вы там делали столько времени?

– Мы разговаривали, - степенно ответил Бильбо. - На Совете были сплошные разговоры, между прочим, было от чего глаза вытаращить. Даже Гэндальфу. По-моему, когда Леголас рассказал, что Горлум сбежал, даже ты растерялся, хоть и виду не подал.

– Ошибаешься, - спокойно возразил Гэндальф. - Ты просто невнимательно слушал. О побеге Горлума я узнал от Повелителя Ветров. Если уж на то пошло, кроме вас с Фродо, глаз никто не тарачил, а я так и вовсе ничего нового не услышал.

– Все равно, - примирительно сказал Бильбо, - пока решили только насчет бедного Фродо и Сэма. Так и чувствовал, что меня не пустят. Но, насколько я знаю Элронда, он просто

ждет каких-то вестей, а потом отправит столько народу, сколько посчитает нужным. Они ведь уже разослали разведчиков, а, Гэндальф?

– Да, - нехотя сказал маг. - Некоторые уже в пути, остальные уйдут завтра. Они свяжутся со Скитальцами и с Сумеречными Эльфами. Сыновья Элронда и Арагорн тоже ушли. Прежде чем сделать хотя бы шаг, нужно точно знать, что происходит вокруг. Ты зря расстраиваешься, Фродо, тебе еще надоест здесь сидеть.

– Ну вот, - проворчал Сэм, - что ж теперь, до зимы ждать?...

– Это, скорее, Фродо виноват, - сказал Бильбо. - Кто ждал моего дня рождения? Да и подарочек мне хороший припасли. Надо же было выбрать именно этот день, чтобы пустить в Засумки Деридулей. А теперь вот и выходит: и до весны ждать нельзя, и без разведки не выйдешь.

Когда зима свистит в кулак
И крошит скалы мерзлый мрак,
Мертвеет лес, чернеет омут -
В глуши беда грозит любому...

Да-а, в общем, как повезет.

– То-то и оно, - согласился Гэндальф. - Только на везение нам рассчитывать нельзя. Надо разузнать о Всадниках. Без этого не пойдем.

– А разве они в реке не сгнули? - удивился Мерри.

– Кольценосцев так легко не уничтожишь, - вздохнул Гэндальф. - Пока их хозяин в силе, с ними не удастся покончить насовсем. Коней они лишились, облика, надеюсь, тоже. Но в этом еще убедиться нужно. А пока, Фродо, мой тебе совет: отдохни, ни о чем не беспокойся. И вот еще что... Не знаю, будет ли от меня толк, но тут говорили некоторые, что голова отряду не помешает. Я согласен и поэтому думаю пойти с тобой.

При этих словах Фродо пришел в такой буйный восторг, что маг слез с подоконника, отступил на шаг и с легким поклоном сказал:

– Ну-ну, ты не очень-то пока радуйся. Я ведь сказал: «думаю пойти». Как там на самом деле получится - еще неизвестно. Здесь последнее слово за Элрондом и за вашим другом Колобродом, кстати. Ладно, пойду. Мне ещё Элронда повидать надо.

Он ушел, а Фродо спросил Бильбо:

– А по-твоему как? Долго я здесь пробуду?

– Трудно сказать. В Дольне дни не очень-то посчитаешь. Впрочем, наверное, долго. Мы с тобой еще успеем наговориться. Помог бы ты мне с книгой, а? Может, и следующую начнем? Ты уже придумал концовку?

– И не одну, - мрачно отозвался Фродо. - Только, знаешь, они все какие-то неприятные.

– Вот этого не надо, - строго проговорил Бильбо. - Книжки должны кончаться хорошо. Как тебе вот такая, например: «Все они поселились вместе и жили с тех пор счастливо»?

– Годится, - улыбнулся Фродо. - Дожить бы до этого.

– Эй, подождите, - вмешался Сэм. - А где они жили-то? Вот что меня всегда интересовало.

Хоббиты еще не раз говорили о прошлом путешествии и предстоящих опасностях, но, видно, так уж действовала земля Дольна, что скоро все страхи и беспокойства оставили их. Будущее, доброе или злое, по-прежнему ждало их впереди, но уже не могло пересилить настоящее. Постепенно крепло здоровье, надежда вливалась в сердца, они научились радоваться каждому новому дню, каждому обеду, сказанному слову или песне.

День незаметно ускользал за днем, приходили свежие яркие утра, наступали ясные вечера, но осень гасла. Скоро золото лесов потускнело, последние листья покидали ветви. С Мглистых Гор тянуло холодом. Луна все полнела, мелкие звезды тонули в ее прибывающем

свете. Каждую ночь низко над южным горизонтом стала восходить яркая винно-красная звезда. Ее видно было из окна Фродо, и с каждым разом она все больше походила на внимательный злой глаз, заглядывающий поверх кромки леса в долину.

Уже около двух месяцев хоббиты гостили в Доме Элронда. Прошел ноябрь и только в начале декабря стали возвращаться разведчики. Некоторые из них побывали далеко на севере, другие с помощью Арагорна и его Скитальцев обследовали земли в нижнем течении Гремячей до самого Тарбада, где старая северная дорога пересекает реку возле развалин древнего города. Разведчики побывали на юге и на восток кое-кто вернулся из-за Гор, добравшись до Сумеречья. Радагаста они не застали и вернулись через Росные Пороги. Элладан и Элрохир возвратились позже всех. Они спускались по течению Серебрени в тамошние странные края, но о том, что видели, говорили только с Элрондом. Никто из посланных не обнаружил и признаков Черных Всадников. Не видно было и других слуг Врага. Даже Орлы с Мглистых Гор не сообщили ничего нового. Горлум словно сквозь землю провалился. Зато множились волки, они уже сбивались в стаи в верховьях Великой Реки. Трупы трех черных коней обнаружили неподалеку от Брода. На скалах, ниже по течению, нашли еще пятерых и длинный изодранный черный плащ. И больше ничего. Видимо, Всадников на севере не было, нигде не ощущалось их присутствия.

– Так. Восемь из Девяти сосчитаны, - говорил Гэндальф. - Полной уверенности, конечно, нет, но, кажется, на время мы от них избавились. Теперь им придется добираться в Мордор не только без Кольца, но и без обличья. А это значит, что они не скоро соберутся на новую охоту. Понятно, у Врага есть и другие слуги, ну да ведь им еще надо добраться до границ Дольна, взять наш след, а мы уж постараемся не оставлять его. Больше медлить нельзя.

Элронд призвал хоббитов к себе. Фродо выдержал его долгий внимательный взгляд.

– Время пришло, - сказал Владыка Дольна. - Уходить надо немедленно. Тем, кто пойдет с Хранителем, не помогут ни войска, ни сила. А во владениях Врага им и вовсе не придется рассчитывать на чью-нибудь помощь. Ну как, любезный Фродо, ты не отказываешься от своих слов? Несешь Кольцо?

– Да, - просто сказал Фродо. - Мы пойдем с Сэмом.

– Хорошо, - вздохнул Элронд. - Я не могу помочь тебе даже советом. Что встретится тебе в пути, как будет выполнена твоя задача, мне неизвестно. Тень достигла подножий Гор, она накрыла нижнее течение Седонны. Там все темно для меня. Думаю, в пути тебе встретится немало врагов, иных сразу узнаешь, иных - нет, но можешь встретить и друзей, даже когда на это будет меньше всего надежды. Я постараюсь оповестить тех, кому доверяю, но не все мои гонцы дойдут, а некоторым едва ли удастся опередить тебя.

С тобой пойдут другие и будут идти, пока захотят или пока позволит удача. Но отряд должен быть небольшой, ваша надежда - на скорость и скрытность. Даже будь у меня эльфийская дружина в доспехах Древних Дней, она не принесла бы пользы, разве что всколыхнула бы весь Мордор.

Вас будет Девять. Девятерых пеших мы выставим против Девяти Всадников. Кроме вас с Сэмом идет Гэндальф. Кольцо - это его великая забота и, может статься, завершение его великих трудов.

Остальные представляют свободные народы Западного Мира: Эльфов, Гномов и Людей. От Эльфов - Леголас, от Гномов - Гимли. До горных перевалов они будут с вами, а может, и дальше. От Людей идет Арагорн; кому, как не наследнику Исилдура сопровождать Кольцо.

– О! Колоброд! - радостно воскликнул Фродо.

– Он самый, - подтвердил улыбающийся Арагорн. - Я снова прошу к тебе в проводники. Берешь?

– Я бы и сам просил тебя, - горячо сказал Фродо, - но я думал, ты с Боромиром идешь в Минас Тирит.

– Так оно и есть. Сломанный Меч перекуют, он еще постоит за Гондор. Но сотни миль нам шагать вместе. Боромир тоже в отряде. Он доблестный воин.

– Нужны еще двое, - задумчиво произнес Элронд. - Может быть, послать кого-нибудь из моих советников?

– Но тогда для нас места не останется! - в отчаянии завопил Пиппин. - Мы не хотим оставаться. Мы тоже пойдем!

– Это только потому, что вам невдомек, с чем придется встретиться в пути, - осадил его Элронд.

– Так ведь и Фродо невдомек, - неожиданно вступился за хоббитов Гэндальф. - Как и нам с тобой. Конечно, если бы они по-настоящему представляли все опасности, то не осмелились бы. Но все равно хотели бы осмелиться, от стыда бы сгорели, что не пошли. Думаю, Элронд, лучше положиться на их дружбу, чем на премудрость и предосторожность. Пошли ты хоть Глорфиндейла, не станет же он в одиночку штурмовать Черную Крепость или мечом прорубать дорогу к Ородруину.

– Я слышу твои слова, - ответил Элронд, - но сомневаюсь. Я хотел отправить этих двоих домой, ведь в Шире неспокойно. Они знают тамошние порядки и в качестве моих гонцов предупредили бы жителей о надвигающейся опасности. Во всяком случае, младшему, Перегрину, нужно остаться. Так подсказывает мне сердце.

– Тогда, Мастер Элронд, заприте меня в подземелье или отсылайте домой в мешке, - дрожащим голосом, но исполненный решимости сказал Пиппин. - Иначе я все равно пойду за отрядом.

– Ну что с тобой поделаешь, - вздохнул Элронд. - Хорошо, ты идешь. Итак, Девять! Через неделю отряд должен выйти.

Эльфийские кузнецы перековали Меч Элендила. На клинке был выбит знак: семь звезд между неполной луной и лучистым солнцем; по всему лезвию вились охраняющие руны, ибо Арагорн, сын Арахорна, уходил на войну к границам Мордора. Перекованный Меч сиял, и был в этом сиянии и красноватый отблеск солнца, и серебристый блеск луны. Дивной закалки и остроты добились эльфийские мастера. Арагорн дал мечу новое имя. Теперь он звался Андрил, Пламя Запада.

Арагорн и Гэндальф долго обсуждали предстоящую дорогу, дни напролет просиживали над картами, хранившимися в Доме Элронда. Иногда и Фродо составлял им компанию, но в душе он всецело положился на своих опытных спутников и все свободное время проводил с Бильбо.

В эти последние дни они часто сидели по вечерам в Каминном Зале и однажды, среди множества историй, услышали все-таки полностью балладу о Берене и Лучиэнь и о том, как они вернули Сильмарилл.

Мерри и Пиппин предпочитали бродить по окрестностям, а Фродо с Сэмом всегда можно было найти и маленькой комнатке Бильбо. Старый хоббит читал им отрывки из своей

книги (она никак не кончалась), показывал старые и новые стихи или набрасывал со слов Фродо отчет о его Путешествии.

Утро последнего дня Фродо провел наедине с Бильбо. Он застал дядю над деревянным сундучком, вывощенным из-под кровати на середину комнаты.

– Я приберег твой меч, - Бильбо рылся в сундуке. - Но он ведь сломан, и я забыл попросить кузнецов перековать его. Теперь уж не поправишь. Придется тебе этот взять. Как думаешь, подойдет?

Он достал со дна небольшой меч в старых потертых ножнах, потянул за рукоять, и на свету неожиданно остро сверкнула ухоженная сталь без единого изъяна.

– Это мой Шершень, - объявил он и без особых усилий вогнал меч в деревянную балку. - Возьми, если хочешь. Мне-то он вряд ли теперь пригодится.

Фродо принял прославленное оружие с благодарностью.

– Здесь у меня и еще кое-что есть. - Бильбо достал сверток. При небольших размерах он казался увесистым. Размотав несколько слоев старой ткани, хоббит поднял на руках и встряхнул... кольчугу. Она поражала гибкостью и на ощупь показалась Фродо очень холодной. Переливающееся серебристое нагрудье украшали белые камни. Следом из сундука явился и пояс к ней, тоже богато украшенный хрусталем и жемчугами.

– Неплохая вещица, правда? - любясь кольчугой, сказал Бильбо. - И весьма полезная. Это мне Торин подарил. Я ее перед уходом из Микорыт забрал на память о Приключении. А так... зачем она мне? Когда наденешь, веса совсем не чувствуется.

– Я как-то... - замялся Фродо, - ну, я хочу сказать, вид у меня в ней будет...

– А-а, брось! - махнул рукой Бильбо. - Я тоже так говорил. Не стоит в походе особенно переживать из-за того, как выглядишь. Давай-ка, надень под куртку. И знаешь, пусть это будет наш секрет. Просто мне спокойней, если я знаю, что она на тебе. Я даже думаю, - добавил он тихо, - может, она и клинки Черных Всадников отведет.

– Ладно, я возьму, конечно, - сказал Фродо.

Бильбо ловко накинул на него кольчугу, застегнул пояс и пристегнул меч. Сверху Фродо надел свою старую куртку.

– Вполне обычный хоббит, - удовлетворенно произнес Бильбо, оглядывая племянника. - Теперь у тебя внутри больше, чем снаружи. Ну, удачи тебе! - Он поспешно отвернулся и выглянул из окна, фальшиво напевая какой-то мотивчик.

– Даже не знаю, как благодарить тебя за все, что ты для меня сделал, - смущенно проговорил Фродо.

– И не думай! - Старый хоббит отошел от окна и хлопнул племянника по спине. - Ого! - воскликнул он, тряся ушибленной рукой. - Твердоват ты стал! При чем тут благодарность, - серьезно продолжал он. - Нам, хоббитам, надо держаться друг за друга, особенно Сумниксам. Я только прошу, береги себя и вернись, вернись с новостями. И прислушивайся по дороге к песням да историям. Я постараюсь к твоему возвращению закончить эту книгу и хотел бы начать другую... если доживу.

Он резко замолчал, опять отвернулся к окну и начал напевать:

Я размышляю у огня
О том, что повидал:
О летних днях, когда в лугах
Цветочный дух витал,

О днях, когда осенний лист
Кружился на ветру
И солнце в мгlistом серебре
Вставало поутру.

Я размышляю у огня,
Как будущей весной
Наш мир, простившийся с зимой,
Простится и со мной.

Я не узнаю столько тайн,
Загадок и чудес -

Ведь каждый день и каждый миг
Иначе зелен лес!

Я размышляю у огня
О людях давних лет,
О тех, кто жил вокруг меня
И кто придет вослед.

Как невозвратно далеки
Ушедших голоса!
Но вечно слышу их шаги
И вижу их глаза.

Был холодный серый день конца декабря. Восточный ветер свободно проносился меж голых ветвей, мотал кроны темных сосен на холмах. Рваные низкие облака мчались над землей. В вечерних сумерках отряд готов был выступить из Дольна. Первое время, по совету Элронда, предстояло идти ночами.

– У Саурона много слуг. За вами будет следить множество глаз, - напутствовал уходящих Элронд. - Враг знает о поражении Кольценосцев, и он, надо полагать, не в восторге от этого. Скоро новые его посланцы будут на севере. Остерегайтесь даже неба над головой.

Полностью экипированные путники собрались вместе. На боку Арагорна висел Андрил - другого оружия он не взял. Походная одежда Скитальца из Пустоземья скрывала боевую кольчугу. Длинный меч покачивался на поясе Боромира, гондорец нес еще щит и боевой рог.

– Если он запоет в горных долинах, - сказал воин, - пусть лучше разбегаются враги Гондора. - С этими словами он поднес рог к губам, и могучий звук породил в скалах множественное эхо, заставив всех в Дольне вскочить на ноги.

– Не скоро тебе придется трубить теперь, - с легкой укоризной сказал Элронд, помолчал и добавил: - Не раньше, чем придешь к границам своей страны, а тогда - нужда заставит.

– Пусть так, - гордо ответил Боромир, - но я всегда разрешал моему рогу подать голос в начале похода. Пусть потом нам придется идти в ночи, но я не собираюсь красться, как вор.

Гном Гимли открыто облачился в кольчужную рубаху, а к поясу пристегнул боевой топор. У Леголаса за спиной висели эльфийский лук и колчан со стрелами, а на поясе - длинный кинжал в белых ножнах. Мерри и Пиппин были вооружены мечами из Упокоища, а у Фродо из-под куртки едва виднелся Шершень. Про кольчугу он никому не сказал, даже искушенный глаз не заметил бы ее под походной одеждой. У Гэндальфа, кроме жезла, на поясе тоже висел эльфийский меч Гламдринг, похожий на его прежний Оркрист, покоящийся ныне на груди Торина, вечно спящего под Одинокой Горой.

Элронд снабдил отряд всем необходимым. В предзимье не лишними казались и меховые плащи, и другие теплые вещи. Запасы еды, одеяла, одежду и посуду погрузили на единственного пони, уходившего с отрядом, того самого, пришедшего из Брыля. Пребывание в Дольне совершило в нем разительную перемену: шкура лоснилась, он помолодел и раздобрел. Взяли его по настоянию Сэма, уверявшего, что Билл (так он прозвал лошадку) зачахнет без него и без дела.

– Эта животное почти говорящая, - уверял он, - и заговорила бы наверняка, останься тут подольше. Он вот так на меня посмотрел, ну как если бы мастер Перегрин сказал: «Не возьмешь - я все одно следом пойду».

И Билла назначили в отряд вычным животным. При этом он единственный из всех выглядел бодро и весело.

Слова прощания были уже сказаны и теперь путники ждали только Гэндальфа,

задержавшегося у Элронда. Бильбо, зябко кутаясь в плащ, стоял в сторонке, рядом с Фродо. Арагорн сидел, расслабившись, низко опустив голову. Никто, кроме Элронда, не догадывался, что означает для него начало похода.

Сэм стоял у порога, оглаживая пони и уныло прислушиваясь к шуму реки внизу. В этот час он меньше, чем когда-либо в жизни, жаждал приключений.

– Эх, Билл, животины ты моя бедная, - бормотал он. - Лучше бы тебе с нами не связываться. Оставался бы здесь, щипал бы травку.

Билл пренебрежительно махнул хвостом, но промолчал. Сэм поправил котомку за плечами и с беспокойством перебрал в уме: все ли взял? Кухонные принадлежности - раз, соль - о, соль у него всегда имелась при себе в небольшой коробочке; он никогда не упускал случая пополнить запас. Табак, кремень, огниво, шерстяные носки, кусочек холста, кое-какие мелочи, забытые Фродо и прибранные Сэмом (чтобы торжественно достать, когда хозяин хватится), - все было на месте, все в должном порядке.

– Эх, а веревка-то! - хлопнул он себя по лбу. - Нету ведь веревки-то! Ночью же вспомнил: «Сэм, а как насчет веревочки? Хватишься ведь, а не будет». Ну вот оно, хватился уже, а взять-то и негде.

В этот момент вышли наконец Элронд с Гэндальфом.

– Что сказать мне вам напоследок? - тихо и задумчиво обратился к отряду Владыка Дольна. - Хранитель Кольца начинает свой путь к Роковой Горе. Вся тяжесть долга - на нем. Ни бросить Кольцо, ни отдать его вражьи слугам, ни даже позволить коснуться Кольца кому бы то не было он не вправе. Остальные вольны в своих действиях. Они могут вернуться, могут выбрать другие тропы - как распорядится судьба. Чем дальше пройдете вы с Хранителем, тем труднее вам будет вернуться или покинуть его, но ничто не обязывает вас продолжать путь. Испытайте ваши сердца, примите то, что пошлет каждому из вас дорога.

– Ненадежен говорящий «прощай» на темном пути, - сурово заметил Гимли.

– Возможно, - ответил Элронд, - но пусть лучше не клянется продолжать путь во мраке тот, кто не видел настоящей ночи.

– Но клятвы укрепляет слабое сердце, - сверкнув глазами, стоял на своем гном.

– Или разбивает его, - закончил Элронд. - Не надо пытаться заглянуть далеко вперед. Пусть сердце останется самим собой, но пусть не покидает его доброта. Прощайте, благословение эльфов, людей и всех свободных народов Запада пребудет с вами. Да сияет звездный свет ваши лица!

– Удачи в пути! - крикнул Бильбо посиневшими от холода губами. - Фродо, мальчик мой, если не сможешь вести дневник, хоть запиши побольше, я буду ждать. Не пропадай надолго!

Их провожали эльфы. Тихие мелодичные голоса со всех сторон желали уходящим доброго пути. Ни музыки, ни песен, ни смеха. Отряд вышел на дорогу и словно канул в темноту.

За мостом крутая тропа вывела путников из долины, и на высокой вересковой пустоши прощально запел ветер. Потом, взглянув на последний домашний кров, мирно мигавший огнями внизу, отряд ушел в ночь.

У Бруиненского Брода свернули с дороги на юг. Этого направления предстояло держаться много миль и дней. Идти без дороги было нелегко, но зато уменьшался риск попасться на глаза неприятелю, хотя в этом пустынном краю слуг Врага никогда раньше не встречали.

Гэндальф с Арагорном, прекрасно ориентировавшиеся здесь даже ночью, шли впереди. Вереницу замыкал зоркий Леголас. Поначалу путь казался очень тяжел, Фродо запомнился лишь не смолкающий ни на секунду заунывный свист ветра. Он налетал с гор на востоке ледяными порывами, его холодные пальцы шарили под любой теплой одеждой. Холод испытывали все, и в пути, и на отдыхе. Беспокойный сон днем в каком-нибудь укромном овражке под колючими кустами к вечеру прерывался дозорным. Наставало время ужина. Костер разводить опасались, ели невкусно, а потом шли дальше, стараясь выдерживать направление на юг.

Скоро хоббитам стало казаться, что, двигаясь таким черепашью шагом, они вообще никуда никогда не попадут. Каждый новый день, озираясь вокруг, они видели ту же унылую равнину, что и вчера. Только Горы с каждым днем становились немножечко ближе. На юге, уже за границей Дольна, их хребты плавно заворачивали к западу, а в предгорьях в изобилии попадались нудные пологие подъемы да ущелья, по дну которых часто мчался скачущий, пенный поток. Тропы встречались редко и еще реже вели в нужном направлении.

В конце второй недели пути погода изменилась. Ветер сначала стих, а потом задул с

севера. Прояснилось, выглянуло солнце. Очередной спотыкающийся ночной переход окрасился ясной рассветной зарей. Перед путниками обрисовался невысокий гребень, увенчанный древними падубами. Бугристые серо-зеленые стволы деревьев словно были выстроены из тех же камней, на которых росли. Среди потемневших и не думавших облетать листьев посверкивали лаковые красные ягоды.

Далеко на юге глазам Фродо предстала горная страна. Слева вздымались три отдельных пика, ближайший, самый высокий, напоминал очертаниями драконий зуб. Вершина, опущенная снегом, розовела заревыми бликами.

Гэндальф стоял рядом с Фродо и, прикрыв глаза рукой, рассматривал горы.

– Прекрасно, - удовлетворенно заметил он. - Мы достигли страны, которую Люди звали Благодатными Кущами. Когда-то, в более счастливые времена, здесь жили эльфы. На их языке страна звалась Эрегион. От Дольна по прямой - сорок пять лиг, но мы-то ногами отмерили куда больше. Я думаю, холод теперь перестанет донимать нас. Климат здесь помягче, но и опасность растет.

– Ты посмотри на восход, - посоветовал Фродо, откидывая капюшон плаща, - он то не опасный.

– Смотри-ка, а Горы-то теперь впереди, - удивился подошедший Пиппин, - выходит, мы ночью свернули на восток?

– Нет, - ответил маг. - Просто днем видно дальше. За этими вершинами хребет уходит на юго-запад. В Доме Элронда есть прекрасные карты, но тебе, полагаю, недосуг было заглядывать в них?

– Да смотрел я, - с досадой ответил Пиппин, - только не разбираюсь я в них. Это вон Фродо с его головой может.

– А мне никаких карт не надо. - Гимли стоял рядом с Леголасом, жадно вглядываясь в даль. - Это - земля моих отцов. Три вершины впереди знакомы мне с детства. Я видел их контуры много раз и в металле, и в камне, слышал о них в песнях и преданиях. Это - горы наших грез; наяву они предстали мне лишь один раз, но запомнились навсегда. Ведь под ними лежит Страна Гномов, Казад Дум, зовущаяся ныне Черной Бездной, на языке эльфов - Мория. Вон стоит Баразинбар, Красный Рог, по-эльфийски - Жестокий Карадрас; за ним - Серебряный Пик и Седоглавый, Келебдил Белый и Фануидол Серый, а по-нашему - Зирак Зигиль и Бундушатур.

Там, сжатая отрогами Мглистых Гор, лежит долина, которая вечно пребудет в памяти гномов, - Азанулбизар, Росная Долина, а по-эльфийски - Нандухирион.

– Вот туда нам и нужно, - сказал Гэндальф. - Подниматься будем к перевалу, к Воротам Красного Рога, потом спустимся Росными Порогами в легендарную долину гномов. Там из Зеркального озера берет начало Серебрень.

– Непроглядны воды Келед Зарама, - торжественно произнес Гимли, - холодны ключи Кибил Налы. Сердце мое трепещет - скоро я увижу их!

– Пусть это принесет тебе радость, мой добрый гном, - в тон ему ответил Гэндальф. - Но ты как хочешь, а мы там не задержимся. Наш путь - по течению Серебрани в зачарованные леса, а там - к Великой Реке, и дальше... - Он замолчал.

– Что дальше-то? - подергал мага за рукав Мерри.

– Не стоит заглядывать слишком далеко вперед, - сдержанно ответил маг. - Первую часть пути осилили, и хорошо. Здесь устроим дневку. В Эрегионе легко дышится. Сколько бы зла ни пришлось вынести этой стране, а память об эльфах жива.

– Это правда, - кивнул Леголас. - Для нас, Сумеречных Эльфов, здешний народ странен. Трава и деревья уже не помнят их. А камни скорбят, вот, слышите: «Они проникали в нас, они творили нас, ввысь они поднимали нас, но они покинули нас». Давно ушли эльфы Эрегиона к Гаваням.

Утром в глубокой лощине, надежно скрытой ветвями падуба, развели костер. Завтракоужин показался на удивление вкусным. Спать не торопились, ведь впереди ждал целый день отдыха. Выйти предполагали назавтра к вечеру. Только Арагорн обеспокоенно молчал, а чуть погода оставил отряд и поднялся на гребень. Стоя в тени деревьев, он долго осматривался и прислушивался, потом вернулся к краю лощины и встал, глядя на остальных сверху.

– Эй, Колоброд, ты чего там высматривал? - окликнул Мерри. - Тебе восточного ветра не хватает?

– Без него-то я обойдусь, - ответил Арагорн. - Но кое-чего и впрямь не хватает. Я много раз бывал в Эрегионе в разное время года. Ни один народ не живет здесь, но всегда было полно зверья и птиц, особенно птиц. А сейчас только вы и щебечете, а все молчит. На мили вокруг - тишина, и лишь земля как будто отзывается на ваши голоса. Непонятно мне это.

Гэндальф с неожиданным интересом спросил:

– А как ты думаешь, что за причина? Если простое удивление от такой чудной компании - это одно, а если... - Он не закончил, вопросительно глядя на Следопыта.

– Может, и так, - нехотя ответил Арагорн. - Только никогда раньше не чувствовал я здесь тревоги, если не чего похуже.

– Надо бы нам потише, - озабоченно обратился Гэндальф к остальным. - Если уж рядом с тобой Скиталец, да еще такой, как Арагорн, стоит прислушиваться к его словам.

Первым в этот день дежурил Сэм, но по собственной воле к нему присоединился Арагорн. Остальные один за другим уснули. Над лощиной стремительно стала расти тишина. Ее почувствовал даже Сэм. Каждый звук, будь то дыхание спящих или взмах хвоста Билла, был словно бы сам по себе. Хруст в суставах, когда Сэм потянулся, заставил вздрогнуть его

самого, так громко и отчетливо он прозвучал. В мертвой тишине солнце неторопливо взбиралось в ясное синее небо. Далеко на юге появилось темное облачко, похожее на клоч дима. Оно быстро приближалось.

– Глянь, Колоброд, что это там? - шепотом спросил Сэм. - На облако вроде не похоже...

Арагорн не отвечал. Он давно уже смотрел на юг. Но вскоре Сэм и сам понял, что это такое. К ним быстро приближалась огромная стая птиц, летящая каким-то странным, рыскающим зигзагом.

– Ложись и замри! - шепотом приказал Арагорн.

От стаи отделился узкий язык и понесся прямо на гребень. Сэм присмотрелся и подумал, что никогда не видел таких огромных ворон. Птицы пронеслись у них над головами, затмив небо и на мгновение наполнив воздух оглушительным граем. Скоро они уже исчезли на северо-западе. Арагорн вскочил на ноги и принялся будить Гэндальфа.

– Вставай! Стаи ворон рыщут от Гор до Седонны. Это не здешние, похожи на *кребайн* из лесов Фангорна или из Дунгара. Может, их что-то спугнуло на юге, но, сдаётся мне, они просто следят за Эрегионом. Надо убираться отсюда нынче же вечером.

– Значит, и перевал Красного Рога может оказаться закрытым. Уж там-то незаметно не пройдешь. Ну, посмотрим. А выходить вечером надо, ты прав.

– Хорошо, костер не дымил, - промолвил Арагорн. - *Кребайн* его не заметили. Больше разводить не будем.

– Это же надо, - возмутился Пиппин. - Костра нет, опять в ночь тащиться, и все из-за стаи ворон! А я-то рассчитывал вечером горяченького перекусить.

– Можешь продолжать рассчитывать, - подначил его Гэндальф. - У нас впереди сплошные пиры. Мне бы вот трубочку да ноги согреть. Ну, дальше на юг - потеплее будет.

– Лишь бы жарко не стало, - проворчал Сэм. - Я-то уши развесил: думал, мы уж к Огненной Горе пришли. Этот, как его, Красный Рог, Баразинбар, что ли, за нее принял. Тьфу, пропасть! С этим гномьим языком челюсти свихнешь. И чего восторгаться, право?

Карты не оставили ни малейшего следа в голове садовника. Пространства, раскинувшиеся вокруг, своей обширностью совсем сбили его с толку.

До вечера отряд оставался в укрытии. Вороны прилегли еще дважды, но после заката исчезли на юге. Вышли в сумерках и направились к подножию Карадраса. Быстро темнело, стали высypать звезды.

Арагорн нашел отличную тропу. Фродо она показалась остатками древней дороги, ведущей от Эрегиона к перевалу. Полная луна поднялась над горами, в ее бледном свете тени в камнях стали угольно-черными. Очертания многих хранили следы резца, но теперь камни были разбросаны вокруг в полном беспорядке.

Стоял холодный предрассветный час, и луна готовилась опуститься за горизонт, когда

Фродо, взглянув вверх, скорее почувствовал, чем увидел пронесшуюся в вышине тень. Просто звезды исчезли на миг, а потом появились снова. Хоббит вздрогнул.

– Ты ничего не заметил? - спросил он шагавшего впереди Гэндальфа.

– Я почувствовал, - тут же отозвался маг. - Может быть, это прядь тумана?

– Слишком быстро для тумана, - пробормотал, не оглядываясь, Арагорн, - да еще против ветра.

Этой ночью других происшествий не случилось. Утро настало яснее вчерашнего, только опять похолодало и ветер снова отворачивал к востоку. Путь к перевалу занял еще две ночи постоянного, хотя и пологого подъема. На третье утро Карадрас уже закрывал полнеба; могучий горный пик с оснеженной вершиной и крутыми склонами, тускло-красными, словно выпачканными запекшейся кровью.

Солнце в это утро выглядело каким-то больным. Ветер зашел на северо-восточный. Гэндальф несколько раз принимался принохиваться.

– За нами идет зима, - тихо сказал он Арагорну. - Посмотри, горы на севере белее, чем вчера. Даже на отрогах лежит снег. Наверх ведет только одна тропа, кто знает, чего от нее ждать, но самое главное - погода. У меня не идет из головы дорога, о которой мы говорили...

Фродо, расслышавший эти слова, принял их за продолжение какого-то другого разговора. Он с беспокойством прислушался.

– Ты прекрасно знаешь, *что* я думаю о дороге, которой мы идем, - устало ответил Арагорн. - Она не просто ненадежна, а чем дальше, тем становится все опаснее. Но теперь нам от нее никуда не деться. Надо идти на перевал, медлить опасно. На юге перейти Горы негде, единственный перевал выходит к Гриве Рохана. После твоих рассказов о Сарумане я там не пойду. Мы не знаем, на чьей стороне Рохан.

– Да, это опасно, - согласился Гэндальф. - Но есть ведь и другой путь, темный и тайный...

– Давай не будем начинать снова, - остановил его Арагорн. - Или... отложим, пока не убедимся в непроходимости перевала. И, я прошу тебя, не говори пока остальным.

– Но надо же решить, как идти, - настаивал маг.

– Хорошо. Давай каждый из нас еще раз подумает обо всем, взвесит, а там видно будет. Дай им поспать пока.

Уже после полудня, когда остальные заканчивали завтрак, Гэндальф с Арагорном отошли и сторону и долго разглядывали Карадрас. Вершина горы пряталась в низких тяжелых тучах. Фродо наблюдал за проводниками, гадая, о каком еще пути может идти речь. Гэндальф подошел к остальным и объявил о решении идти на перевал сегодня. Почему-то его слова обрадовали Фродо. Он ничего не знал о «темном и тайном» пути, но видел, с какой неохотой говорил о нем Арагорн, и заранее невзлюбил его.

– Есть у меня опасение, - меж тем говорил Гэндальф, - что Перевал Красного Рога охраняется, еще больше меня смущает погода. Надо пройти перевал быстро. До седловины не меньше двух переходов, темнеет сейчас рано, надо поторапливаться.

– Я хотел добавить пару слов, - произнес Боромир. - Я родился в предгорьях, дороги в горах мне хорошо знакомы. Наверху нас встретят сильный ветер и холод. Там уже не до тайн, надо думать, как не замерзнуть. Я посоветовал бы прихватить дров, кто сколько сможет.

– А Билл возьмет чуток побольше, правда, дружище? - Сэм заботливо похлопал пони по крупу. Ответом ему был довольно мрачный взгляд почти говорящего животного.

– Хорошо, - согласился Гэндальф. - Но это - на самый крайний случай.

Отряд тронулся в путь и поначалу двигался довольно быстро. Но скоро тропа полезла круто вверх. Во многих местах ее перегораживали упавшие камни. Темнело. Пронизывающий ветер задувал все сильнее. К полуночи вышли на площадку, после которой тропа лепилась вдоль отвесной стены. Громада горы нависла над ними во мраке, справа подстерегала черная пустота, там зиял обрыв.

Поднявшись еще немного, Фродо приостановился. Что-то мягко коснулось его щеки. Протянув руку, он увидел на рукаве снежинки, а вскоре воздух наполнился кружащимся белым роем. Хоббит с трудом различал впереди согнутые спины Гэндальфа и Арагорна.

– Не нравятся мне все это, - прохрипел позади Сэм. - Снежок хорош зимним утречком, когда печка уже топится, а вставать еще рано. Вот бы в Хоббитоне такой снегопад, то-то детворе радость!

В Шире снегопад - редкость. Снег выпадает изредка только в Северной Чети, и там это неизменный повод для веселья. Никто из жителей Шира (за исключением Бильбо) не помнил Лютой Зимы 1311 года, когда белые волки перешли через замерзший Брендидуин.

Гэндальф остановился. Снег густо усыпал капюшон его плаща, маленькими сугробами лежал на плечах. Под ногами тоже намело уже по щиколотку.

– Этого я и боялся, - отдышавшись, выговорил он. - Что скажешь, Арагорн?

– Что и я опасался снегопада, - ответил Скиталец, - но меньше, чем остального. Конечно, это неприятно. Кстати, здесь на юге, снег редко бывает таким сильным, разве что в горах. Но мы все еще внизу, а внизу тропы остаются открытыми всю зиму.

– Уж не вражья ли это забота? - проворчал, подходя к ним, Боромир. - Он ведь может приказывать бурям в Хмурых Горах. Он вообще повелевает странными силами, и союзников у него не счесть.

– Да уж, руки он себе отрастил длинные, - включился в разговор Гимли, - если с севера нагнал снегу сюда, за три сотни лиг, чтобы только досадить нам.

– Значит, отрастил, - коротко подытожил Гэндальф.

Пока они стояли, ветер почти стих, а снег поредел. В воздухе кружились лишь отдельные

снежинки. Передохнув, путники снова пошли, но, не одолев и фарлонга, вынуждены были опять остановиться. Вокруг бушевал настоящий буран. Ветер свистел, а снег больно сек лица и залеплял глаза. Хоббиты, согнувшись в три погибели, едва тащились за спинами высокого народа, но видно было, что долго им не выдержать. Пиппин плелся позади. Даже Гимли, выносливый, как всякий гном, спотыкался и ворчал в бороду. В следующий раз все встали как по команде. Темнота вокруг наполнилась жуткими звуками. Конечно, это мог выть и ветер в трещинах скал, но уж слишком дикими воплями да еще перемежающимися злорадным хохотом, разразилась темнота. Впереди на тропу обрушился камень, за ним еще один, а потом грохот близкого камнепада едва не оглушил их.

– Сегодня дальше не пройти! - прокричал Боромир. - Пусть кто хочет назовет это ветром, но я различаю злые голоса, а камни целят в нас.

– Это и есть ветер, - ответил Арагорн, - но, похоже, ты прав. В мире есть немало сил, враждебных двуногим. Они не обязательно союзники Саурону, он слишком молод по сравнению с ними. Это могут быть их происки.

– Карадрас прозвали Жестоким в те времена, когда о Сауроне и слыхом не слыхивали, - добавил Гимли.

– Сейчас не так важно, кто наш враг, если он сильнее нас, - промолвил Гэндальф.

– Так что же нам делать? - страдальчески спросил Пиппин. Он едва стоял на ногах, опираясь на плечи Фродо и Мерри, и дрожал крупной дрожью.

– Можно остаться здесь, а можно идти вперед, - маг внимательно посмотрел на него. - Правда, впереди нас не ожидает ничего хорошего. Насколько мне помнится, дальше - открытое место, ни от ветра, ни от камней не спрячешься.

– Дорога назад не лучше, - ответил Арагорн. - Посмотрите, настоящая буря. Здесь нас прикрывает скальная стенка, но позади нет других укрытий.

– Ишь, укрытие! - пробормотал Сэм. - Этак стены без крыши за дом сойдут.

Путники стояли, прижавшись к скале. Слабо, очень слабо, но она все же защищала от северного ветра и камнепада. Однако снег падал все гуще. Все сгрудились вплотную, прижавшись друг к другу боками и спинами. Унылый пони тоже слегка загоразивал хоббитов от ветра. Стояли по колени в снегу. Не будь с ними рослых людей, хоббитов уже давно занесло бы.

Фродо неудержимо клонило в сон. Похоже, он даже задремал, потому что вдруг ощутил в ногах и в пальцах тепло близкого камина и расслышал голос Бильбо: «Я невысокого мнения о твоём дневнике. Посмотри, что это за запись: *Снежный буран двадцатого января*. Стоило возвращаться, чтобы сообщить об этом!»

«Я устал и хочу спать, Бильбо», - с трудом ответил Фродо, чувствуя, как его встряхивают сильные руки. Он охнул и проснулся. Боромир поднял его из снежной ямки.

– Гэндальф! - позвал он. - Полурослики не могут больше. Нас с головой занесет. Надо что-то делать.

Маг порылся в мешке и достал кожаную флягу.

– Дай им хлебнуть. - Он протянул флягу гондорцу. - И нам - по глотку. Это - *мирувор* из Имладриса.

Едва Фродо глотнул пахучей жидкости, как ощутил горячий ток в сердце, а сонливость отлетела, словно сбитая щелчком. Остальные тоже оживились. Но на снегопад *мирувор* никак не повлиял. Снег валил большими хлопьями, а ветер завывал пуще прежнего.

– Ты не считаешь, что настал «самый крайний случай»? - обратился Боромир к Гэндальфу. - Когда нас совсем заметет, можно будет не опасаться шпионов Врага. Только нам будет уже все равно. Нужен огонь.

– Давай, разводи, - согласился Гэндальф. - Чьи бы глаза за нами ни следили, если им этот буран не помеха, то они заметят нас и с огнем и без него.

Достали дрова, сразу порядком отсыревшие. Ветер вихрился и срывал искры огнива. Сначала гном, а потом эльф после долгих попыток отступились. Тогда за дело взялся Гэндальф. Переложив дрова, он звучно произнес: «*Наур ан эдрайт аммен!*» и ткнул жезлом в сложенный костер. Сверкнуло зелено-синее пламя, поленья дружно занялись и затрещали.

– Ну, если есть кому смотреть, - невесело усмехнулся маг, - им трудно не прочесть «Гэндальф здесь», настолько очевидно я расписался.

Но никто больше не думал ни о каких соглядатаях. Все просто радовались огню. Не обращая внимания на талые ручейки под ногами, путники сгрудились у костра, протягивая вперед закоченевшие руки. Красные отсветы плясали на усталых лицах, а вокруг черной стеной стояла ночь.

Дрова горели быстро, а снег все падал и падал.

Последняя небольшая охалка дров ненадолго продлила жизнь огню.

– Ночь на исходе, - проговорил Арагорн, - скоро рассвет.

– Если какой-нибудь рассвет сможет проникнуть сквозь эти тучи, - мрачно заметил Гимли.

Боромир отошел на несколько шагов, вглядываясь в ночь.

– Снег почти перестал идти, и ветер стихает, - сообщил он.

Фродо устало следил за танцем снежинок, влетающих из темноты в свет догоравшего костра. Он удивился словам Боромира, ему казалось, что этих белых пушинок по-прежнему очень много. Однако, в очередной раз вздернув отяжелевшую голову, он заметил перемены: снежинки стали крупнее и реже, а ветер - тише. Темнота посерела.

С трудом пробивавшийся рассвет высветил молчаливый убеленный мир. Ниже их убежища на месте тропы громоздились причудливые сугробы. Небо хмурилось тяжелыми снеговыми облаками.

Гимли глянул вверх и покачал головой.

– Карадрас не передумал, - произнес он. - Если мы двинемся, у него хватит снега остановить нас. Надо спускаться.

С гномом никто не спорил, но осуществить его намерение было теперь не так-то просто. Всего в нескольких шагах от углей костра снегу намело куда выше хоббичьего роста, а в некоторых местах по прихоти ветра воздвиглись высокие белые гребни.

– Может, пустим Гэндальфа вперед? - предложил Леголас. - Он жезлом растопит снег и проложит всем тропинку. - Буран никак не отразился на настроении эльфа. Он, единственный из всего отряда, оставался легок и беззаботен.

– Хорошо бы эльфы умели летать, - сердито отозвался Гэндальф. - Их можно было бы послать за солнцем. Я не собираюсь работать вместо него и растапливать снег.

– Ладно, - сказал Боромир, поплевав на руки. - У нас говорят: когда голова задумалась, тело может и поработать. Пора пускать сильных. Смотрите, снег, конечно, вроде бы везде одинаков, но застал он нас вон за тем выступом. До него не больше фарлонга, может, дальше

легче будет.

Арагорн встал рядом с ним.

– Давай попробуем пробить туда тропу, - поддержал он гондорца.

Боромир уступал ростом Арагорну, но был шире в плечах. Он прокладывал путь, Арагорн двинулся следом. Но даже для них работа оказалась непростой. Снег временами доходил людям до плеч, Боромир словно плыл в нем, загребая мощными руками.

Некоторое время Леголас с легкой улыбкой наблюдал за их усилиями, потом повернулся к остальным.

– Говорите, надо пускать сильных? - усмехнулся он. - Ну что ж, пахарь хорош в поле, выдра - в воде, но для ходьбы по траве, листьям или по снегу лучше эльфа пока ничего не придумали.

С этими словами эльф изящно обошел кострище и взбежал на снежный вал. Фродо словно в первый раз увидел на ногах Леголаса вместо тяжелых сапог мягкие кожаные чулки, но удивительнее того выглядели следы эльфа на снегу: за ним оставались лишь слабые, едва придавливавшие снег отпечатки.

– До свидания! - задорно крикнул Леголас Гэндальфу. - Пойду приведу солнце! - и он быстро, словно по песчаной дорожке, побежал по снегу, настиг тяжело ворочавшихся людей, обогнул их, махнул рукой и исчез за поворотом бывшей тропы.

Хоббитам, магу и гному оставалось только ждать. Боромир с Арагорном хоть и медленно, но продвигались вперед. Скоро и они скрылись за скалой.

Шло время. Облака стали ниже и снова роняли пока редкие снежинки.

Прошло не меньше часа, прежде чем показался возвращавшийся Леголас. Почти одновременно с ним из-за поворота появились с трудом поднимавшиеся люди.

– Я не привел солнце! - подбегая, прокричал Леголас. - Оно нежится в синих полях на юге, и маленький сугроб на небольшом пригорке его не соблазнил. Но для тяжелоходящих я принес кусочек надежды. Там, за поворотом, намело целый оборонительный вал, наши силачи завязли в нем и приготовились отчаяться, даже не подозревая, что ширина вала не больше локтя. Дальше снега меньше, а еще дальше - не хватит хоббитам ступни охладить.

– А я что говорил! - важно произнес Гимли. - Это не простой буран. Это - злая воля Карадраса. Он не жалуется ни эльфов, ни гномов, вот и сугроб сложил, замуровать нас хотел.

– К счастью, твой Карадрас забыл про людей, - тяжело дыша, проговорил подошедший Боромир. - И каких людей! Правда, два негероя с лопатами управились бы, наверное, побыстрее, но и мы проложили через сугроб целую дорогу и теперь готовы принимать благодарности.

– Но как же мы доберемся до вашей дороги? - жалобно спросил Пиппин, глядя на глубокое снежное крошево впереди. Об этом же подумали и остальные хоббиты.

– Не надо терять надежду, - снисходительно успокоил их Боромир. - Нечего притворяться, мы устали, но не настолько же! Для нас с Арагорном малый народец - не велика ноша. Остальные пройдут как-нибудь за нами. Прошу, мастер Перегрин, с тебя и начнем.

Воин легко поднял хоббита.

– Эй, держись за спину! - прикрикнул он. - Руки мне понадобятся, - и зашагал вперед. Арагорн с Мерри под мышкой двинулся следом. Пиппин, с высоты разглядывая проход, сделанный людьми, подивился силе Боромира. Даже теперь, с грузом за плечами, гондорец шел, продолжая расширять коридор в снегу для тех, кто двигался позади.

Так они добрались до сугроба действительно устрашающих размеров. Если бы пришлось рыть насквозь, глубина прохода составила бы не меньше двух ростов Арагорна. Но люди не стали этого делать. Они разгребали и утапывали снег, и получился мост, плавно поднимавшийся и опускавшийся по ту сторону сугроба. Там Пиппина и Мерри наконец опустили на землю, и они вместе с Леголасом остались поджидать остальных.

Боромир скоро вернулся с Сэмом на закорках. За ним по узкой, но уже достаточно утоптанной тропе шел Гэндальф, ведя в поводу Билла с пристроившимся поверх поклажи

ГНОМОМ.

Последним шел Арагорн, а у него из-за плеча выглядывал Фродо. Хоббит спрыгнул на землю, и, словно от этого неощутимого удара, где-то наверху пробудилось эхо. Оно перешло в угрожающий рокот, быстро сменившийся грохотом рушащихся камней, увлекающих за собой снежную лавину. Когда путники, вжавшиеся в скалу, перестали чихать и кашлять от снежной пыли, оседавшей в воздухе, тропы позади них больше не существовало. Сплошная ровная снежная стена возникла на том месте, где они прошли несколько минут назад.

– Хватит! Ну, хватит же! - крикнул Гимли. - Мы и так уходим. Уймись!

Действительно, с этой последней злобной вспышкой Карадрас то ли устал, то ли убедился, что незваные пришельцы достаточно проучены и больше сунуться не посмеют, но дальнейший спуск проходил без осложнений. Скоро они уже стояли на том колене, где застали их первые признаки снегопада.

Развиднелось. Отсюда можно было оглядеться. Внизу хоббиты рассмотрели даже лощину, от которой начинался подъем к перевалу.

У Фродо болели ноги. Он промерз до костей, голова кружилась от голода, а ведь предстоял еще долгий путь вниз. Перед глазами плыли черные точки. Фродо тер их кулаками, но точки и не думали исчезать. Только когда Арагорн рядом сказал: «Снова птицы!», Фродо понял, что с глазами у него все в порядке.

– Ничего не поделаешь, - махнул рукой Гэндальф. - Придется спускаться. Даже на коленях у Карадраса ночевать мы больше не будем.

Холодный ветер словно подталкивал из сзади, когда они устало заковыляли вниз по склону. Карадрас победил.

Глава 4 Путь во мгле

Был уже вечер, когда отряд остановился на ночлег. Все смертельно устали. Горы быстро тонули в сгущающемся мраке, с вершин по-прежнему тянул холодный ветер. Гэндальф подумал и ещё раз оделил всех *мирувором* из фляги, а после ужина собрал совет.

– Ночной переход отменяется, - сказал маг. - Карадрас так вымотал нас, что придется отдохнуть.

– Но куда идти потом? - спросил Фродо.

– Ничего не изменилось, - взглянув на него, как можно спокойнее отвечал маг. - У нас только два пути: вперед к цели или назад в Долюн.

Пиппин при упоминании о возвращении не смог сдержать робкую улыбку. Мерри и Сэм тоже с надеждой поглядели на мага. Арагорн и Боромир не отреагировали на его слова, а Фродо заметно встревожился.

– Конечно, - в волнении заговорил он, - я хотел бы оказаться там снова, но как же я вернусь? Разве нет другой дороги? Разве мы уже сдаемся?

– Ты прав, - мягко улыбнулся маг. - Вернуться - значит сдаться и ждать худшего поражения. Если мы вернемся сейчас, второй раз уже не выйдем. Рано или поздно Дольн окажется в осаде и не выстоит на этот раз. Ужасны Кольценоscopy, но они - лишь тень того ужаса, который падет на земли Запада с возвращением Кольца на палец своего хозяина.

– Тут и думать нечего, - сердито произнес Фродо. - Идти надо. Ведь есть же какой-то путь...

Сэм, повернувшись к нему голову, помрачнел.

– Да, путь есть, - задумчиво поглаживая бороду, проговорил Гэндальф. - Еще когда мы обсуждали маршрут, я думал об этом пути, но хорошего в нем мало, я не стал вам ничего говорить. К тому же Арагорн был против, пока оставалась надежда пройти через перевал.

– Ну уж если другой путь хуже, - покрутил головой Мерри, - значит, он действительно никуда не годится.

Маг словно не обратил на него внимания.

– Дорога, которую я помянул, ведёт в подземелья Мории, - последние слова маг подчеркнул голосом.

Гимли вскинул голову. В глазах гнома полыхнуло затаенное пламя. Остальные при одном названии невольно втянули головы в плечи. Для хоббитов Мория была только смутной легендой, но легендой страшной.

– Вести-то она ведет, - мрачно заметил Арагорн, - да только вот куда выведет?

– Это нехороший путь, - решительно заговорил Боромир. - Я не вижу никакой необходимости лезть под землю. Нам не удалось перевалить горы здесь? Не беда. Можно спуститься к югу и пройти перевалами к Гриве Рохана. Я же так и попал в Дольн. Там живут наши союзники. А можем пройти еще дальше, к побережью, пересечь Изен, пройти через Лебеннин и попасть прямо в Гондор.

– Сейчас многое и быстро меняется, Боромир. - Гэндальф положил руку на плечо воина. - Разве недостаточно измени Сарумана? Да, мне не миновать еще одной встречи с ним, но Кольцо не должно появляться поблизости от Изенгарда. Грива Рохана закрыта не для нас, а для Хранителя. А на кружную дорогу у нас нет времени. Такое путешествие займет не меньше года, идти придется через множество стран. Большинство пустынно, но не безопасны. Там достаточно глаз и у Врага, и у Сарумана. Когда ты шел на север, ты был для них просто одиноким путником, до которого Врагу не было дела. У него голова была занята погоней за Кольцом. Но теперь ты идешь с отрядом, сопровождающим Хранителя, и опасность растет с каждой лигой, пройденной под открытым небом.

После нашей неудачи на Карадрасе я расцениваю положение как отчаянное. Если не исчезнуть в самое ближайшее время, надежды не останется. Только поэтому я заговорил о пути под горами. Из всех путей, о которых знает Враг, об этом он будет думать в последнюю очередь.

– Да не знаем мы, о чем он думает! - в сердцах воскликнул Боромир. - Может, он вообще за всеми дорогами следит. Тогда сунуться в Морию - значит оказаться в ловушке. Лучше уж просто постучать в Ворота Черной Крепости. В одном этом названии - Мория - уже чувствуется беда.

– Ты совершенно напрасно сравниваешь Морию с крепостью Саурана, - повысил голос маг. - Не стоит говорить о том, чего не знаешь. Я, единственный из вас побывав в подземельях Дол Гулдура и вышел оттуда, но из Барад Дура не возвращаются. И я не повел бы нас в Морию, если бы не рассчитывал вывести оттуда. Возможно там орки, и хорошего в этом, конечно, мало. Но большинство орков Мглистых Гор погибло в Битве Пяти Воинств. Орлы предупреждали, что они снова стали стягиваться к горам, но есть надежда, что Мория пока свободна. Больше того, есть надежда встретить где-нибудь там Балина, сына Фундина. Но мы не от хорошей жизни выбираем этот путь, нас толкает нужда.

– Я иду с тобой, Гэндальф! - пылко воскликнул Гимли. - Если ты найдешь и откроешь запертые двери, я взгляну на залы Дарина, чего бы мне это ни стоило!

– Спасибо за поддержку, Гимли, - улыбнулся гному Гэндальф. - А двери мы с тобой отыщем и Морию пройдем. В подгорном царстве голова гнома перетянет и хоббичью, и человечью, и эльфийскую. Да и для меня это не первый спуск в залы Мории. Я долго искал там Трайна, сына Трора. Я прошел Морию насквозь и, как видите, вышел живым.

– И мне пришлось побывать там, - тихо произнес Арагорн. - Но мне вполне хватило одного раза.

– А я и в первый раз ни за что не полезу! - выкрикнул Пиппин.

– И я не хочу, - с запинкой пробормотал Сэм.

– Так ведь никто не хочет, - проникновенно сказал маг. - Только вопрос стоит по-другому: кто пойдет со мной, если я поведу вас туда?

– Я пойду, - решительно заявил Гимли.

– Я тоже пойду, - тяжело промолвил Арагорн. - Ты пошел за мной на перевал, мы едва не погибли, но ты не укорял меня, хотя и предупреждал. Теперь я пойду за тобой, хотя и предупреждаю. Не о Кольце речь и не о нас, - голос Арагорна дрогнул, - речь о тебе, Гэндальф. Если ты войдешь в ворота Мории - берегись!

– Я не пойду, - отрезал Боромир. Потом помолчал и добавил: - Если только все не решат идти. Пусть выскажется малый народ. И уж Хранителя-то во всяком случае надо выслушать.

– Я не хочу идти в Морию, - ясным голосом произнес Леголас.

Хоббиты молчали. Сэм поглядывал на Фродо.

– Я тоже не хочу идти, - после долгой паузы вымолвил Фродо. - Но и от совета Гэндальфа не отказываюсь. Я прошу вас, не надо голосовать. Давайте посним, а утром посмотрим. При свете решать легче, чем в этих потемках. Слышите, как ветер воет?

Никто не стал ему возражать. Путники сидели, глубоко задумавшись, а ветер действительно разгулялся в предгорьях. Он завывал в отдалении и от этого ночь становилась еще неуютней.

Внезапно Арагорн вскочил на ноги.

– Как ветер воет? - воскликнул он. - Да он воет волчьими голосами! *Варги* в долине!

– Стоит ли теперь ждать утра? - горько произнес Гэндальф. - Вот и началась охота. Даже если мы доживем до рассвета, кому придет в голову путешествовать на юг с волками за спиной?

– А далеко до Мории? - быстро спросил Боромир.

– От Карадраса ворону, по прямой - миль пятнадцать, - ответил Гэндальф. - Для волка - двадцать.

– Ладно, - решил Боромир, - как рассветет, пойдем. Лучше орка опасаться, - чем волка слышать.

– Это верно, - пробормотал Арагорн, проверяя, легко ли вынимается меч из ножен. - Но где варг воет, там и орк рыщет.

– Честное слово, прав был Элронд! - прошептал Пиппин Сэму. - Мне и так нехорошо было, а тут еще эти волки. Я же все-таки не Бандобрас, хоть мы с ним и одного рода. Провалиться мне, если я припомню переделку похуже этой!

– Да и у меня сердце где-то в пятках, сударь, - ответил Сэм. - Но нас ведь еще не съели. Люди - народ крепкий, да и спорить могу, что бы там судьба ни припасла для Гэндальфа, но уж не волчье брюхо - это точно!

Для удобства обороны отряд поднялся на невысокий холм, под которым они недавно совещались. Здесь росли старые корявые деревья, а несколько больших валунов образовывали нечто вроде изгороди на самой вершине. Там развели огонь. Таиться дальше не имело смысла. Темнота и тишина не собьют волков со следа.

Хоббиты сидели вокруг костра и беспокойно дремали. Пони дрожал и потел от страха. Волчий вой доносился теперь, казалось, отовсюду. То здесь, то там на равнине вспыхивали

огоньки глаз, подбирающиеся все ближе. Неожиданно меж камней показался огромный волчище и протяжно завыл, призывая стаю за собой.

Гэндальф, сжимая жезл, шагнул ему навстречу.

– Слушай, ты, Сауринова тварь! - звучно произнес маг. - Здесь - Гэндальф! Только сунься в этот круг, и я с тебя шкуру спущу!

Волк коротко рывкнул и прыгнул вперед. Тренькнула тетива, и тяжелое тело глухо ударилось о землю. Эльфийская стрела торчала в горле нападавшего. Леголас опустил лук. Арагорн и Гэндальф шагнули вперед, и горящие глаза разом исчезли. Стая бежала. Вокруг холма стало темно и тихо, только ветер подвывал, но уже своим голосом.

В разрывах облаков изредка показывалась заходящая луна. Ночь кончалась, когда Фродо вскочил на ноги, разом стряхнув с себя сон. Казалось, вокруг взвыла сама темнота. Это варги, бесшумно подобравшись, решили напасть сразу со всех сторон.

– Больше огня! - крикнул Гэндальф хоббитам. - Готовьте мечи, станьте спина к спине!

Костер окреп от большой охапки сучьев, свет позволил различить множество серых теней, то проскальзывающих между камнями, то перепрыгивающих через них. Арагорн поймал на меч переднего зверя. Боромир, коротко размахнувшись, разрубил пополам другого. Рядом с ним стоял Гимли, широко расставив ноги и поигрывая топором. Звенела тетива.

В отвесах пламени Гэндальф словно вырос вдруг. Огромная гневная фигура мага нависла над вершиной холма, будто изваяние какого-нибудь героя древности. Пылающий сук у него в руках горел страшным белым огнем. Варги припали на передние лапы и отпрянули. Над холмом громом раскатился голос:

– *Наур ан эдрайт аммен! Наур дан и нгаурот!*

С ревом и треском вспыхнули сразу несколько деревьев. Пламя мгновенно перекинулось на вершины остальных. Весь холм оделся цветами слепящего огня. Мечи в руках оборонявшихся сверкали. Последняя стрела, посланная Леголасом, вспыхнула на лету и поразила в сердце огромного волка. Остальные бежали.

Огонь медленно умирал. Сверху падали угли и пепел. Над сожженными деревьями клубился едкий дым, синевя в первых проблесках рассвета. Варги не возвращались.

– Ну, что я вам говорил, сударь Перегрин? - Сэм, возбужденно блестя глазами, прятал меч в ножны. - Разве такого слопаешь? Вот уж диво так диво!

Когда совсем рассвело, никаких признаков волков не обнаружилось. Больше того, не нашлось ни одного убитого зверя. О ночной схватке напоминали лишь обугленные деревья да стрелы Леголаса, разбросанные неподалеку. Все они были целы, кроме одной, сгоревшей до наконечника.

– Я так и думал, - мрачно заявил Гэндальф. - Это не простая волчья стая, охотившаяся в глуши. Давайте быстро завтракать и собираться.

Погода снова изменилась. Теперь кому-то не нужен стал ни снег, ни туман, а, наоборот, понадобился ясный день, при свете которого легче разглядеть происходящее на равнине. Ветер стих. Облака разогнало. День обещал быть теплым и солнечным.

– До заката нужно во что бы то ни стало достичь Ворот Мории, - говорил Гэндальф спутникам. Это не так далеко, но троп мы с Арагорном не знаем. Он редко бывал в этих местах, а я лишь однажды подходил к западному краю Мории. Вход в неё там, - маг махнул рукой ни юго-восток, где протянулась цепочка неприветливых скал, переходящих в сплошную тёмно-серую стену. - Я специально пошел с перевала на юг, теперь мы выгадали несколько миль. Пора идти.

– Пора-то пора, - проворчал Боромир. - А зачем мы идем? Найдет ли Гэндальф то, что ищет? А вдруг Ворот больше нет? Тогда что? Оказаться между горами и волками? Ладно, - вздохнул он, - раз решили, веди!

Отряд снова шел к горам. Теперь впереди рядом с магом шагал Гимли. Ему единственному не терпелось попасть в Морию. В древности с запада к Воротам Мории можно было подойти по берегу Сираннона; этот поток брал начало неподалеку от Ворот. Но то ли Гэндальф сбился с пути, то ли местность с тех пор изменилась, но там, где предполагали, реки не оказалось.

Утро давно кончилось, а отряд все блуждал меж красноватых камней. Они и всматривались с вершин валунов, и вслушивались, но ни блеска, ни плеска воды никто не уловил. Края вокруг лежали безжизненные. Ни следа на серой сухой земле, ни птицы в небе. О том, что может принести ночь, путникам даже думать не хотелось. Надежда уже почти угасла, когда Гимли, все рвавший вперед, подозвал остальных. К нему поспешили и оказались неожиданно на берегу высохшего русла. Ни единой лужицы не блестело на дне. Но зато вдоль берега вела хорошо заметная, только сильно разрушенная временем тропа.

– О! Вот он, наконец! - с облегчением воскликнул Гэндальф. - Это - Сираннон, Привратный Поток, как его еще называли. Но куда подевалась вода, ума не приложу! Такой шумный был, помнится... Идем! Мы и так задержались.

Отряд устал. У хоббитов болели ноги, но они упорно тащились вперед по старой, неровной тропе. Солнце уже клонилось к закату, а они, позволив себе лишь короткий привал для еды, все еще шли к горам.

Но вот за крутым поворотом дорога принялась петлять, следуя прихотливым изгибам русла, вдоль скальной стены. Вдруг она выпрямилась и повела их строго на восток. Скоро впереди показался осохший порог. Через неширокий проем, несомненно пробитый когда-то в камне водопадом, теперь едва сочилась вода.

– Как же здесь все изменилось! - поразился Гэндальф. - Я знаю это место. Здесь был Каскадный Водопад, дорога ступенями поднималась слева, а наверху, прямо у Ворот Мории, лежало озеро, откуда брал начало поток. Посмотрим, на что это похоже сейчас.

Действительно, каменные ступени обнаружили без труда. Гимли быстро принялся карабкаться вверх, за ним поспешили Фродо и Гэндальф. Только забравшись наверх, они поняли, почему пересох Привратный Поток. Его русло было перегорожено рухнувшими скалами.

Заходящее солнце разлило по небу золото заката, а перед путниками раскинулось темное тихое озеро. Ни единый блик не оживлял угрюмую поверхность. Позади зловещих вод вздымались скалы, исключая всякую возможность дальнейшего пути. Никакого признака Ворот в сплошной каменной стене глаз не различал.

– Вот Морийские стены, - маг указал жезлом за озеро. - Там некогда дорога упиралась прямо в Ворота. Теперь она под водой, а плыть на ночь глядя, думаю, никому не захочется.

– Значит, надо попробовать обойти по краю, - предложил Гимли. - Поднимемся выше, до основной дороги, я знаю, она должна быть там, посмотрим, нельзя ли подойти к Воротам по ней. Только пони нам здесь не протащить.

– В любом случае в подземелья мы его не возьмем, - покачал головой Гэндальф. - Дорога под горами и для человека-то труднопроходима, пони там делать нечего.

– Бедный Билл, - вздохнул Фродо. - Я как-то и не подумал о нем. Что теперь Сэм скажет?

– Мне тоже жаль, - согласился маг. - Бедный Билл нам здорово помог. Будь моя воля, я не стал бы оставлять его. Но, если помнишь, я и брать его не советовал, потому что уже тогда боялся, что придется воспользоваться этим путем.

День кончался. Вечереющее небо замерцало первыми звездами, когда весь отряд собрался на берегу озера. От северного края их отделяло не более полумили, там виднелось неширокое, относительно ровное пространство. Приходилось спешить, до Ворот, как утверждал Гэндальф, оставалось еще мили полторы.

Добравшись до северного конца озера, наткнулись на узкий рукав зеленой стоячей воды, протянувшейся к самым скалам. Гимли, не останавливаясь, вошел в воду; оказалось совсем мелко, только очень скользко. Под водой скрывались покрытые водорослями и противной тиной камни. Фродо содрогнулся от отвращения, ступив в темную, мутную и затхлую воду.

Сэм, шедший последним, уже выводил Билла на твердую сухую землю, когда странный звук заставил всех насторожиться. Вроде бы в озере за спиной плеснула большая рыба, а потом донеслось непонятное бульканье. Оглянувшись, путники заметили в быстро надвигающихся сумерках лишь круги, расходящиеся по воде от середины озера. Снова что-то булькнуло, и наступила тишина. Быстро темнело.

Гэндальф торопился. Остальные едва поспевали за ним. Скоро все оказались на каменистой площадке не больше десяти-пятнадцати ярдов шириной, заваленной упавшими сверху обломками. Справа лежало жуткое озеро, слева - стена. По этой полке прошли еще около мили и неожиданно наткнулись на огромные падубы. Несколько поваленных стволов гнили наполовину в воде; видимо, когда-то деревья стояли вдоль дороги, теперь затопленной. Но возле самой скальной стены еще жили два дерева. Фродо даже растерялся, он никак не ожидал, что падубы могут быть такими большими. Узловатые корни протянулись к воде.

Правда, под нависшими скалами даже эти исполины казались издали не более чем кустарником, но, когда их ветки простерлись над головами путников, отбрасывая густые причудливые тени, все подумали о великанах, стерегущих заповедную дверь.

– Наконец-то мы здесь! - воскликнул Гэндальф. - На этом месте кончается дорога из

Эрегиона. Падуб был символом народа этой страны, деревья отмечали границы их владений. В счастливые дни, когда даже эльфов с гномами связывала тесная дружба, западный вход в Морию всегда был открыт для эльфов Эрегиона.

– Не по нашей вине она прервалась, - насупившись, заметил Гимли.

– Я не слышал, чтобы кто-нибудь обвинял в этом эльфов, - возразил Леголас.

– Я слышал и то, и другое, - прикрикнул на них Гэндальф, - и не собираюсь сейчас разбираться в давних делах! Поймите, мне нужна ваша помощь, а вы заводите дразги. Дверь закрыта, чем скорее мы найдем ее, тем лучше, Ночь на носу!

Повернувшись к остальным, он распорядился:

– Пока я буду искать вход, приготовьте поклажу. Боюсь, с нашим верным помощником придется расстаться. Теплые вещи можно бросить, зимы мы теперь не увидим. Распределите припасы и мехи для воды.

– Как же так? - недоуменно спросил Сэм. - Ведь мы же не можем просто бросить беднягу Билла в таком гиблом месте, а, Гэндальф? Это же нечестно. Он уже столько прошел с нами...

– Мне жаль, Сэм, - коротко ответил маг, - но, когда откроется дверь, ты едва ли затащишь его внутрь. Придется тебе выбирать между пони и хозяином.

– Он даже в драконью берлогу пойдет, если я его поведу! - Сэм решил стоять до последнего. - Да ведь это все равно что убить его, волки же вокруг, сами говорили.

– Нет, не все равно, - отрезал маг. Он положил ладонь на голову пони и тихо заговорил ему в ухо, а потом шлепнул по спине. - Иди, дружок, да будут на тебе охрана и водительство. Ты - умное животное, многому научился в Дольне. Выбирай тропы с травой, потихоньку доберешься до Дома Элронда или куда пожелаешь. Все, Сэм, хватит, - маг сурово взглянул на хоббита. - У него теперь столько же шансов уцелеть, сколько и у нас.

Сэм ничего не ответил. Билл, видимо, прекрасно понявший слова мага, вздохнул и сунулся мордой в Сэмово ухо. Бывший садовник, всхлипывая, начал распутывать вьючные узлы. Остальные принялись разбирать поклажу. Управившись, все повернулись посмотреть, как идут дела у мага. Но Гэндальф просто стоял меж двух деревьев, уставясь в стену, словно надеясь взглядом пробить в ней проход. Гимли бродил вокруг, выстукивая скалы обухом топора. Леголас изящно прислонился к скале, словно вслушиваясь во что-то.

– Мы готовы, - сообщил Мерри. - Куда входить-то? Я никаких дверей не вижу.

– Двери в царство гномов не увидишь, если они закрыты, - сказал Гимли. - Даже те, кто их делал, не найдут ничего снаружи. И открыть их невозможно, если секрет утрачен.

– У этой двери таких секретов быть не должно, - отрываясь от созерцания скалы, произнес Гэндальф. - Вряд ли все настолько изменилось, чтобы внимательные глаза, знающие, на что смотреть, не обнаружили знаков.

Он подошел к стене. Прямо перед ним меж теней, отбрасываемых падубами, оставалось совершенно ровное место. Маг, что-то бормоча себе в бороду, принялся водить руками над скалой. Потом отступил назад.

– Ну? Теперь видите что-нибудь? - спросил он.

Лунный свет лежал на гладкой скале. Никто по-прежнему ничего не видел. И вдруг на камне, как раз там, где прошли руки мага, начали проступать едва заметные серебристые линии. Поначалу они были не толще паутинки и лишь посверкивали прерывисто в неверном свете, но с каждой секундой становились все отчетливее. Теперь уже угадывался, общий контур рисунка. В верхней части, под аркой, увитой эльфийскими рунами, обрисовалось изображение молота и наковальни, увенчанное семизвездной короной. Еще ниже означились два дерева с полумесяцами наверху. А прямо посередине ярко засияла одинокая многолучевая звезда.

– Знак Дарина! - воскликнул Гимли.

– И Дерево Высоких Эльфов! - добавил Леголас.

– И Звезда Дома Феанора, - закончил Гэндальф. - Рисунок сработан из *утильдина*, этот металл отражает только звездный и лунный свет, да и то если его пробудит владеющий языком, давно забытым в Среднеземье. Надо знать слова. Я знал их, но так давно, что не сразу вспомнил.

– А что здесь написано? - спросил Фродо, уже давно пытавшийся разобрать знаки над аркой. - Мне казалось, я знаю эльфийские буквы, но эти мне непонятны.

– Это - язык эльфов Древнего Запада, - сказал маг. - Ничего интересного для нас надпись не содержит. Она означает: «Двери Дарина Повелителя Мории. Скажи друг и входи». А ниже, вот здесь, помельче: «Я, Нарви, создал Дверь. Келебримбор из Эрегиона запечатлел эти знаки».

– А как это понять: «Скажи друг и входи»? - ошеломленно проговорил Мерри.

– Яснее ясного, - фыркнул гном. - Если ты друг, назови пароль, двери откроются.

– Да, - с сожалением протянул Гэндальф. - Вполне возможно, что они открывались по слову. Некоторые ворота гномов открываются только в определенное время, другие - лишь перед определенным лицом, а третьи и вовсе с замками и ключами, даже если все времена и слова известны. Здесь-то замка нет. Во Дни Дарина Ворота Мории стояли открытыми. Наверное, здесь сидели привратники. Но даже если их закрывали, любой, знающий слова, мог войти. По-моему, так, Гимли?

– Так, так, - отвечал гном. - Только слова уже никто не помнит. Весь род Нарви, все их искусство давно исчезли с лица земли.

– Как? Разве ты не знаешь слов, Гэндальф? - обескураженно спросил Боромир.

– Нет, - коротко ответил маг.

Остальные с удивлением посмотрели на него. Только Арагорн, слишком хорошо знавший Гэндальфа, остался невозмутим.

– Тогда что толку было волочь нас в эту треклятую дыру?! - взорвался гондорец. - Ты же говорил, что проходил подземельями. Как же ты попадал туда, если не знаешь слов?

– Отвечаю на первый вопрос, - спокойно проговорил маг. - Да, я не знаю слов - пока. Насчет толка от моих поступков ты будешь интересоваться тогда, когда они окажутся бесполезными. - Глаза мага сверкнули под нависшими бровями. - Что же до второго твоего вопроса... ты, как я понял, мне не веришь? Ты, видно, голову потерял. Я шел с *востока* ! Изнутри эти двери можно открыть легким толчком. А снаружи - только повелительными чарами. Силой их не взять.

– Но что же все-таки делать? - вырвалось у Пиппина.

– Можно попробовать постучать в них твоей головой, Перегрин Тук, - раздраженно ответил маг. - Может, хоть тогда я на короткое время отдохну от дурацких вопросов и поищу нужные слова!

Я знаю все заклятья на всех языках, даже орочьих, для открывания чего угодно. Я и сейчас с ходу могу штук сто вспомнить. Но понадобятся самые простые, незачем перебирать все. Я даже не собираюсь выпытывать у Гимли тайный язык гномов, которого, кроме них, никто не знает. Слово было эльфийским, как и надпись на арке, это любому ясно.

Он снова подошел к скале и слегка коснулся звезды жезлом.

Аннос эделлен, эдро хи аммен!

Феннас ноготрим, ласто бет ламмен! -

произнес маг повелительно. Серебряные линии рисунка вспыхнули на миг и снова потускнели. Камень не дрогнул.

Гэндальф произнес множество заклинаний, то быстро и громко, то медленно и тихо, перепробовал много эльфийских слов, но ничего не происходило. Скала неизменно стояла перед ним, а на небе уже всю высыпали звезды.

Снова и снова подходил маг к скале. В голосе его постепенно приступили гневные нотки.

– *Эдро* ! - восклицал он, ударяя жезлом о камень. - *Откройся* ! - повторил он раз двадцать на всех известных и неизвестных языках. Все было тщетно. Наконец, швырнув жезл под ноги, он сел на камень и замер.

Ветер донес издалека волчий вой. Билл вздрогнул и нервно переступил копытами. Сэм

подскочил к нему и начал оглаживать, нашептывая в ухо нечто успокоительное.

– Придержи его, - посоветовал Боромир, - похоже, он нам еще пригодится, если только волки до нас раньше не доберутся. Ух, как мне ненавистна эта вонючая лужа! - Он наклонился, схватил увесистый камень и в сердцах запустил на середину озера.

Камень исчез без всплеска, едва булькнув, но почти слившись с этим звуком, донеслись другие: шелест, журчание. Огромные круги пошли по воде и двинулись к берегу. Только начались они не там, где упал камень.

– Зачем ты это сделал, Боромир? - упрекнул воина Фродо. - Мне озеро тоже не нравится, я боюсь его. Не волков, не подземелья за дверями, а чего-то еще. Именно озера. Не надо его тревожить.

– Уйти бы нам отсюда, - озираясь, проговорил Мерри.

– Ну что же Гэндальф ничего не делает! - шепотом воскликнул Пиппин.

А Гэндальф сидел, ни на что не обращая внимания, то ли в отчаянии, то ли в глубоком раздумье. Волчий вой послышался снова, уже ближе. Круги по воде все шли, первые докатились до берега.

Внезапно, заставив всех вздрогнуть, маг вскочил и расхохотался.

– Есть! - вскричал он. - Ну конечно! Это же просто до нелепости, как и все остальные загадки, когда найдешь ответ!

Подняв жезл, он встал перед скалой и ясным голосом произнес единственное слово: *меллон*! Звезда рисунка вспыхнула и погасла. Совершенно беззвучно в камне возникла тонкая вертикальная трещина. Обозначился проем и огромные дверные плиты дюйм за дюймом медленно отворились. За ними ощущалась каменная лестница, но видны были только несколько ступеней, остальные скрывал непроглядный мрак. Отряд охнул.

– Надо же так ошибиться! - восклицал Гэндальф. - И мне, и Гимли. Только Мерри почти отгадал сразу. Слово все время было у нас перед носом! Оно же написано на воротах. Просто надо было прочесть: «Скажи «друг» и входи». Стоило мне произнести по-эльфийски «друг», и двери распахнулись. Совсем просто. Слишком просто даже для Мудрого в эти темные времена! О счастливые Древние Дни! А теперь - идем!

Маг шагнул вперед и уже поставил ногу на порог, но в этот миг разом случилось несколько событий. Фродо почувствовал, как что-то схватило его за ногу и с криком упал. Пони дико ржанул от страха и, задрвав хвост, умчался по берегу в темноту. Сэм кинулся было за ним, но остановленный криком хозяина, метнулся назад. Остальные обернулись. Кошмарное зрелище предстало их глазам. Воды темного озера вскипели. Казалось, огромный клубок змей движется к берегу.

Из воды выхлестнуло длинное извивающееся щупальце, бледно-зеленое, слабо светящееся и противное. Оно поймало Фродо за ногу и теперь тащило в озеро. Сэм в исступлении рубил его своим маленьким мечом. Щупальце разжалось и выпустило Фродо, но из воды взметнулось еще не менее двадцати змеящихся рук. Озеро бурлило и гнусный смрад потек на берег.

– Быстро! Все в Ворота! - закричал Гэндальф, разбивал оцепенение, сковавшее остальных. Он прыгнул назад и сильными толчками погнал хоббитов к проёму.

Они едва успели. Сэм и Фродо стояли на первых ступенях лестницы, маг только вошел, а весь берег перед входом в подземелье кипел извивавшимися щупальцами, шарившими по скалам. Одно даже уцепилось за порог, жирно блестя в звездном свете. Гэндальф, повернувшись, то ли наблюдал за ним с интересом, то ли раздумывал, каким словом закрывают двери. Впрочем, слова не понадобились. Сразу несколько кольчатых плетей облепили створки и с силой захлопнули их. Пал мрак. Снаружи слабо донесся шум. Там что-то билось и ломалось о камень.

Сэм, судорожно вцепившийся в руку Фродо, бессильно осел на ступени.

– Бедный старый Билли! - дрожащими губами едва вымолвил он. - Волки и змеи! Змеи - это для него уже слишком. Я теперь выбрал, сударь, я с вами иду.

Они услышали шаги Гэндальфа. Очевидно, он подошел к дверям и ударил в них жезлом. Камень едва заметно вздрогнул, но створки не шелохнулись.

– Все, - произнес маг. - Эти двери для нас закрыты и есть только один выход наружу - по другую сторону гор. Судя по звукам там целый обвал, да еще вырванные деревья сверху лежат. Жаль, красавцы были падубы, и так долго стояли.

– Я чувствовал, я чувствовал, - пытаюсь совладать с голосом, повторял Фродо, - как только ступил в эту воду, все время чувствовал ужас поблизости. Что это за тварь, или их там много было?

– Не знаю. - Видимо, Гэндальф пожал плечами. - Не знаю, - повторил он, - но уверен: всеми злобными руками, лапами и щупальцами движет одна цель. Что-то выползло, а может, что-то выгнали из темных вод под горами. В глубинах мира скрыты твари пострашнее и постарше орков.

Маг подумал, что кто бы ни жил в озере, первым делом среди всех тварь цапнула Фродо, но вслух говорить об этом не стал.

Боромир проворчал нечто, но не учел подземного эха, многократно усиливавшего звуки, и все расслышали его бормотание:

– В глубинах мира! Вот именно. Туда нас и занесло против моей воли! Кто нас теперь вызовет из этой смертной тьмы?

– Я, - спокойно отозвался Гэндальф, а Гимли мне поможет. Не теряйте из виду мой жезл. Маг поднялся по ступеням, высоко держа в руке слабо светящийся жезл. Лестница

оказалась в полном порядке. Путники насчитали две сотни ступеней, прежде чем вышли в ровный коридор, уводящий во тьму.

– Давайте присядем и перекусим здесь, на площадке, - предложил Фродо. - Трактира мы ведь все равно не найдем поблизости. - Ужас, испытанный на берегу, потихоньку отпускал хоббита. На смену ему пришло острое чувство голода.

Предложение пришлось по нраву всем. Едва видимые во мраке, путешественники расселись на ступенях. После еды Гэндальф в третий раз обнес всех мирувором.

– Боюсь, ненадолго его хватит, - вздохнул он, закрывая флягу. - Но после этого страха у Ворот хлебнуть необходимо. Даже если нам сильно повезет, мы и остатки допьем, прежде чем увидим другую сторону. Воду поберегите. В Мории есть и ручьи, и родники, но лучше бы их не касаться. Ближайший случай набрать воды представится, пожалуй, только в Росной Долине.

– А долго нам туда добираться? - спросил Фродо.

– Как я тебе скажу? - вопросом на вопрос отвечал маг. - Смотря по тому, что нас по дороге ждет. Если прямо идти, да если удача не отвернется, не меньше сорока миль.

Отдыхали недолго. Всем безотчетно хотелось отойти подальше от Ворот. В левой руке шагавшего впереди Гэндальфа мерцал жезл. В правой он сжимал Гламдринг. За ним с сияющими глазами, шел Гимли. Дальше, тоже с обнаженным мечом, настороженно ступал Фродо. Клинки были темны. Это успокаивало, ведь мечи, сработанные древними эльфийскими кузнецами, светятся, окажись поблизости орки. За Фродо следовал Сэм, за ним - Леголас и другие хоббиты, потом - Боромир, а замыкал шествие хмурый и молчаливый Арагорн.

Несколько раз коридор поворачивал, а затем начался долгий спуск. Воздух заметно потеплел, стало душно, но никакого запаха, как бывает в замкнутом помещении, не ощущалось. Наоборот, несколько раз по лицам скользнули струи холодного воздуха из каких-то щелей или проходов в стенах. Их встречалось немало. В слабом свете жезла Фродо иногда различал по сторонам лестницы арки и переходы. Они возникали то справа, то слева, путались, и решительно никакой возможности запомнить дорогу Фродо не видел.

От Гимли помощи Гэндальфу пока было немного. Разве что стойкое мужество, исходившее от гнома, подбадривало идущих. Темнота не тревожила его совершенно. Иногда маг, сомневаясь в выборе пути, советовался с ним, но решение неизменно принимал сам. Подземелья Мории своими колоссальными размерами превосходили самые смелые представления Гимли, сына Глоина, хоть он и происходил из рода подгорных гномов. Давнее путешествие, совершенное в земных недрах, мало помогало Гэндальфу, но даже во мраке, несмотря на все повороты, он ясно понимал, куда идет, и куда хочет идти, и пока попадались галереи, ведущие в нужном направлении, маг не останавливался.

При очередной задержке, пока Гэндальф с Гимли перешептывались о чем-то, Арагорн сказал остальным:

– Не бойтесь. Я бывал с ним во многих путешествиях, хоть и не в таких потемках. В Дольне вам могут рассказать о нем и вовсе невероятные вещи. Он с пути не собьется, лишь бы путь существовал. Мы боялись, не верили, а он привел нас сюда, и выведет, чего бы это не стоило ему самому. Дорогу он находит лучше кошек королевы Берутиэль.

Действительно, отряду повезло с проводником. У них не было топлива, они не успели заготовить факелы, в отчаянной спешке у ворот многие вещи оказались забыты. Без света жезла они просто не прошли бы и фарлонга. Кроме бесконечных разветвлений, время от времени попадались дыры, провалы, а может, колодцы прямо на дороге. Встречались трещины, которые приходилось перепрыгивать, пока маг светил. Одна, например, оказалась шире семи футов и Пиппин долго собирался с духом, прежде чем перескочить «пропасть» (как он назвал ее). Впрочем, не так уж он был неправ. Со дна трещины едва доносился шум большой текущей воды.

– Вот - веревка-то! - пробормотал Сэм. - Знал же, что понадобится.

Все эти досадные мелочи отнимали немало времени. Путникам казалось, что они давно блуждают во тьме, у корней гор. Это была уже не просто усталость, но мысль остановиться, отдохнуть почему-то не радовала. Да, спасение у Ворот, еда, глоток мирувора взбодрили Фродо на время, но теперь на душе у него снова лежала тяжесть, вот-вот готовая прорасти страхом. Элронд исцелил его рану, но бесследно она не прошла. Чувства хоббита обострились и теперь его сильно угнетала невозможность видеть. Впрочем, довольно скоро Фродо заметил, что видит в темноте много больше других, кроме Гэндальфа, конечно. И Кольцо... Кольцо на шее, на тонкой цепочке, иногда наливавшееся тяжестью... Он ощущал некое неопределенное зло впереди, и зло, идущее следом, но он молчал, только крепче сжимал рукоять Шершня и упрямо шел и шел вперед.

Идущие позади почти не разговаривали. Только шаги слышал Фродо впереди и за спиной. Глухой стук башмаков Гимли, тяжелая поступь Боромира, легкий шелест шагов Леголаса и почти такой же неслышный топоток хоббитов, а в конце - мерный четкий шаг Арагорна. Если отряд останавливался, наступала тишина, но со временем обостренный слух Фродо начал улавливать и еще кое-что: как будто шлепанье мягких босых ног по камню. Оно не было ни близким, ни громким, так, едва различимые звуки на самом пределе слышимости, но раз начавшись, они непрерывно сопровождали отряд. Эхо? Нет, не эхо. Когда все останавливались, оно еще шлепало чуть-чуть и только потом стихало.

В Морию они вошли ночью, а теперь шли уже несколько часов с короткими передышками, но тут Гэндальф впервые озадачился надолго. Впереди широкая темная арка расходилась тремя галереями. На первый взгляд, все три вели на восток, но левая зарывалась вниз, правая - вверх, а средняя, хоть и казалась горизонтальной, настораживала узостью прохода.

– Хм, совсем не помню этого места, - пробормотал Гэндальф, останавливаясь. Он поднял жезл, надеясь отыскать на своде какие-нибудь знаки или надписи, но ничего не нашел. Тогда он сказал сам себе: - Нет, слишком устал, чтобы не ошибиться. Да и все устали, наверное. Ночь еще не кончилась, остановимся здесь. Снаружи миновала полночь, луна скоро зайдет.

– Бедный Билл, - вспомнил Сэм. - Как-то он там? Интересно, удалось ему от волков удрать?

Слева от арки обнаружилась каменная дверь. Полуприкрытая, она легко распахнулась от несильного нажима. За ней, кажется, находилась небольшая зала.

– Осторожнее! - крикнул Гэндальф, останавливая Мерри с Пиппином, бросившихся вперед. Хоббиты так обрадовались хоть какому-нибудь укрытию, да еще с дверью, что совершенно забыли об опасности. Уж очень не хотелось спать прямо посреди открытой галереи.

– Осторожнее, - повторил маг. - Вы же не знаете, что там, внутри. Пустите-ка меня.

Он боком протиснулся в дверной проем, остальные вошли следом.

– Вот, - Гэндальф указал жезлом на середину комнаты. У его ног чернела большая круглая дыра в полу. Обрывки цепей свисали вниз, пол вокруг был усыпан каменными обломками.

– Один из вас неминуемо загремел бы туда, - негромко сказал Арагорн стоящему рядом Мерри, - и сейчас все еще гадал бы, когда же будет дно. У нас есть проводник, вот пусть он и идет первым.

– Здесь располагалась стража, - заявил Гимли. - А это - колодец. Крышка разбита, надо быть поосторожнее в темноте.

С первой же минуты колодец неодолимо притягивал Пиппина. Пока остальные разворачивали одеяла и устраивались на ночлег под стенами, он на четвереньках подполз к краю и заглянул внутрь. Из невидимых глубин поднимался ток холодного воздуха. Повинуясь внезапному порыву, Пиппин подобрал с пола камень и отпустил его над дырой. Сердце хоббита успело стукнуть много раз, прежде чем снизу пришел звук. Сначала донеслось едва слышное «плюх», видимо, камень упал в поду, но потом звук пошел гулять по стволу колодца, отражаясь от стен.

– Что там? - вскинулся Гэндальф.

Пиппин, замирая, сознался и даже в темноте разглядел гневно сверкавшие глаза мага.

– Туковская дурость! - с досадой проворчал Гэндальф. - Когда ты сообразишь, наконец, что мы не на прогулке? В следующий раз прыгай туда сам, меньше хлопот будет! А теперь - тихо!

Несколько минут стояла тишина, а потом из глубины снова пришел звук. Теперь это были слабые удары: «том-тап, тап-том», эхо повторило их, и снова раздалось: «тап-том, том-тап, тап-тап-том». Это напоминало слабые беспокойные сигналы, но больше они не повторялись.

– Либо я никогда раньше не слышал ударов молота, либо это они и есть, - убежденно произнес Гимли.

– Да, похоже, - согласился Гэндальф. - Ох, не нравится мне это. Может, конечно, дурацкий камень Перегрин здесь и ни при чем, но вполне возможно, он разбудил что-то, чего лучше бы не беспокоить. Я вас очень прошу всех, - сердито сказал маг, - поменьше глупостей! Нам надо отдохнуть. А ты, Пиппин, в награду подежуришь первым, - Гэндальф завернулся в одеяло и замолк.

Несчастный Пиппин уселся в кромешной тьме у двери, но мысли о колодце словно преследовали его. Воображение рисовало лезущих из дыры чудищ, он с трудом сдерживался, чтобы не закрыть ее хотя бы одеялом, но и двинуться в ту сторону не смел - ведь Гэндальф не

велел. Правда, Гэндальф спит...

Гэндальф не спал. Он глубоко задумался, припоминая малейшие подробности своего предыдущего путешествия в подгорном царстве и тревожно обдумывая наилучший вариант завтрашнего пути: любой ошибочный поворот мог привести отряд к гибели. Через час он встал и подошел к Пиппину.

– Иди-ка спать лучше, - в голосе мага не чувствовалось ни малейшего раздражения. - Мне все равно глаз не сомкнуть, посижу лучше, покараулю.

– Я знаю, в чем дело, - бормотал он, усаживаясь возле двери. - Покурить нужно! Я трубки не доставал от самого Карадраса.

Последнее, что увидел Пиппин засыпая - темный силуэт мага и нависший над трубкой нос, высвеченные короткой вспышкой, прикрываемой полой плаща.

Гэндальф разбудил их часов через шесть.

– Пока я тут сидел, - объявил он, - путь определился. Средняя галерея мне не нравится, из левой плохо пахнет, мы пойдем по правой. Будем подниматься.

Еще восемь часов, не считая двух коротких остановок, шли без помех. Впереди, напоминая блуждающий огонек, качался слабо святающийся кончик жезла. Галерея полого, но неуклонно поднималась. По мере продвижения она становилась все шире, пол был ровный, без ям и трещин, даже боковых ответвлений почти не встречалось. Видно, они таки попали на какую-то главную дорогу и двигались куда быстрее, чем прошедшей ночью. Спрямоленный пройденный путь составил бы не меньше пятнадцати миль, а учитывая всякие повороты и изгибы - около двадцати. Почему-то подъем приободрил Фродо, но ощущение тревоги не отпускало, а сзади, далеко за отрядом, за эхом их шагов, он опять слышал призрачное «шлеп-шлеп», и оно-то эхом не было.

Переход определялся расстоянием, которое могли пройти без отдыха хоббиты. Пора уже было подумывать о месте для ночевки, но тут стены и справа, и слева внезапно исчезли. Из-за спины тянуло теплым воздухом, а лицо холодила непроглядная тьма. Путники остановились и столпились возле мага.

Гэндальф довольно усмехнулся.

– Я оказался прав, - похвалил он сам себя. - Мы выходим к обжитым местам. До восточной стены недалеко теперь, только мы очень высоко поднялись, куда выше Росных Порогов. Сейчас мы в каком-то большом гроте. Я, пожалуй, рискну прибавить света.

Он поднял жезл. Короткая вспышка заставила отпрянуть огромные тени, высоко над головами высветив свод, опирающийся на мощные колонны. Зал был пуст, странно поблескивали темные полированные стены. На другом конце чернели три арки. Большого заметить никто не успел.

– Пока хватит, - проговорил Гэндальф. - В таких залах обычно бывали окна, врезанные в склоны горы, этикие световые шахты, но снаружи - ночь, до утра ничего не определишь. Если я не ошибаюсь, утром увидим свет. Я предлагаю передохнуть. Большая часть пути уже позади.

Заночевать решили в углу зала, где поменьше досаждали сквозняки. Ветерок тянул из восточной галереи. Когда все улеглись, вплотную подступили темнота и тишина, особая подземная темнота и глухая ватная тишина. Чувство одиночества, затерянности в этих бесконечных печальных залах, переходах, лестницах охватило хоббитов. Смутно-страшные легенды о Мории, когда-то слышанные на родине, оказались на поверку игрушечными по сравнению с молчаливыми подземными пространствами, хранящими и ужасы, и чудеса настоящие.

– Ну и толпища гномов, должно быть, потрудились здесь когда-то, - прошептал Сэм. - И каждый хлопотал, как барсук, и хлопотал лет пятьсот, если не больше. Ведь скала же! Она же твердая! А зачем? Неужто можно жить в этих темных норах?

– Это не норы, - подал голос Гимли. - Это - великое царство и сердце подземного мира. В те времена темноты не было. Свет, великолепие - вот воспоминания о Мории, оставшиеся в песнях.

Внезапно гном встал и глубоким голосом, мгновенно породившим эхо под сводами, запел.

Был юным мир в тиши времен,
Был лик луны не затенен,
Когда, в величии благом,
Явился Дарин, Первый Гном.
Средь безымянных гор и рек
Бродя один, он их нарек;
Он устремил пытливый взор
В глубины девственных озер,
Где звезды вспыхнули светло,
Короной увенчав чело.

Был светел мир в тиши времен;
Могучи были Нарготронд
И Гондолин, чьи короли
Еще в пучину не ушли.
Был ласков гром, был ветер мил -

В День Дарина был светел мир.

Резной престол его стоял
В чертогах скальных; тронный зал
Венчал золотой чеканный свод;
Сплетенья рун хранили вход;
Сиянье Солнца, блеск Луны,
В кристальный свет воплощены,
Не омрачались никогда
В благословенные года.

Там гулкий молот бил в металл
И искр алмазный рой взметал;
Резец искусный в недрах скал
Узор на камню высекал;
Чертог мерцающий хранил
Опал, и жемчуг, и берилл,
И в ночь дышал кузнечный мех,
Творя сверкающий доспех.

Был счастлив Дарина народ;
И дни, и годы напролет
Пел свет подземных тех земель
Неутомимый менестрель.

Но мир померк во мгле времен,
Глухой бедою замутнен;
Смолк молот ныне; песнь нема;
В горах владычествует тьма,
Там страх лежит - тяжел, угрюм...
О Мория! О Казад Дум!

Но в глубине угасших гор
Хранит корону глубь озер,
Пока - в иные времена -
Не встанет Дарин ото сна.

– Здорово! - восхитился Сэм - Я бы выучил. «О Мория! О Казад Дум!» Эх, как представишь все эти огни, темнота еще горше становится. Послушай, Гимли, а золото и драгоценности эти, они тут так и лежат?

Но Гимли не ответил. Он слишком много вложил в песню и не хотел разменивать высокие чувства на обсуждение презренных деталей.

– Нет здесь драгоценностей, - ответил за него Гэндальф. - Орки все начисто выгребли. По крайней мере, на верхних выработках. А после ухода гномов нижние горизонты затопила вода, да и кто бы осмелился туда сунуться? Ужас глубин - надежный страж.

– А чего же тогда гномы так вернуться хотят? - удивился Сэм.

– Это все мифрил, - пояснил Гэндальф, - слава Мории не в золоте или камнях - гномы занимались ими развлечения ради, и не в железе - оно для гномов слуга и помощник. Конечно, и то, и другое здесь есть, но ради них никто не стал бы зарываться так глубоко. Здесь и больше нигде в мире водится морийское серебро, его еще называют подлинным серебром, а по-эльфийски - *мифрил*. У гномов есть для него свое название, но они никому его не поведали. Мифрил был в десять раз дороже золота, а сейчас и вовсе бесценен, изделий из него на поверхности осталось совсем мало. Жила идет на север, а у корней Карадраса уходит в глубину. Даже орки не осмеливаются продолжать добычу после всего случившегося. Именно мифрил положил начало богатству гномов, но он же и погубил их. Гномы зарылись слишком глубоко и потревожили Ужас Глубин. Потом его назовут Погибелью Дарина. Почти весь мифрил, добытый гномами, захватили орки; конечно, он попал к Саурону.

Об этом металле мечтали многие. Он ковкий как медь, легко полируется, после обработки становится тверже закаленной стали. На вид схож с серебром, но в отличие от него не тускнеет. Эльфийский *итильдин* сделан на основе мифрила.

Когда-то Торин подарил Бильбо кольчугу из мифрила. Любопытно, какова ее судьба? Небось, пылится до сих пор в Микорытском Маттом-доме.

– Что?! - разом выходя из своего возвышенного молчания, вскричал Гимли. - Кольчуга из морийского серебра? Да это же величайшая драгоценность!

– Да я-то знаю, - улыбнулся во тьме Гэндальф, - только Бильбо говорить не стал. Сейчас она стоит дороже всего Шира со всем содержимым.

Фродо молча сунул руку под рубашку и потрогал кольчугу. Его потрясла мысль о надетой на нем стоимости всего Шира. Интересно, знал об этом Бильбо? Почему-то Фродо был уверен: знал, и очень хорошо. Вот поистине великодушный дар.

Мысли хоббита наконец-то оторвались от мрачных подземелий, уносясь в Долюн, к старому Бильбо, и еще дальше, в Засумки прежних счастливых дней. Всем сердцем желал бы он снова оказаться там, выкосить лужайку, или просто побездельничать среди цветов, и никогда не слышать ни о Мории, ни о мифриле, ни о Кольце.

Фродо нес дозор. Спутники его засыпали один за другим и сердце хоббита постепенно сковывал страх. Ладони похолодели, на лбу выступил пот. Он напряженно прислушивался. Целых два медленных часа он слушал, слушал, только слушал, но не услышал ни звука.

Его уже скоро должны были сменить, и тут, в дальнем конце зала, примерно на месте западной арки, Фродо почудились два близких огонька, две бледные световые точки, очень похожие на чьи-то глаза. Он вздрогнул.

«Задремал я, что ли? - подумалось ему. Точки пропали. - Наверное, задремал», - решил Фродо, встал, протер глаза и не сел больше, пока его не сменил Леголас.

Хоббит лег, угрелся под одеялом и быстро заснул, но и во сне продолжал слышать тихий, неразборчивый шепот и видеть бледные пятна света. Когда Фродо проснулся, вокруг тихо разговаривали, а сверху прямо на лицо падал тусклый свет. Он проникал через отверстие в высоком своде над восточной галереей. Еще один световой столб слабо мерцал в северном конце зала.

Фродо сел.

– Доброе утро, - приветствовал его Гэндальф. - Настоящее утро. Видишь, я не ошибся. Мы в верхних восточных горизонтах. Думаю, еще до конца дня мы должны увидеть от восточных морийских ворот заповедные воды Зеркального.

– Хорошо бы, - согласился Гимли. - Теперь я видел Морию, великое подземное царство, но она стала темной и страшной; никаких признаков моего народа нет и в помине. Я даже начал сомневаться, приходил ли сюда Балин вообще.

Сразу после завтрака Гэндальф принялся подгонять их.

– Конечно, мы все устали, - говорил он. - Но лучше отдохнуть снаружи. Надеюсь, никто не рвется провести под землей еще одну ночь?

– Нет уж, хватит! - решил за всех Боромир. - По какой дороге пойдем? По восточной?

– Можно бы и по ней, - как-то не очень уверенно согласился маг. - Я еще не знаю точно, где мы. Сильно сбиться я не мог, а коли так, выход лежит ниже и северней. Может быть, туда и можно попасть восточной галереей, но сначала мне хотелось бы осмотреться. Я бы попробовал северный штрек, может, там есть окна.

Вслед за магом все прошли под северной аркой. Вскоре действительно впереди стало светлеть. Еще через несколько шагов показалась полуоткрытая каменная дверь. Свет падал из-за нее. Конечно же, они вошли. Большой квадратный грот освещался рассеянным тусклым светом, но отвыкшим глазам путников он показался ослепительно ярким.

В толстом слое пыли под ногами что-то с дребезгом перекатывалось. В верхнем восточном углу был пробит глубокий наклонный световой колодец; на его дальнем конце виднелся маленький, с носовой платок, кусочек голубого неба. Столб света падал на каменное возвышение посреди грота с верхней плитой, сработанной из белого камня.

– Похоже на надгробье, - пробормотал Фродо и наклонился к плите, уже не сомневаясь в правильности своего предчувствия. Гэндальф быстро подошел к нему. Плиту испещряли глубоко высеченные руны.

– Даэрон, язык древней Мории, - сказал Гэндальф. - На языках Людей и Гномов здесь выбита надпись:

БАЛИН, СЫН ФУНДИНА
ГОСУДАРЬ МОРИИ

– Значит, он умер, - промолвил Фродо. - Я так и знал.
Гимли молча опустил капюшон на лицо.

Глава 5 Морийский Мост

Отряд в молчании замер над могилой Балина. Фродо думал о долгой дружбе Бильбо с замечательным гномом и вспоминал давний визит Балина в Шир. Здесь, в этой пыльной усыпальнице, погребенной под каменной толщей, казалось, что это происходило тысячу лет назад и на другом конце света.

Постепенно страхнув оцепенение, путники стали оглядываться, пытаясь в обстановке грота, в расположении вещей прочесть судьбу горемычного государя и его народа. В противоположной стене оказалась незамеченная поначалу еще одна дверь, поменьше. У обоих порогов лежали вперемешку мечи, кости, сломанные топоры, разбитые щиты и шлемы. Бросались в глаза орочьи ятаганы с черненными клинками.

Множество стенных ниш наполовину скрывали огромные, окованные железом сундуки, разбитые и разграбленные. Рядом с сорванной крышкой одного из них валялась большая книга, она была в ужасном состоянии: удары топора и колотые дыры превратили обложку в

лохмотья, а темные пятна сильно походили на кровь.

Гэндальф осторожно поднял ее, положил на плиту и открыл. Первые листы ломались у него в руках, но он бережно составлял их и надолго погрузился в изучение фолианта. Фродо и Гимли, стоявшие рядом, видели страницы, заполненные не только разными руками, но и на разных языках - встречались эльфийские и морийские руны и какие-то еще, незнакомые.

Наконец Гэндальф оторвался от рукописи.

– Это похоже на летопись народа Балина, - промолвил он. - Начата около тридцати лет назад, с приходом гномов в Морию. Страницы нумерованы по годам. Вот, видите: «один-три» - первый год, третья страница, первых двух нет. Послушайте.

«Мы прогнали орков от Ворот и охраняем...» здесь не прочесть, я думаю: «...зал. Мы перебили их множество в долине...» наверное, «при свете дня. Флои поражен стрелой». Дальше пятно. «Он лежит под травой на берегу...» Непонятно... «мы захватили первый зал в северном конце, будем здесь жить...» Наверное, «световая шахта», потом... а, вот: «Балин утвердил трон в Зале Мазарбул». - Гэндальф вопросительно взглянул на гнома.

– В Зале Памяти, - подсказал Гимли. - Это, наверное, он и есть.

– Дальше ничего не разберешь... вот слово «золото». «Топор Дарина... шлем... Отныне Балин - Государь Мории». По-моему, глава кончается. Дальше - другая рука. Вот, я читаю: «Мы нашли подлинное серебро...», пропуск... «хорошо кованное...» э-э, понял: «мифрил», и вот две последние строки: «Оин ушел искать верхние оружейные на Третьем Горизонте...», не прочесть... «идет на запад к Воротам Эрегиона».

Маг замолчал и перевернул несколько страниц.

– Трудно читать, - сказал он. - Рука очень торопливая, и листы сильно повреждены, - он досадливо взглянул вверх, - свету мало! Мне кажется, многих страниц нет. Номера начинаются уже с пятерки, это значит - пятый год заселения. Ну-ка! Нет, изрублено все. О! Вот здесь хорошо. Твердый крупный почерк и письмо - эльфийское...

– Мне кажется, я узнаю руку Ори, произнес Гимли. - Он писал хорошо и быстро, и всегда эльфийскими буквами.

– Боюсь, о недобром поведает этот красивый почерк, - взглядываясь в рукопись, промолвил маг. - Вот первое слово: «скорбь», а конца строки нет. Это «вчера», должно быть, «вчера», а дальше понятно: «Десятого дня ноября месяца пал Балин, Государь Мории. Он ушел один к озеру и был сражен орочьей стрелой. Орка убили, но их много с востока...», по-моему, тут сплошная кровь, вот дальше: «...закрыли ворота... удержать их долго, если... ужасный...» Нет, не разобрать! Бедный Балин. Похоже, он и пяти лет не прожил Государем. Дальше совершенно нечитаемо. Вот последний лист.

Маг вздохнул.

– Нет радости в этих записях. Боюсь, конец книги черен. Вот слушайте: «Нам не

выбраться. Мост и второй зал у них. Фрар, Лони и Нали погибли...» Здесь несколько строк не читаются. Дальше: «...ушли пять дней назад». А вот последняя запись: «Вода подошла к стенам, к самым Западным Воротам. Страж озера взял Оина. Нам не выбраться. Скоро конец...», потом идет: «...грохот в глубинах». Не понимаю, о чем речь... вот еще эльфийские знаки: «Они идут». Все. Это конец.

Маг глубоко задумался. Его спутники переглянулись. Кажется, всем стало одинаково жутковато, в скорбной комнате.

– «Нам не выбраться», - повторил Гимли. - Когда мы подошли к Воротам, вода, наверное, упала, а Страж спал далеко от берега. Повезло.

Гэндальф поднял голову и внимательно огляделся.

– Я думаю, - произнес он, - последние из них держались здесь, но их оставалось немного. На этом попытка вернуть Морию закончилась. Попытка доблестная, но самонадеянная. Время для этого еще не пришло. Попрощаемся с Балином, сыном Фундина. Пусть он спокойно лежит здесь, в сердце древнего владения гномов. Книгу Мазарбула мы заберем с собой. Пусть будет у тебя, Гимли. Если получится, отнесешь Даину. Он должен знать эту горестную правду. Пора идти. Утро кончилось.

– Так какой дорогой пойдем? - спросил Боромир.

– Надо вернуться в большой зал, - отвечал Гэндальф. - Мы не напрасно зашли сюда, я сумел определиться. Это двадцать первый зал северного крыла. Если я не ошибаюсь, расположен он на седьмом горизонте, а Ворота - на первом. Надо спускаться и забирать на юг.

Едва Гэндальф успел договорить, как тишину взорвал грохот. «Р-рок, рок», донеслось из глубин, камень вокруг вздрогнул. Отряд бросился к двери. «Р-рок, рок», прокатилось снова, словно вся Мория стала одним огромным барабаном и какой-то исполин мерно бьет в него. Потом со стороны зала протрубил рог, издали ему ответили другие рога и грубые крики. Послышался топот.

– Они идут! - выкрикнул Леголас.

– Нам не выбраться, - побледнев, проговорил Гимли.

– Ловушка! - в досаде воскликнул Гэндальф. - Эх, не надо было медлить. Нас поймали, как и тех, раньше! Но тогда здесь не было меня. Посмотрим, как сложится на этот раз!

«Р-рок, рок», - словно в ответ ему загрохотал, сотрясая стены, барабан.

– Закройте двери! - крикнул Арагорн. - Надо заклинить их. Пока не снимайте котомки, может, удастся прорваться.

– Подождите, - остановил бросившихся к дверям Гэндальф. - Восточную дверь не закрывайте, там пока тихо, попробуем уйти туда.

Совсем близко снова протрубил рог. Топот приближался. Отряд обнажил мечи.

Гэндальф подскочил к Боромиру, навалившемуся на дверь, отстранил его и страшным голосом спросил:

– Кто смеет тревожить покой Балина, Государя Мории?

Ответом ему был хриплый хохот, как будто камни перекатывались в реке. На фоне криков и шума выделялся отрывистый голос, отдающий команды. А в глубине все грохотало.

Гэндальф быстро высунул в дверную щель жезл. Ослепительная вспышка заставила смолкнуть нападающих, а маг нагнулся и выглянул в галерею. Он уже снова был в комнате, когда в дверь с запозданием полетели стрелы.

– Там орки, много, - не обращая внимания на их цокающие о стены удары, сказал Гэндальф. - Большие и злобные черные мордорские уруки. Сейчас они опешили, но с ними пещерный тролль, и, кажется, не один. Этим путем не пробиться.

– Если они подойдут с востока, тем путем тоже не уйти, - заметил Боромир.

– Там пока тихо, - сказал Арагорн. Он стоял, чутко прислушиваясь, возле восточной двери. - За дверью вскоре начинается лестница, ясно, что снова в зал этот проход не возвращается. Но бежать от погони вслепую - хорошего мало. Запереть эту дверь мы не сможем, замок давно сломан, и заклинить - тоже, она открывается внутрь. Так что сначала

надо задержать орков. Мы заставим их бояться зала Мазарбул!

Тяжелые шаги послышались в проходе. Боромир налег плечом на западную дверь, закрыл ее и заклинил обломками мечей. Но от первого же удара дверь вздрогнула и, визжа клиньями, приоткрылась. В щель просунулась огромная рука и часть плеча, а потом плоская беспалая ступня. Кожа была темная, болотного оттенка, похожая на чешую. За дверью все еще стояла тишина.

Боромир прыгнул вперед и сплеча нанес удар. Меч зазвенел и вырвался из руки гондорца. На лезвии появилась зазубрина.

Внезапно, к собственному удивлению, Фродо окатила волна ярости. Он оттолкнул изумленного гондорца и с криком: «За Шир!» всадил Шершень в отвратительную ступню. Раздался рев, лапа отдернулась назад, едва не вырвав у хоббита клинок из рук. С лезвия, дымясь, капали черные капли. Боромир снова захлопнул дверь.

– Прекрасный удар! - одобрил Арагорн. - У тебя отличный клинок, Фродо, сын Дрого.

На этот раз на дверь обрушились удары молотов. Она начала потрескивать, а потом клинья вылетели, и в открывшуюся широкую щель впорхнул рой стрел. Они никому не причинили вреда, осыпавшись у северной стены. Рог протрубил сигнал, и орки с топотом ворвались в зал.

Сосчитать их никто не успел. Схватка оказалась короткой, ибо орки явно не ожидали столь яростного отпора. Двое рухнули с торчащими в горле стрелами. Одному, успевшему вскочить на могилу Балина, Гимли перерубил ноги. Под мечами Арагорна и Боромира враги валились как снопы. Когда рухнул тринадцатый нападавший, остальные в ужасе бежали.

Никто из отряда не пострадал, если не считать царапины на щеке Сэма. Он таки сразил напавшего на него орка, и теперь в карих глазах бывшего садовника из Засумок тлел грозный огонек. Встреть его сейчас Тэд Песошкинс, убежал бы, пожалуй.

– Теперь пора! - крикнул Гэндальф. - Уходим, пока тролль не вернулся!

Но прежде чем Пиппин и Мерри, вышедшие первыми, достигли лестницы, в зал ворвался огромный орк. Почти с человека ростом, в черной кольчуге с головы до пят, плосколицый, с длинным красным языком, он большим щитом отбил меч Боромира, увернулся от удара Арагорна, словно стремительно атакующая змея, ворвался в гущу отряда и с размаху ударил Фродо копьём, отбросив и пригвоздив хоббита к стене.

Сэм заорал дурным голосом и перерубил древко копья. Орк отшвырнул обломок и схватился за рукоять ятагана, но в этот миг Андрил пылающей молнией пал ему на голову. Шлем орка разлетелся вдребезги, и он без звука повалился на пол. Другие, толпившиеся в дверях, давя друг друга и повизгивая, выскочили в проход, едва Арагорн с Боромиром повернулись к ним.

«Р-рок, рок» - гремело в глубинах.

– Уходим! - крикнул Гэндальф. - Иначе не успеть!

Арагорн легко подхватил на руки бесчувственного Фродо и побежал к лестнице, подгоняя Пиппина и Мерри. Остальные последовали за ними. Только Гимли, медлившего у могилы Балина, Леголасу пришлось дернуть за плечо. Боромир захлопнул восточную дверь. Снаружи на ней оказались железные скобы, но второпях не нашлось, что в них вставить.

– Я в порядке, - прохрипел вдруг Фродо. - Отпусти меня, я сам пойду.

Арагорн чуть не уронил его от удивления.

– Я думал, ты мертвый! - вскричал он.

– Нет еще, - ответил за хоббита Гэндальф. - Сейчас не время разбираться. Спускайтесь и подождите меня, но если задержусь, уходите. Вам нужно все время вниз и вправо.

– Мы не оставим тебя одного, - не согласился Арагорн.

– Делайте, как я сказал, - гневно воскликнул маг. - Мечи здесь не помогут. Идите!

На лестнице было совершенно темно. Скотившись по длинному пролету, они оглянулись, но на верхней площадке лишь тлел неподвижно крохотный огонек жезла мага. Фродо, тяжело дыша, привалился к Сэму, поддерживавшему его за плечи, и прислушивался к голосу Гэндальфа, быстро произносящему какие-то слова, дробно отраженные эхом на лестнице. Глубинный барабан продолжал грохотать.

Внезапно с верхней площадки полыхнула ярчайшая вспышка. Глубинный грохот обвала заставил барабан сбиться с ритма, и все смолкло. Гэндальф скатился вниз по ступеням и рухнул у ног Арагорна. Впрочем, он сразу встал.

– Ну, с этим все, - непонятно произнес он, с трудом переводя дух. - Что мог, я сделал. Однако все висело на волоске, меня чуть не раздавило. Да не стойте же здесь! - закричал он. - Идем. Света пока не будет. Гимли, где ты? Иди вперед. Держитесь плотнее друг к другу!

В полной темноте отряд осторожно пробирался за магом, гадая о случившемся на лестнице. Смолкший было рокот в глубинах Мории возобновился. Теперь он доносился приглушенно, словно бы издалека. Ни топота, ни голосов, ни других признаков погони никто не слышал. Гэндальф вел их все прямо и прямо. Они спустились еще на несколько пролетов. Каждый раз ступени возникали неожиданно, просто на очередном шаге нога ощущала пустоту. Гэндальф, словно слепец, постукивал впереди себя жезлом.

Так прошли около мили, миновав множество лестничных маршей. Позади все еще было тихо. Гэндальф остановился.

– Жарко становится, - выдохнул он. - Кажется, мы теперь ниже уровня Ворот. Надо искать поворот налево. Я очень устал, - признался маг еще через несколько шагов. - Даже если все орки, сколько их наплодилось на свете, помчатся за нами, мне нужно отдохнуть.

Гимли поддержал старика, помогая ему сесть.

– Скажи, что произошло там, у дверей? - спросил гном. - Ты встретил того, кто бил в барабаны?

– Не знаю. - Чувствовалось, что маг качает головой. - Я не знаю, кого я встретил, но раньше мы наверняка не встречались. Я пытался заговорить дверь, я много таких наговоров знаю. Но нужно время, да и все равно, заговоренную дверь можно разбить. С той стороны я все время слышал орочьи голоса и боялся не успеть. Но все-таки прислушивался. Отвратительный у них язык! Слышно было из-за двери плохо, но слово «гхаш» они повторили много раз. Оно означает «огонь». А потом в комнате появился кто-то еще и напугал даже орков. Они притихли. Я чувствовал его, а он, взявшись за дверь, почувствовал меня и мое заклятье. Понятия не имею, кто это был, но сила у него под стать моей. От его наговора меня чуть не разорвало, а самое главное - дверь начала открываться! Тогда я повелением запечатал ее навсегда. Но с той стороны оказалась такая сила, что дверь попросту разнесло на куски. За ней клубилась какая-то туча. Тут начала разваливаться стена, меня швырнуло вниз, а в гроте, где мы были, по-моему, рухнул свод.

Боюсь, могилу Балина теперь сыскать непросто, но похоронен он не один. Назад нам дороги нет. Ох! Никогда не чувствовал себя таким разбитым. Ладно, это уже проходит. А как ты, Фродо? Я в жизни так не радовался, когда услышал твой голос. Я ведь был уверен, что Арагорн несет отважного, но мертвого хоббита.

– Со мной все в порядке, - ответил Фродо. - Жив и даже, по-моему, цел. Бок болит, ушиб, наверно, сильный. А так - ничего.

– Ну и ну, - проговорил Арагорн. - Пожалуй, такого крепкого народа я еще не встречал. Знай я об этом в Брыле, говорил бы с вами помягче. Такой удар дикого кабана прошибет!

– Я не кабан, - попробовал улыбнуться Фродо, - и меня, как видишь, не прошибли. Но чувствовал я себя как между молотом и наковальней.

Больше он ничего не стал говорить. Дышать было все-таки больно.

– Ты похож на Бильбо, - сказал Гэндальф. - Когда-то давно я ему сказал: внутри у тебя больше, чем снаружи.

Фродо понял, что маг нарочно не договаривает.

Они снова шли. Но вскоре Гимли, шагавший впереди, остановился.

– По-моему, впереди свет, - сказал он. - Только не дневной. Он красный. Что бы это могло быть?

– Гхаш! - пробормотал Гэндальф. - Может, они имели в виду, что нижние горизонты в огне? Ничего не поделаешь, надо идти.

Вскоре все могли убедиться в правоте гнома. Красные отсветы трепетали на стенах и сводах галереи, уводившей все вниз и вниз. Впереди показалась арка. Свет был за ней, свет и жар, горячий воздух теперь налегал волнами.

Не доходя до арки, Гэндальф жестом остановил остальных, а сам осторожно двинулся вперед. Несколько мгновений отряд мог видеть фигуру мага на фоне багровых отсветов, впрочем; он сразу отступил.

– Это какая-то новая напасть, - проворчал он, - и задумана, несомненно, в нашу честь. Зато я знаю, где мы: в Первом подземном горизонте, на один уровень ниже Ворот. Нам нужна восточная сторона, по ней - с четверть мили налево. Потом - через мост, вверх по лестнице, и по дороге через Первый зал наружу! Впрочем, смотрите сами!

Зал, раскинувшийся перед ними, был намного обширней предыдущего. Они были недалеко от восточной стены; западная стена тонула во мраке. К центру уходил двойной ряд колонн. Колонны, изваянные в виде могучих деревьев, каменными кронами поддерживали свод. На черных гладких стволах играли отсветы. Зал пересекала большая трещина. Красный свет шел оттуда, изредка снизу протягивались языки пламени, обвиваясь вокруг ближайшей колонны. Клубы дыма колыхались в горячем воздухе под сводами.

– Пойди мы из верхних залов основной дорогой, - пояснил Гэндальф, - попались бы в ловушку. А теперь - все наоборот. Хочется верить, что трещина отделяет нас от преследователей. Идем, нам нельзя терять время.

Снова послышался барабанный рокот: «рок, рок, рок». С западного конца зала донеслись крики и хриплый рёв рогов. «Рок, рок», колонны начали тихо вздрагивать, затрепетало пламя в трещине.

– Ну, последний рывок! - крикнул Гэндальф. - Если снаружи светит солнце, у нас есть шанс.

Он повернул налево в зал, остальные бросились за ним. Расстояние оказалось больше, чем казалось в полумраке. Орки завизжали: беглецов заметили. Над головой Фродо свистнула стрела.

Боромир захохотал.

– Такого они не ждали! - воскликнул он. - Им нас не достать, огонь отрезал их.

– Смотрите вперед, - прервал его Гэндальф. - Мост близко. Он узок и опасен.

Фродо увидел впереди черный провал. Через бездонный ров был перекинут узенький мостик без перил. Одним изящно выгнутом пролетом футов пятидесяти он повис над бездной. Так думали древние морийские гномы обороняться от врага, захвати он первый зал и внешние галереи. Пройти по мосту можно было лишь по одному. У его начала Гэндальф остановился.

– Веди, Гимли! - приказал он. - Следом - Пиппин и Мерри. Прямо и вверх по лестнице! Вокруг падали стрелы. Одна несильно стукнула Фродо в спину и упала у ног. Другая пронзила шляпу Гэндальфа и торчала из нее, как черное щегольское перо. Уже у моста Фродо оглянулся. За трещиной в дрожащем мареве виднелись черные фигурки. Орков было не меньше трех сотен. Они потрясали копьями и ятаганами, вопили, но крики покрывал приближающийся рокот барабанов: «рок, рок».

Леголас положил стрелу на тетиву и поднял лук, но тут же опустил его. Стрела упала, а он даже не заметил. Два огромных пещерных тролля появились из темноты дальнего конца и уложили поперек трещины каменные плиты. Но не тролли вселили страх в лесного эльфа. Толпа орков раздалась и кинулась в разные стороны. Сзади надвигалось нечто, какая-то клубящаяся тень с размытыми контурами. Но зато мощь и угроза угадывались в ней сразу. Медленно подплыв к трещине (огонь прижался к ее краям, словно в испуге), фигура легко переметнулась на другой край. Огонь взревел, языки пламени приветственно взвились из глубин, на миг обрисовав дымные контуры. Теперь новое действующее лицо можно было разглядеть получше. В правой руке пришелец сжимал меч, похожий на язык пламени, в левой - бич со многими хвостами.

– О-е! - высоким голосом воскликнул Леголас. - Барлог! Барлог пришел!

Гимли широко распахнутыми, остановившимися глазами вперился в это новое страшное чудо.

– Погибель Дарина, - прошептал он, опуская топор, и закрыл лицо руками.

– Барлог, - пробормотал Гэндальф. - Теперь понятно. - Он тяжело оперся на жезл. - Что за злая судьба! А я так устал!

Темная фигура, вся в струях огня, приближалась к ним. Орки взвыли и хлынули по плитам через трещину. Тогда Боромир поднял рог и затрубил. Словно многоголосый грозный клич разнесся под сводами зала. Орки присели от неожиданности, и даже страшная фигура остановилась. Но звук рога замер, не породив эха, и враги снова двинулись вперед.

Гэндальф стряхнул с себя мгновенное оцепенение.

– За мост! - крикнул он. - Бегите! Этот враг вам не по силам. Я задержу его. Бегите!

Арагорн и Боромир стояли уже по другую сторону моста и дальше идти не собирались. Хоббиты, гном и эльф тоже медлили возле дальней двери, не в силах оставить своего вожатого один на один с врагом.

Барлог был уже возле моста. На середине пролета, опираясь левой рукой на жезл, стоял Гэндальф. Опущенный Гламдринг, холодный и белый, сиял в правой руке мага. Барлог надвинулся на мост и остановился снова. За его спиной словно распахнулись два крыла тьмы. Он поднял бич, дымное пламя за клубилось и затрещало. Гэндальф не шелохнулся.

– Ты не пройдешь, - ровным голосом произнес он. Сразу упала мертвая тишина. - Я служу Тайному Пламени и владею Огнем Анора. Ты не пройдешь. Темное Пламя Удуна не поможет тебе. Возвращайся во мрак!

Барлог не отвечал. Взвихрившиеся до этого языки багрового огня у него за спиной притихли. Слало темнее. Он сделал шаг и внезапно вырос, заполнив собой, казалось, весь объем подгорного зала. Тьма в его крылах загустела и протянулась от стены до стены. Маленькая сияющая фигура Гэндальфа одиноко стояла на фоне клубящейся грозовой тучи.

Вдруг из дыма рванулся пылающий багровый меч. Навстречу ему белой молнией взлетел Гламдринг. Короткий звенящий лязг, вспышка белого пламени - и меч Барлога разлетелся на куски, а сам он отпрянул. Маг покачнулся, но устоял.

– Ты не пройдешь, - повторил он.

Барлог снова метнулся на мост. Бич в его руке шипел и извинялся.

– Он не выстоит один! - крикнул Арагорн и бросился на подмогу. - Элендил! - разнесся под сводами его клич. - Я с тобой, Гэндальф!

– Гондор! - зарычал Боромир и устремился за ним. В этот миг Гэндальф поднял жезл и ударил о мост. Жезл переломился, слепящая полоса белого огня встала над бездной. Мост застонал и прямо под ногами Барлога обрушился вниз. Остаток моста, лишенный опоры, дрожа, повис в воздухе. Барлог испустил жуткий вопль, огромным напряжением пытаясь удержаться, и провалился вслед за обломками моста. Но, уже исчезая из глаз, он взмахнул бичом, и несколько хвостов нахлестнули колени мага, дернув его к краю.

Гэндальф упал, попытался ухватиться за обломки моста, но его руки соскользнули, и только крик долетел из бездны:

– Бегите!

Языки пламени умерли, темнота накрыла место страшного поединка. Отряд в ужасе замер, не в силах понять случившегося. Арагорн и Боромир едва успели отбежать назад, как остатки моста вздрогнули и с треском рухнули. Арагорн криком заставил остальных двигаться.

– Надо идти. Я поведу вас. Мы должны выполнить его последний наказ.

Оглядываясь, спотыкаясь во мраке, путники кое-как поднялись по широким ступеням. Впереди уверенно шагал Арагорн, последним шел Боромир. Лестница вывела к широкому гулкому проходу. Фродо слышал прерывистые рыдания Сэма, и вдруг заметил, что и сам плачет на бегу. «Рок, рок, рок» - грохотало позади, но все тише, глуше, - «рок», «рок».

Впереди забрезжил свет. Побежали быстрее, влетели в зал, промчались через разрушенные двери и внезапно выскочили к Великим Восточным Воротам, ослепившим их солнечным сиянием дня.

Небольшой караул орков охранял обломки ворот, хоронясь в тени от света. Вожака, пытавшегося заступить им дорогу, Арагорн смахнул мечом, остальные порскнули в стороны. Отряд, не останавливаясь, запрыгал по огромным, искрошенным временем ступеням. Над головами раскинулся синий небесный свод, который они уже не чаяли увидеть, а лица овеял вольный ветер.

Остановились, только отбежав от ворот на расстояние полета стрелы. Наверное, был полдень. Сияло солнце, по небу плыли величественные белые облака.

Морийские Ворота зияли темным провалом в тени Мглистых Гор. Слабо и далеко слышались одиночные раскаты: «р-рок». И больше ничего. Долина вокруг лежала пустынная и безмятежная. И тут, наконец, скорбь охватила друзей и захлестнула с головой. Они долго плакали, кто стоя и молча, кто бросившись на землю и рыдая в голос. Последний раз глухо заворчался под землей гром: «р-рок» - и затих.

Глава 6 Лотлориен

Друзья, боюсь, нам больше нельзя здесь оставаться. - Слова Арагорна вернули отряд к действительности. Он оглянулся на Морийские Ворота и стиснул рукоять меча. - Прощай, Гэндальф, - проговорил он. - Разве я не предупреждал тебя: берегись! Я оказался прав, но мне не легче от этого. У нас все меньше надежды.

Арагорн повернулся к отряду.

– Да, нам не на что надеяться, - повторил он, - но мы должны идти. Может быть, мы сможем отомстить. Укрепитесь духом, не надо плакать. Впереди у нас долгий путь и тяжелая работа.

С того места, где они остановились, открывался вид на узкую горную долину, стесненную отрогами. Три вершины выделялись на фоне неба: Келебдил, Фануидол и Карадрас. По ущелью неслась река; белой пенной нитью она прошивала каскад водопадов, над некоторыми из них висела кисея мельчайших брызг.

– Будь судьба к нам помилостивее, - сказал Арагорн, - мы спустились бы с перевала по тропе вдоль реки.

– Это все Карадрас! - Гимли погрозил кулаком горной вершине. - Вон он стоит, ухмыляется.

На востоке горы неожиданно обрывались, за уступом смутно синели далекие земли. К югу, насколько хватало глаз, тянулась горная страна, а не далее как в миле на дне долины лежало озеро, похожее на наконечник копья, глубоко вонзившегося в горный склон. Затененное, кроме южного краешка, освещенного солнцем, оно выглядело везде одинаково темным. Ни одна морщинка не портила безмятежного лика воды. Берега, со всех сторон свежие и зеленые, казалось, не знали прикосновения ничьей ноги.

– Вот дремлет Зеркальное, наш легендарный Келед Зарам, - печально произнес Гимли. - Я помню, он сказал: «Да возрадуешься ты, увидев его! Но нам нельзя там задерживаться». Сколько дорог я пройду, прежде чем возрадуюсь снова? Оказывается, это я буду спешить, а он останется...

Дорога, ведущая от Морийских Ворот, была сильно разрушена, местами пропадала в зарослях вереска и камнеломки, но в ней еще угадывался некогда широкий мощный тракт, подобающий столице гномьего мира. Временами на обочинах попадались руины не то изваяний, не то строений, зеленые курганы с вершинами, поросшими березняком, или одинокие мощные ели. Повернув на восток, дорога вывела их к самому берегу Зеркального. Неподалеку из травы поднимался обломок колонны.

– Камень Дарина! - воскликнул Гимли. - Я не могу пройти мимо и не заглянуть в воды чудесного озера.

– Я прошу тебя, постарайся побыстрее, - Арагорн с беспокойством оглянулся на Морийские Ворота. - Солнце скоро сядет. До заката орки, надеюсь, не выйдут, но, прежде чем настанет ночь, лучше бы нам оказаться подальше. Луна на исходе. Ночь будет темной.

– Идем со мной, Фродо! - позвал Гимли, сбегая по зеленому склону. - Ты обязательно должен заглянуть в воды Келед Зарама!

Фродо пошел следом. Тихая синяя вода притягивала, несмотря на усталость. Сэм тоже увязался за ними.

Возле обломка колонны Гимли остановился. Камень изъели трещины. Руны, когда-то покрывавшие столб, стерлись, их уже нельзя было прочитать.

– Здесь Государь Дарин впервые заглянул в воды Зеркального, - пояснил гном. - Давай и мы поглядим на дорожку.

Они наклонились над темной водой. Сначала не видно было вообще ничего. Потом из густой синева медленно проступили очертания гор и простор неба над вершинами. Затем, словно самоцветы, погруженные в глубину, показались звезды. Фродо удивленно взглянул вверх - там сияло солнце - и опять перевел взгляд на воду. Звезды! Зато отражений хоббита и гнома в воде не было.

– О прекрасный и дивный Келед Зарам! - благоговейно произнес Гимли. - В его водах корона Дарина ожидает пробуждения Государя.

Гном с трудом оторвался от воды, низко поклонился, промолвил: «прощай» - и зашагал к дороге.

– Ну что ты там видел? - накинулся Пиппин на Сэма, но тот, глубоко задумавшись, даже не услышал вопроса.

Вскоре дорога, повернув на юг, привела их к большому роднику с чистой, словно хрустальной водой. Переливаясь через каменную кромку, вниз бежал веселый ручеек.

– Отсюда берет начало Серебрень, - сказал Гимли. - Но пить нельзя - вода холодна как

лед.

– Скоро этот ручеек станет быстрой рекой, - улыбнулся Арагорн. - Теперь много миль нам с ним по пути. Дорогу выбирал Гэндальф, и лежит она через леса, вдоль русла Серебrenи до её впадения в Великую Реку.

Леголас поглядел вслед ручью, терявшемуся в золотистой закатной дымке долины.

– Там - Лотлориен! - звенящим голосом произнес он. - Прекраснейшие владения эльфов в этом мире. Нигде нет таких деревьев, как там. Их листья не опадают осенью, они становятся золотыми, а когда весной нарождается молодая листва, в зелени распускаются золотые цветы и серебряные ровные, гладкие стволы несут сияющие кроны, словно драгоценные колонны, а земля под ногами покрывается золотом старых листьев. Так говорится в песнях, поющих у нас в Сумеречье. Ах, как возрадовалось бы мое сердце, приди мы туда весной!

– Мое возрадуется и зимой, - заметил Арагорн, - да только мы еще не там. И впереди немало миль. Не будем медлить.

Некоторое время Фродо с Сэмом пытались не отставать, но Арагорн шагал таким размашистым шагом, что скоро хоббиты тащились далеко позади. С самого утра во рту у них не было ни маковой росинки, ссадина у Сэма на щеке горела огнем, а голова кружилась. После теплого подземного мрака свежий ветер казался холодным. У Фродо болели грудь и бок. Ему не хватало воздуха.

Леголас обернулся и сказал что-то Арагорну. Арагорн остановил отряд, позвал Боромира и подбежал к хоббитам.

– Извини меня, Фродо! - с искренним участием воскликнул он. - Столько всего случилось сегодня! Я совсем забыл про ваши раны. Но потерпи еще немного. Недалеко есть одно место, там можно передохнуть, там я помогу вам. Боромир, давай-ка понесем их.

Вскоре путь пересек еще один ручей, впадавший в Серебrenь. Русло раздалось вширь, а после порога из зеленого камня по берегам появились неказистые низкорослые пихты и заросли черники. Дойдя до галечного плеса, устроили привал.

Пока Гимли, призвав на помощь Мерри и Пиппина, занимался костром и обедом, Арагорн врачевал раненых. Царапина на щеке Сэма была неглубокой, но выглядела скверно. Арагорна она поначалу встревожила, но после тщательного осмотра он хлопнул Сэма по плечу и улыбнулся.

– Повезло тебе, братец, - проговорил он. - Многим первый убитый орк обходился куда дороже. Яда на ятагане не было, а, между прочим, часто бывает. Сейчас я ее обработаю, заживет, и не заметишь. Вот Гимли воду согрет...

Он достал из сумки на поясе уже знакомые хоббитам немного увядшие листья.

– У меня еще остались листья *ацелас*. Брось один в воду, потом промоешь и завяжем. А пока посмотрим Фродо.

– Со мной все в порядке, - поспешно заявил Фродо. Ему не хотелось раздеваться. - Поесть бы только немного да отдохнуть чуток...

– Нет уж, - сказал Арагорн. - Надо же взглянуть, на что похож хоббит после молота и наковальни. Я все еще диву даюсь, что ты живой.

С этими словами Арагорн бережно стащил с Фродо куртку, потом рубашку, потом присвистнул в удивлении, а потом расхохотался.

У него перед глазами свет мерцал и переливался на мириадах колечек. Следопыт осторожно снял кольчугу, расправил, и она зазвенела у него в руках, а жемчужины засияли, как крупные звезды.

– Посмотрите-ка, друзья! - позвал Арагорн. - Вот прелестная хоббичья шкурка. В пору эльфийских князей обряжать. Не ровен час, прознают охотники, какие шкурки у хоббитов в Шире, мигом со всего Среднеземья набегут.

– Только толку от их стрел не будет, - в изумлении уставясь на кольчугу, вымолвил Гимли. - Да ведь это же мифрил. Мне не то что видеть - и слышать про такое не приходилось. Подожди-ка, уж не про эту ли кольчужку Гэндальф вспоминал? Тогда я скажу, недооценил он ее. Вот уж поистине королевский дар!

– То-то я удивлялся, о чем вы там с Бильбо все шушукаетесь! - воскликнул Мерри. - Милый наш Бильбо! Я его теперь еще больше люблю и надеюсь найти случай сообщить ему об этом!

Но как ни хороша была кольчуга, а на груди у Фродо, ближе к правому боку, красовался огромный иссиня-черный синяк. Даже левый бок, которым его ударило о стену, был слегка ободран.

Арагорн быстро обработал раны, и острый запах *ацелас* придал бодрости всем, вдохнувшим парок над котелком. Скоро Фродо уже свободно мог дышать полной грудью, хотя еще несколько дней старался не спать на правом боку.

– Кольчуга на редкость легкая, - сказал Арагорн. - Надевай-ка ее и постарайся не снимать даже ночью. Мне будет спокойнее. Если уж попадешь в совсем безопасные места - тогда другое дело. Но боюсь, это еще не скоро будет.

После завтрака приготовились выступить. Костер погасили и постарались уничтожить все следы стоянки. Впрочем, до заката отряд не успел уйти далеко. С гор сползли длинные тени, а с низин начал подниматься туман. Дальние равнины на востоке растаяли в сумеречной дымке.

Фродо с Сэмом вполне справились и больше не отставали. С одной короткой остановкой Арагорн вел отряд до темноты.

Ночь пришла звездная, но безлунная. Теперь ущербная луна появлялась лишь под утро. Фродо и Гимли молча шагали в конце растянувшейся цепочки, чутко прислушиваясь к звукам позади. Наконец Гимли заговорил.

– Только ветер вокруг. Либо у меня уши деревянные, либо поблизости ни одного гоблина нет. Может, им просто хотелось выгнать нас из Мории, а Кольцо вовсе не при чем? Вообще-то они мстительные.

Фродо не отвечал. Он изредка поглядывал на Шершень - клинок оставался темным. Но ему не давали покоя звуки (или призраки звуков?) позади. С наступлением ночи он снова стал слышать знакомое пришепывание. Несколько раз он специально резко оглядывался и однажды заметил вдалеке две крошечные светящиеся точки... или ему показалось? Во всяком случае, они тут же пропали, словно метнулись в сторону.

– Ты чего озираешься? - спросил Гимли.

– Знаешь, мне кажется, я шаги слышу, - решил признаться Фродо, - а иногда вижу глаза чьи-то сзади. Еще в Мории это началось.

Гимли лег на землю и прижался ухом к дороге.

– Ничего не слышу, только травы и камни разговаривают, - сказал он, поднимаясь. - Давай-ка поторапливаться, смотри, отстали мы.

Порыв ночного ветра пронесся по долине. Впереди смутно начала вырисовываться серая стена, временами оттуда наплывал волнами шелест.

– Лотлориен! - воскликнул Леголас. - Мы на опушке Золотого Леса. Как жаль, что сейчас зима!

Вскоре высокие деревья закрыли небо. Речка, верная проводница, нырнула под их своды. В звездном свете серели вокруг стволы, а в листве изредка просверкивали красновато-золотистые блики.

– Лотлориен! - удовлетворенно вздохнул Арагорн. - Как я рад снова услышать шелест этих деревьев! От Ворот нас отделяют только пять лиг, но дальше сегодня не пойдем. Понадеемся на эльфийские чары, да сохранят они нас этой ночью от напастей.

– Если эльфы еще остались здесь, - пробормотал Гимли. - Что им делать в темнеющем мире?

– Никто из нас не бывал здесь уже очень давно, - ответил Леголас. - Когда-то, много веков назад, мы бродили в этих лесах. Но я знаю, Лориен не заброшен. Тайная сила хранит здешние края от зла. Просто эльфы Лориена не показываются, наверное, ушли в глубь лесов, подальше от северного края.

– Да, они живут там, дальше, - махнул рукой Арагорн и вздохнул, словно припомнив что-то, - сегодня ночью на их помощь рассчитывать не приходится. Давайте пройдем немного в лес, а там поищем место для ночлега.

Он шагнул вперед, но Боромир не тронулся с места.

– А другого пути нет? - напряженно спросил гондорец.

– Зачем же нам искать другие пути, когда перед нами светлейший из всех возможных? - удивился Арагорн.

– Я предпочел бы обычную дорогу, веди она хоть через все орочьи засады, - проговорил Боромир. - А мы все время выбираем какие-то чудные пути, и они то и дело приводят нас к

злосчастьям и бедам. Я не хотел идти в Морию, и вот какой потерей обернулся наш выбор. А теперь ты хочешь вести нас в Золотой Лес. Но мы в Гондоре слышали об этих опасных местах. Говорят, из тех, кто вошел под сень Золотых Лесов, мало кто вышел обратно, а уж невредимым и вовсе никто.

– Лучше сказать «неизменным», так будет вернее, - поправил Арагорн. - Видно, Гондор теряет знания, если в Городе некогда мудрых Правителей стали бояться Лотлориена. Впрочем, можешь держаться своих слухов, другой дороги всё равно нет. Можно, конечно, вернуться к Морийским Воротам и лезть через горы, но там нет перевалов.

– Ладно, веди, - с неохотой согласился Боромир. - Но я говорю: это опасно.

– Опасно, - согласился Арагорн, - очень опасно для любого Зла, какое есть в мире, или для того, кто несет Зло в себе. А для прочих - чудесно! Идите за мной!

Примерно через милю путникам повстречался еще один ручей, сбегавший с холмов на западе. Веселый голос плещущей воды слышен был издали, а потом меж корней деревьев замелькали темные, быстро бегущие водовороты.

– Это Нимродель, - с нежностью произнес Леголас. - У Сумеречных Эльфов о ней поют песни, там говорится о радуге на перекатах и золотых листьях, мелькающих в белой пене. Сейчас, когда в мире темнеет, мост через Нимродель разрушен. Я хочу омыть ноги в здешней воде, она снимает усталость.

Эльф шагнул в ручей.

– Идите ко мне! - позвал он. - Здесь неглубоко. Можно вброд перейти. На том берегу отдохнем. Может быть, голос этой нежной реки исцелит нас на время от нашей скорби.

Один за другим его спутники ступили в воду. Фродо постоял немножко у берега, прислушиваясь к ощущениям. Вода, темная в ночи, ласковой прохладой обняла его ноги, приникла к нему, чистая, звенящая, и уже через несколько шагов усталость от долгого пути растворилась в ней и уплыла куда-то вниз по течению.

На другом берегу, пока они ели и отдыхали, Леголас рассказывал о Лотлориене, о том краю, каким он остался в памяти Сумеречных эльфов, об озаренных чистым солнечным и звездным светом лугах у Великой Реки, о ярком и юном мире, не знающем мрака. А когда голос эльфа замолкал, становился слышен похожий голос реки, звенящей на перекатах. Фродо даже начало казаться, что в звуках бегущей воды можно разобрать отдельные слова.

– Слышите, как говорит Нимродель? - спросил Леголас. Хотите, я спою вам песню о девушке, жившей здесь давным-давно и оставившей реке свое имя? Песня эта очень красива на нашем лесном наречии, но для вас я спою ее на Вестроне, как поют иногда в Доме Элронда.

Тихим голосом, почти сливающимся с шелестом листьев и плеском воды, он начал:

То песнь о Деве, что жила
В далекие года,
Чиста, как полдень, и светла,
Как ранняя звезда.

Она несла эльфийский свет -
Так, солнцем залитой,
Волшебный Лориен одет
Зарюю золотой;

Так бьется чистым серебром
Прозрачный звонкий ключ;
Так ветер в странствии своём
Свободен и летуч.

И озарял лучистый взгляд
Чертоги древних гор,
И песен светлый звездопад
Звенел о гладь озер...

Где нынче дивный этот свет,
Где лучезарный взор?
Утерян Нимродели след
Среди полночных гор.

Там, где клокочет пенный вал,
Без счета долгих дней
Ее корабль эльфийский ждал
И не гасил огней.

Но на серебряный причал
Из северных земель
Ворвался вихрь, и он умчал
Корабль от Нимродель.

Туда, где глух и мрачен путь,
Где ветер волны рвет,
Где взор слепят и режут грудь
Осколки черных вод.

И Амрот в сумрачном краю,
Где ночи торжество,
Послал проклятье кораблю,
Предавшему его.

Он был навеки разлучен
С любимой своей...
Где с той поры скитался он?
Среди каких теней?

Где нынче он? В каких мирах
Смешались сон и явь?
Вот он взлетает на волнах;
Вот он стремится вплавать;

Он в ветре чайкою парит,

Он пеною одет;
Он гордым лебедем царит
Над бездной вод... Но нет -

То лишь виденье. День за днем,
И, верно, навсегда,
Хранит молчание о нем
Пустынная вода.

Неожиданно Леголас замолчал.

– Я забыл дальше, - смущенно признался он. - Это долгая песня, печальная, ибо рассказывает о скорби, пришедшей в Цветущий Лориен, когда гномы пробудили горное Зло.

– Не они же его создали, - не удержался Гимли.

– Я и не говорю так, но Зло пришло, - печально сказал Леголас. - И многие эльфы из народа Нимродели ушли на Запад, и только она, заплутав в Белых Горах, не нашла дороги к кораблю, где ждал ее возлюбленный Амрот. По весне, в шуме молодой листвы, здесь, у реки с ее именем, все еще слышится голос Нимродели, и тогда с юга ветер приносит голос Амрота. Нимродель впадает в Серебрень, эльфы говорят - Келебрант, а Келебрант сливается с Андуином Великим, впадающим в залив Белфалас, откуда отплывали лориенские эльфы. Корабль так и не дождался ни Амрота, ни Нимродели.

Говорят, она жила здесь, возле порогов, в ветвях огромного дерева - это в обычае у лориенских эльфов. Их даже называют Галадримы, Древесный Народ. Дальше в лесу мы, наверное, встретим огромные деревья-дома. Древесный Народ не зарывался в землю, как Гномы, и не строил каменных укреплений, пока не пришла Тень.

– Я их понимаю, - неожиданно произнес Гимли. - Сейчас-то точно спокойней жить на дереве, чем сидеть на земле. - Он выразительно взглянул за реку, на дорогу, ведущую к Росному Долу, а потом поглядел на сплетение ветвей над головой.

– Ты подал дельный совет, друг Гимли, - поддержал его Арагорн. - Дом мы строить не будем, но сегодняшнюю ночь проведем, если получится, как Галадримы. Пойдемте, не стоит здесь засиживаться.

Отряд свернул с тропы и углубился в сумрак леса. Неподалеку от порогов уже начали встречаться деревья в несколько обхватов, кроны их терялись где-то высоко в ночной тьме.

– Я поднимусь наверх, - предложил Леголас. - В лесу я дома, хотя таких деревьев у нас нет. Я знаю их по песням. Это *меллорны*, цветущие золотыми цветами. Наконец-то я посмотрю на них вблизи.

– Деревья, наверное, хорошие, - с сомнением проговорил Пиппин, - может, птицам удобно на них спать, но я-то не зяблик, я не могу спать на жердочке!

– Тогда вырой норку, - предложил Леголас. - Но если ты хочешь укрыться от орков, мой тебе совет: копай поглубже.

Эльф без разбега подпрыгнул, ухватился за высокую ветку и сильно качнулся, собираясь перебраться на следующую.

– *Даро!* - прозвучал сверху неожиданный приказ.

Растерявшийся Леголас выпустил ветку из рук и, с трудом удержавшись на ногах, приземлился рядом с товарищами.

– Стойте тихо! - шепнул он остальным. - Не говорите, не двигайтесь.

Вверху кто-то мелодично рассмеялся, и уже другой голос заговорил по-эльфийски. Фродо, к своему удивлению, мало понял из сказанного и пришел к выводу, что язык

лориенских эльфов не похож на другие эльфийские¹. Однако, Леголас без труда ответил на том же языке.

– Кто это и что они говорят? - прошептал Мерри.

– Да эльфы это, неужто не слышно? - удивился Сэм.

– Да, это эльфы, - Леголас с улыбкой посмотрел на Сэма, - и они говорят: ты так пыхтишь, что в тебя с закрытыми глазами попасть можно.

Сэм в испуге прикрыл рот рукой.

– А еще они говорят, - продолжал Леголас, - что ты можешь не бояться. Они давно за нами наблюдают и слышали, как я пел о Нимродели. По голосу они поняли, кто я, и просят подняться наверх, кстати, и тебя, Фродо, тоже. Мне кажется, они предупреждены о нашем приходе. Остальных просят пока подождать, немного.

Из сумрака ветвей над головами путников выпала веревочная лестница, слабо мерцавшая в темноте. Леголас легко взбежал по перекладинам, а Фродо медленно и осторожно начал карабкаться. Позади пыхтел потихоньку неотвязный Сэм.

Ветви меллорна сначала росли под прямым углом к стволу, а потом загибались вверх. Довольно высоко над землей ствол расходил на несколько мощных ветвей; там крепилась легкая деревянная платформа. Эльфы называют такие *талан*, но Фродо знал другое слово - *флет*, и не удивился. На флет попадали через круглый люк в центре.

Когда, довольно нескоро, Фродо наконец выбрался на флет, он застал Леголаса беседующим с тремя другими эльфами. Их с трудом можно было различить на фоне ветвей, настолько удачно была подобрана темно-зеленая одежда. Один из них достал из-под полы плаща небольшой фонарь и, направив узкий луч света на хоббитов, тут же убрал его снова, после чего обратился к Фродо со словами приветствия. Фродо, запинаясь, ответил.

– Добро пожаловать, - повторил эльф на Всеобщем языке с сильным акцентом. - Извините нас, мы редко пользуемся другими языками и еще реже говорим с пришельцами. Даже наши северные родичи отделились от нас. Но разведчики помнят другие языки. Я и есть разведчик. Зовут меня Хэлдир. А это - мои братья, Румил и Орофин. Они плохо говорят по-вашему.

О вашем приходе нас предупредил Элронд. О хоббитах - (эльф с трудом выговорил незнакомое слово), - мы не слышали много лет, даже не знали, что они еще есть в Среднеземье. На злодеев вы не похожи, а раз с вами пришел наш родич, мы вам рады. Чужестранцам нет дороги в нашу страну, но ручательство Элронда весомо, и для вас мы сделаем исключение. Сколько вас?

– Восемь, - ответил Леголас. - Я сам, четверо хоббитов, два человека, один из них Друг Эльфов Арагорн.

– Арагорна, сына Арахорна, хорошо знают в Лориене, - улыбнулся Хэлдир. - Владычица благосклонна к нему. Но ты назвал пока только семерых.

– Восьмой - гном, - коротко сказал Леголас.

– Гном! - повторил Хэлдир. - Это плохо. Гномы после Темных Дней нам не друзья. Он не может войти в Лориен.

– Но это Гимли от Одинокой Горы, из народа Даина, дружественного Дольну, - заступился Фродо. - Элронд сам выбрал его.

Некоторое время эльфы тихо переговаривались между собой, изредка задавая вопросы Леголасу.

– Хорошо, - наконец произнес Хэлдир. - Это против правил, но если Арагорн и Леголас поручатся за Гнома, он пойдет с вами. Только через Лориен ему придется идти с завязанными глазами. Скажите остальным, чтобы поднимались. Эту ночь вам лучше провести на дереве. Река охраняется с тех пор, как много дней назад к Мории прошла большая ватага орков. Тогда же на краю Леса появились волки. Если вы и в самом деле пришли из Мории, значит, опасность близко. Завтра на рассвете мы уйдем в леса.

Хоббиты будут ночевать с нами. Остальные пусть спят на соседнем дереве, там есть такой же талан. Под твою ответственность, Леголас. Если что случится, сразу зови нас. И приглядывай за этим гномом.

Леголас отправился сообщить товарищам о словах Хэлдира, и вскоре Мерри с Пиппином вскарабкались на флет. Выглядели они запыхавшимися и испуганными.

– Вот, Мерри с трудом перевел дух, - мы приволокли ваши одеяла. Остальное Колоброд спрятал внизу.

– Незачем было тащить наверх такую тяжесть, - заметил Хэлдир. - Зимой на талане, конечно, прохладно, но у нас найдутся для вас и еда, и питье, и теплые плащи.

Хоббиты без возражений поужинали еще раз. Потом закутались в меховые эльфийские плащи, а сверху завернулись в собственные одеяла и попытались уснуть. Однако, несмотря на усталость, сделать это с первой попытки удалось лишь Сэму. Хоббиты не любят высоты, в их жилищах, как правило, нет вторых этажей, а если и есть, там никогда не размещают спальни. Спать на флете оказалось очень неудобно. Там не было даже перил. Только плетеная циновка, защищавшая от ветра, которую переносили по мере надобности.

Пиппин все ворочался.

– Если я и засну на этой голубятне, - ворчал он, - как бы под деревом не проснуться.

– А я, - засыпая, буркнул Сэм, - даже и там не проснусь. Если мне, конечно, дадут уснуть некоторые разговорчивые.

Фродо долго лежал без сна, глядел на звезды, пробивающиеся кое-где сквозь листву, и сомкнул глаза нескоро, Сэм давно уже посапывал рядом с ним. Сквозь неплотно прикрытые

веки Фродо различал неподвижных эльфов, изредка переговаривавшихся еле слышным шепотом. Их осталось двое. Третий спустился на нижние ветви. Наконец, убаюканный нежным шелестом листвы и тихим звоном Нимродели, хоббит уснул и во сне слышал песню Леголаса.

Проснулся Фродо глубокой ночью. Другие хоббиты спали. Эльфов не было. Сквозь листья тускло просвечивал серпик старой луны. В безветрии снизу до него донесся грубый смех и слитный топот. Несколько раз лязгнул металл. Звуки удалялись в глубь леса.

Неожиданно над люком флета появилась голова эльфа в капюшоне. Обеспокоенный Фродо сел.

– Что там? - спросил он.

– *Ирч* ! - свистящим шепотом произнес эльф единственное слово, быстро втягивая на флет веревочную лестницу.

– Орки? - скорее догадался, чем понял Фродо. - Что они делают?

Но эльф, не ответив, исчез в ветвях.

Внизу было уже тихо. Даже пороги, казалось, звучали приглушенно. «Хороши бы мы были на земле, - подумал Фродо. - Но ведь у орков чутье хорошее, да и лазить они умеют». Он осторожно достал из ножен Шершень. Клинок горел синеватым огнем, на глазах остывая, и вскоре погас совсем. Однако ощущение близкой опасности почему-то не спешило уходить, скорее, наоборот, Фродо ощущал нарастающее беспокойство. Он привстал, на четвереньках подобрался к отверстию и стал всматриваться вниз. У подножия дерева, далеко внизу, что-то происходило.

«Это не эльфы, - думал Фродо, - их не услышишь. А тут вроде как приюхивается кто». Теперь уже Фродо был уверен, что кто-то поднимается по стволу вверх. Незнакомец дышал тяжело, явно стараясь не шуметь. Фродо, свесившись вниз, вдруг увидел два бледных горящих глаза, устремленных на него. В этот же миг неясный серый силуэт метнулся вокруг ствола и исчез.

Через мгновение появился Хэлдир. Он просто пришел по ветвям.

– На дерене кто-то есть, - сообщил он. - Это не орк, он удрал слишком ловко, орки так не могут. Хоббиты, наверное, тоже? - полувопросительно добавил он. - Стрелять нельзя. Эта банда пока недалеко, не стоит поднимать шум. Орков много прошло. Они перешли Нимродель, чтоб у них лапы их грязные отсохли! Под деревом приюхивались. Нам втроем с сотней не справиться, вот мы и пошли перед ними, заманивая подальше. Орофин предупредит наш народ. Из Лориена до сих пор ни один орк не выходил. Завтра же северную границу закроют, а нам с рассветом идти на юг.

На рассвете хоббиты проснулись с ощущением ясного летнего утра. Голубое небо виднелось в просветах ветвей. На юге перед Фродо лежала долина Серебрени, вся в красноватом золоте мерно колышущихся лесов.

Рано утром отряд снова был в пути. Теперь вели Хэлдир и его брат Румил.

– Прощай, милая Нимродель! - певуче воскликнул Леголас.

Фродо оглянулся, и среди серых стволов ему блеснуло пятнышко белой пены.

– Прощай, - пробормотал и он, думая о том, что вряд ли есть на свете еще хоть одна река с таким чарующим голосом.

Тропа по-прежнему вела их вдоль берега Серебрени. На земле попадались отпечатки орочьих сапог. Но скоро Хэлдир срезал какой-то знакомый ему угол и остановился на берегу.

– Здесь нас ждут, - сказал он и позвал мелодичным птичьим посвистом.

На той стороне из зарослей вышел эльф в сером плаще, с сияющими на солнце золотыми кудрями. Хэлдир ловко перебросил ему конец веревки, моток которой носил на поясе. Заречный эльф поймал и закрепил конец.

– В этом месте, как видите, Келебрант уже серьезная река, - промолвил Хэлдир. - Здесь глубоко, течение быстрое, а вода холодная. Теперь мостов нет. Мы переходим вот так. - Эльф захлестнул свой конец веревки вокруг мощного ствола, и легко, словно в танце, перебежал на

другую сторону. - Идите за мной! - позвал он.

– Я - то пройду, - ответил ему Леголас, - но остальным это вряд ли удастся. Им что, плыть?

– Нет! - рассмеялся Хэлдир. - Сейчас мы протянем еще две веревки, повыше и пониже, тогда чужеземцы смогут пройти.

Когда простой мост был готов, отряд принялся переправляться. Из хоббитов отличился Пиппин, быстро перешедший реку, придерживаясь одной рукой за перила. Он ни разу не взглянул под ноги. Сэма пришлось ждать долго. Он едва полз, подолгу не мог отпустить веревку, чтобы перехватиться руками, и как замороженный, неотрывно смотрел на воду внизу.

Когда он оказался на другом берегу, все облегченно вздохнули.

– Век живи, век учись, - нетвердым голосом просипел Сэм, - как любил говаривать мой старик. Оно конечно, он при этом про садоводство думал, а не про то, чтобы, значит, на насесте спать или, там, по-паучьи ползать. Даже мой дядюшка Энди таких штукovin не выкидывал.

Наконец весь отряд оказался на восточном берегу. Эльфы смотали две веревки, а Румил, возвращавшийся на талан, вытащил третью, быстро свернул в бухту, повесил на плечо и, махнув рукой, скрылся в лесу.

– Теперь мы на внутренних землях Лориена, - сказал Хэлдир. - Чужеземцы здесь не бывают. Для вас сделано исключение, но гному я по уговору должен завязать глаза. Остальные пока могут идти так.

Гимли фыркнул.

– Я об этом не уговаривался. Я не пленник и не шпион. Мой народ никто не заподозрит в связях с Врагом. И с эльфами мы не враждовали. Если ты боишься раскрывать мне ваши тайны, так я не опаснее остальных.

– Я не подозреваю тебя ни в чем, - терпеливо сказал Хэлдир, - но таковы законы нашего края. Не я их создаю, не мне их и менять. Я и так сделал слишком много, позволив тебе ступить на землю за Келебрантом.

Но Гимли уперся.

– Я пойду свободно или уйду домой и сдержу слово, даже если сгину в глуши.

– Ты не можешь уйти, - вздохнул Хэлдир. - С того места, где ты стоишь, у тебя лишь один путь - предстать перед нашими владыками. Только они теперь вольны позволить тебе уйти или остаться. За рекой наши сторожевые посты. Ты даже не успеешь понять, почему умер.

Гимли потащил топор из-за пояса. Эльфы неторопливо, но все равно очень быстро натянули луки.

– Чтоб им пусто было, этим твердолобым гномам! - в сердцах воскликнул Леголас.

– Эй! - вмешался Арагорн. - По-моему, отряд веду я. Гному, конечно, нелегко снести такое отношение к себе. Я предлагаю завязать глаза всем, и Леголасу в том числе. Так будет справедливо, хотя и сделает наш путь скучноватым, да и времени он займет больше.

Гимли неожиданно расхохотался.

– Представляю, какими дураками мы будем выглядеть! - гоготал он. - А Хэлдир, значит, у нас поводырем будет? Ладно, не надо всем. Я согласен, если один Леголас разделит со мной компанию.

– Я эльф, я свой здесь! - с гордостью произнес разгневанный Леголас.

– Чтоб им всем пусто было, этим твердолобым эльфам! - тихонько произнес Арагорн. - Давай, Хэлдир, завязывай нам глаза.

– За каждый ущерб, будь то синяк или шишка, я потребую возмещения, - проговорил Гимли, покорно ожидая, пока эльфы завязывали ему глаза платком.

– Не придется, - усмехнулся Хэлдир. - Я аккуратно поведу вас, а тропы у нас мягкие, ровные, не споткнешься.

– До чего довели злосчастные времена! - восклицал Леголас. - Мы все здесь враги одного

Врага, и вот меня ведут, словно слепца, когда вокруг солнце играет в золотых листьях.

– Враг уже добился немало, - отвечал Хэлдир, - бросив тень отчуждения, разделившего его врагов. За пределами Лориена все реже встретишь честь и благородство; доверчивость может обернуться большой бедой, мы не имеем права рисковать. Наш край - словно остров посреди моря опасностей, и сегодня нашим рукам куда чаще приходится иметь дело с луком, чем с лютней. Раньше рубежи наши обороняли реки, сегодня на них слабая надежда. Тень вокруг. У нас поговаривают об уходе, а я думаю - не поздно ли? В Горах на западе день ото дня вырастает Зло, земли к востоку лежат в разоре и запустении, там полно Сауроновых тварей. Даже земли Рохана небезопасны, как говорят. За устьем Великой Реки следит Враг. Даже придя на побережье, мы не найдем там надежного убежища. Я слышал о Гаванях Высоких Эльфов где-то далеко на северо-западе, за страной полуросликов, но где это - о том знают разве что наши владыки.

– Так это ж недалеко от нас, считай сразу за Широм, - перебил Мерри.

– Счастлив твой народ, живущий возле побережья, - вздохнул Хэлдир. - Но из нас никто не бывал там очень давно. Мы поем песни о Море, но какое оно?... Расскажи мне о Гаванях, пока мы идем! - внезапно загорелся эльф.

– Да я ведь не видал их никогда, - расстроился Мерри. - Я тоже в первый раз покинул Шир, а если бы знал, на что похож этот широкий мир, и вовсе сидел бы дома.

– Но зато ты увидишь прекрасный Лориен! - воскликнул Хэлдир. - Да, конечно, мир полон опасностей, в нем немало мрака, но много и прекрасного. Наверное, сейчас уже не найти земель, где к любви не примешивается скорбь, но сама любовь, на мой взгляд, стала выше.

У нас поют, что Тень уйдет и мир вернется к нам, но я не верю. Среднеземье не может вечно оставаться неизменным, даже свет солнца уже не тот, каков он был встарь. Может быть, для эльфов наступит передышка и они смогут беспрепятственно уйти к Морю, чтобы покинуть Среднеземье навсегда. Но тогда не станет Лориена, который я знаю и люблю. Мир обеднеет, если однажды из него уйдет последний меллорн. А есть ли они за Морем, я не знаю.

Так в разговорах отряд неторопливо пробирался по лесным тропам. Впереди - эльф, и позади - эльф. Путники ступали по ровной мягкой земле и вскоре освоились со своей временной слепотой. У Фродо, лишённого зрения, опять обострились слух и другие чувства. Он ощущал запахи деревьев и потревоженных трав, слышал множество оттенков в шелесте листвы, в сонном бормотании реки справа, в чистых голосах птиц. Солнце касалось его лица ласковой рукой, значит, они проходили поляной.

Ступив на восточный берег Серебрани, он словно прошел по мосту времени в заповедный уголок Древнейших Дней и теперь шел по стране, которой давно уже нет. В Дольне жила память о древнем, в Лориене обитала сама Древность. Да, здесь знали Зло, ведали скорбь, здешние эльфы опасались внешнего мира и не доверяли ему, и волки выли на его границах, но на самой земле Лориена не было ни единого пятнышка Тени.

Весь день прошел в дороге. Наступил вечер. Прохладный ветер громче зашелестел листвой. Путники уснули прямо на траве, а утром снова неспешно отправились дальше. Остановились в полдень. Фродо ощутил вокруг обширное свободное пространство, которое вдруг наполнилось звоном множества голосов. Это большой отряд эльфов торопился к северным рубежам. Предводитель отряда коротко обменялся с Хэлдиром новостями, а эльф пересказал их своим подопечным. Морийских орков уничтожили почти всех. Удрать удалось немногим, но за ними ушла погоня. У реки видели странную тварь, двуногую, но очень похожую на зверя. Словить ее не удалось, а без нужды эльфы не стреляют. Тварь удрала на юг.

– А еще, - значительно произнес Хэлдир, - мне передали слова Владыки и Владычицы Галадримов. Вы можете идти свободно, даже гном. Владычица знает вас. Может быть, приходили новые гонцы из Дольна.

Хэлдир в первую очередь освободил от повязки Гимли.

– Прости нас, почтенный гном, - низко поклонился он. - Не таи обиды. Смотри и радуйся,

ибо со Дней Дарина ты первый из гномов узришь деревья Лориена!

Когда повязка спала с глаз Фродо и он огляделся, у него захолонуло в груди. Они действительно стояли на открытом месте. Слева высился огромный зеленый курган. На вершине двойным венцом росли два круга невиданных деревьев. Составлявшие внешний круг блистали белоснежной корой. Их обнаженные ветви поражали стройностью и благородством линий; внутри стояли меллорны, но такие громадные, что трудно было поверить глазам. Бледное золото крон мерцало и переливалось под ветром. В центре стоял одинокий исполин, вознося на немыслимую высоту большой белый флет. Трава на склонах кургана пестрела звездчатыми золотистыми цветами. Попадались и другие цветы, белые и бледно-зеленые; покачиваясь на тонких стеблях, они словно туманным облачком приглушали яркую зелень трав. Во всю ширь распахнулось синее небо, а послеполуденное солнце украсило курган длинными зелеными тенями.

– Глядите! Перед вами - Керин Амрот, - торжественно произнес Хэлдир, - сердце древнего королевства. На кургане стоял некогда дом Амрота. Теперь здесь вечно цветут золотой эланор и белый нифредил. Мы не станем торопиться и вступим в город на закате.

Со счастливыми вздохами все повалились в густую душистую траву, а Фродо так и остался стоять, пораженный здешней красотой в самое сердце. Он словно шагнул через окно в несуществующий мир, в котором свет и краски оказались неизнаваемо яркими, формы - четкими и гармоничными, словно их сначала задумал, а потом осуществил и закрепил навсегда гениальный ваятель. Золотой и белый, синий и зеленый - других цветов не замечали глаза хоббита, но зато какой первозданной свежестью дарили они зрение. Зимой никто не стал бы здесь толковать о весне или лете. Все, все вокруг казалось совершенным и безупречным. Да оно и было таковым.

Фродо повернулся. Рядом стоял Сэм и тер глаза.

– Так ведь солнце же, - растерянно произнес он, - а я-то думал, раз эльфы, значит, луна и звезды! Но здесь больше эльфийского, чем где-нибудь. У меня внутри песни щекотятся, если, конечно, понятно, про что я.

Хэлдир с улыбкой посмотрел на них.

– Ну вот, вы ощутили могущество Владычицы Галадримов. Не хотите ли подняться со мной на Керин Амрот?

И хоббиты, осторожно ступая, пошли за легко шагавшим эльфом. Все вокруг жило, дышало, двигалось, а Фродо никак не мог отрешиться от мысли об остановленном времени, и еще одна странная убежденность мелькнула в его сознании: скоро он, Фродо, бедный странник из маленького Шира, снова уйдет в большой мир, но он же, Фродо из Шира, останется бродить среди цветов эланора в прекрасном Лориене.

Круг белых деревьев сомкнулся за ними. Ветер вздохнул в вышине. Фродо замер. Из

непредставимого далека он услышал напев нездешних морей, где волны бьются о берега, которых нет давно, а над волнами кричат птицы, чьих имен не помнит ни один из живущих.

Хэлдир подвел их к стволу-гиганту. Фродо бестрепетно приготовился подняться на флет, положил руку на ствол, и вдруг его пронзило ощущение живой древесной плоти. Через ладонь он чувствовал буйную радость дерева и знал, что оно ощущает прикосновение его маленькой руки.

Когда, пройдя множество ступеней, он шагнул на поверхность флета, Хэлдир взял его за руку и повернул лицом на юг.

– Посмотри!

Фродо взглянул и увидел в отдалении еще один холм со многими... деревьями? зелеными башнями? - он не знал, зато ощутил исходящие оттуда силу и свет, под чьей защитой и опекой лежал весь этот край. Его потянуло туда, и он впервые позавидовал птичьей доле. Тогда он взглянул на восток - и перед ним предстали земли Лориена до самого лучистого блеска Великого Андуина. Он послал взгляд дальше и... выпал в обычный мир, знакомый, пустой, плоский, какой-то бесформенный, а еще дальше вставала темная и страшная стена. Солнце, осиявшее Лотлориен, словно утрачивало там силу, и ни единый луч не озарял мрака на далеком горизонте.

– Там Дол Гулдур, - коротко сказал Хэлдир. - Там только черные ели, там деревья насмерть борются друг с другом, а на земле гниют и сохнут их ветви. Там скрывался Враг, но теперь там другие хозяева, и сила мрачной крепости растет. В последнее время на ней часто лежит черное облако. Сейчас ты можешь видеть разом две противоборствующие силы. До сих пор в борьбе скрещивались мысли, и свет постиг самое сердце тьмы, не раскрыв ни одной из собственных тайн. Пока не раскрыв.

Эльф повернулся и заспешил вниз.

У подножия холма Фродо нашел Арагорна, неподвижного, как изваяние. В руках у него золотился цветок эланора, а в глазах сиял свет. Видно, какое-то давнее воспоминание, связанное с курганом, заставило его забыть обо всем. Не было на лице Арагорна следов суровых лет, перед Фродо стоял прекрасный стройный витязь и что-то тихо говорил по-эльфийски, обращаясь к той, которую Фродо видеть не мог.

– *Арвен ванимельда, намариэ!*

Арагорн не сразу заметил Фродо, а увидев, улыбнулся.

– Здесь сердце эльфийского народа, живущего в этом мире, - проговорил он. - И здесь останется мое сердце, если только за темными дорогами нам с тобой не удастся увидеть свет. Идем!

Арагорн повернулся и ушел от холма Керин Амрот, чтобы в этой жизни никогда больше не вернуться сюда.

Глава 7 Зеркало Галадриэль ь

Солнце садилось за горами; меж древесными стволами легли сумеречные тени. В эту пору Хэлдир и повел отряд дальше. Стемнело. Эльфы достали серебряные фонари. Но на этот раз путь не был долог. Тропа привела под открытое небо с несколькими ранними звездами. Впереди лежала широкая луговина, обрывающаяся глубоким рвом с ярко зеленевшими краями, а за ним вставала стена, ограждавшая холм, поросший царственными меллорнами. Таких величественных деревьев путники еще не видели в Лориене. Кроны их терялись где-то в вышине, сливаясь с потемневшим небом, создавая впечатление огромных живых башен, повсюду расцвеченных огнями.

Хэлдир повернулся к отряду.

– Добро пожаловать в Карас Галадон! Перед вами город Галадримов, здесь троны Владыки Келеберна и Владычицы Лориена Галадриэль. С северной стороны в город не войти. Ворота смотрят на юг. Путь еще неблизкий.

За рвом вышли на дорогу, мощенную белым камнем. Город зеленым облаком высился слева, и, по мере того как ночь вступала в права, все больше огоньков вспыхивало в вышине, переплетаясь со звездным небесным узором. Белый мост подводил к городским воротам, высоким и крепким, ярко освещенным и прикрытым спиралью городских стен.

Хэлдир положил руку на створы и произнес несколько слов. Ворота бесшумно распахнулись, но, к удивлению Фродо, никакой стражи за ними не оказалось. Войдя, путники попали в узкий коридор, образованный заходящими одна за другую стенами, и, только пройдя по нему около фарлонга, вступили в Древесный Город. Пока они никого не встречали, даже не видели никого, но со всех сторон раздавались голоса, а впереди с холма стекали вниз звуки музыки и песен, словно мягкий дождь, звенящий в молодой листве.

Дорожки, лестницы, переходы и снова лестницы вывели на поляну, посреди которой стоял облицованный камнем большой фонтан, из него брал начало белый в свете множества светильников ручей. За фонтаном вздымался огромный гладкий ствол меллорна, кора его мерцала, словно серый шелк, а первые ветви отходили от ствола высоко вверху, окутанные облаком листвы. Легкая лестница вилась вокруг дерева. У ее подножия сидели три эльфа; при появлении чужих они встали, и под плащами сверкнули кольчуги.

– Это меллорн Владык, - сказал Хэлдир. - Они ждут вас, вы можете подняться.

Один из стражей поднес к губам маленький серебряный рожок и сыграл чистый короткий сигнал. Сверху ему ответили.

– Я пойду первым, - предупредил Хэлдир, - и прошу следовать за мной Фродо и Леголаса. Остальные - потом. Нам предстоит долгий подъем, но по пути можно будет отдохнуть.

Они неторопливо поднимались, минуя множество флетов, но лестница вела все выше, пока не исчезла в люке большого талана, размерами не уступавшего Каминному Залу Дольна. Фродо вошел вслед за Хэлдиром и действительно оказался в зале с одной центральной колонной, образованной все тем же стволом меллорна, все еще достаточно широким в обхвате. То ли настоящие, то ли лиственные, зеленые с серебром стены покрывал золотой потолок; в центре залы под пологом большой живой ветви в двух креслах чуть впереди ствола сидели Владыка Келеберн и Владычица Галадриэль. При появлении гостей хозяева встали по эльфийскому обычаю, и вслед за ними встали эльфы, находившиеся в зале. Высокие, все в белом, величественные и прекрасные предстали глазам пришедших легендарные правители Лотлориена. Волосы Владычицы Галадриэль отливали старым золотом, ярким серебром сияли длинные локоны Владыки Келеберна. Ничто не говорило об их возрасте, лишь в глубине глаз, пристальных, по-эльфийски лучистых, били родники мудрости и древней памяти.

Хэлдир подвел Фродо к креслам, и Владыка Келеберн приветствовал хоббита на родном языке. Ни слова не промолвила Владычица Галадриэль, но долгим взглядом задержалась на лице Фродо.

– Садись рядом, Фродо из Шира, - пригласил Владыка Келеберн. - Подождем остальных, а потом поговорим.

Каждого члена отряда, поднимавшегося на талан, он приветствовал учтиво на их языках, называя по именам.

– Добро пожаловать, Арагорн, сын Арахорна! - звучно разносился по залу голос Владыки. Тридцать лет и еще восемь прошло в твоём мире с тех пор, как мы попрощались. Вижу, годы эти были нелегкими. Но теперь, плохой или добрый, конец близок. Расправь усталые плечи, забудь о бремени забот!

– Добро пожаловать, Леголас, сын Трандуила. Не забыли ли Северные Эльфы путь в наши края?

– Добро пожаловать и тебе, Гимли, сын Глоина! Давно, со времени Государя Дарина, не переступала порог Карас Галадона нога гнома. Для тебя мы отступили от правил. Темно нынче в мире, но, может быть, твой приход послужит знаком возвращения лучших дней и возрождения дружбы между нашими народами.

Гимли низко поклонился.

Когда все гости расселись, Владыка еще раз оглядел их.

– Вас восемь, - с легким удивлением заметил он. - Гонцы сообщили нам о выходе девяти. Неужели Совет изменил решение? Дольн далек, между нами - тьма, вести запаздывают.

– Совет не менял решений, - впервые заговорила Владычица Галадриэль. Ее голос был удивительно мягок и музыкален, но не по-женски глубок. - С отрядом из Дольна вышел Гэндальф Серый, но границы Лориена он не пересекал. Я хотела бы поговорить с ним и прошу гостей рассказать, почему его нет. Мне не увидеть его издалека, вокруг Гэндальфа серый туман, его пути и мысли скрыты от меня.

– Гэндальфа Серого поглотила Тьма, - ответил Арагорн. - Он вступил в поединок во мраке Мории, его нет больше.

Множество горестных и изумленных возгласов послышалось в зале.

– Дурные вести, - покачал головой Владыка Келеберн. - Самые дурные за многие годы, обильные печальными известиями.

Он повернулся к Хэлдиру и спросил по-эльфийски:

– Почему о том не известили меня раньше?

– Хэлдир не знал о наших делах, Владыка, - ответил Леголас. - Поначалу мы слишком устали, а опасность шла по пятам; потом, на прекрасных тропах Лориена, печаль наша почти

забылась...

– Но скорбь велика, а утрата невосполнима, - добавил Фродо. - Гэндальф вел отряд. Если бы не он, нам не пройти бы через Морию, а в конце он спас нас ценой своей жизни.

– Я прошу рассказать об этом полнее, - произнес Владыка Келеберн.

И Арагорн рассказал обо всем случившемся с отрядом, после неудачной попытки у перевала Карадрас. Он говорил о Балине, упомянул о схватке в зале Мазарбул, о пламени и о поединке на мосту.

– Это было какое-то Зло из Древних Дней, я никогда не видел такого прежде, - закончил Арагорн. - Мрак и огонь, сильный и ужасный.

– Это Барлог Моргота, - сказал Леголас. - С древних времён - самый ужасный из всех наших врагов. Кроме хозяина Черной Крепости, конечно.

– Это Проклятье Дарина, - тихо сказал Гимли, и в его глазах плеснул недавний ужас.

– Мы опасались спящей под Карадрасом силы, - молвил Владыка Келеберн. - Но если бы я знал, что гномы снова разбудили морийское зло, я не открыл бы перед тобой, гном Гимли, и твоими спутниками границы Лориена. Похоже, мудрость изменила Гэндальфу. Он понапрасну сгинул в морийской ночи.

– Поспешные суждения редко бывают справедливы, - произнесла Владычица Галадриэль. - Гэндальф никогда не поступал опрометчиво, думаю, наши гости просто не знали обо всех его замыслах и планах. Впрочем, он сам выбирал пути, и на наших гостях нет вины. Нам не в чем упрекнуть и гнома. Если бы наш народ вынужден был надолго покинуть Лориен, неужели спустя годы кто-нибудь из Галадримов, будь то даже Келеберн Мудрый, не пожелал бы взглянуть на свой старый дом, стань он тем временем хоть обиталищем дракона?

Темны воды Келед Зарама, холодны ключи Кибил Налы и прекрасны многоколонные залы Казад Дума в памяти своего народа, - торжественно произнесла Владычица Галадриэль, взглянув на нахохлившегося от незаслуженной обиды Гимли.

Гном, услышав древние дорогие имена, поднял голову и встретился взглядом с Владычицей, ожидая увидеть суровый приговор, а вместо этого погрузился в океан любви и мудрого понимания. Растерянное изумление сменилось на его лице широкой улыбкой. Он встал, поклонился так, как это принято было во времена Дарина, и произнес:

– Но куда прекрасней живой край Лориена и его Владычица, превосходящая блеск всех самоцветов, хранимых земель!

После долгой паузы снова заговорил Владыка Келеберн.

– Я не знал, что ваше положение было столь отчаянным. Пусть Гимли, сын Глоина, простит опрометчивые слова, вызванные сердечной тревогой. Я постараюсь помочь каждому в его нужде, и тем более - Хранителю, принявшему столь тяжкое бремя.

– Мы знаем о вашей цели, - произнесла Владычица Галадриэль, взглянув на Фродо. - Не будем называть ее. Но, думаю, Гэндальф не напрасно проложил путь отряда через Лориен. Владыка Галадримов - один из мудрейших эльфов Среднеземья, и дары его превыше могущества королей. Он встречал здесь зарю мира, а я пришла в Лориен до падения Нарготронда и Гондолина, и с тех пор бессчётные века мы не уставали бороться с Тьмой.

Я созвала первый Белый Совет. Если бы его возглавил, как хотелось мне, Гэндальф Серый, может статься, дела наши не были бы сейчас столь печальны. Но надежда жива. Не ждите от меня совета, как поступить и какой путь выбрать, моя сила - в знании прошлого и настоящего, а отчасти и будущего. Здесь я помогу вам. Но дорога ваша - по лезвию меча. Чуть оступись - погибнет все. Лишь чистота помыслов охранит ваш отряд.

Владычица замолчала и обвела взглядом гостей, подолгу задерживаясь на каждом. Только Леголас и Арагорн смогли выдержать ее взор. Сэм зарделся и потупился.

– Пусть тревога покинет ваши сердца, - улыбнувшись, произнесла она. - Сегодня ваш сон будет спокоен и светел.

Путники вздохнули и почувствовали вдруг навалившуюся усталость, как будто их долго расспрашивали о многом, хотя ни слова не было произнесено вслух.

– Отдыхайте! - посоветовал Владыка Келеберн. - После всех тревог и скорбей вам нужен отдых. Не думайте о предстоящей дороге, у нас еще будет время вернуться к этому.

Эту ночь, на радость хоббитам, отряд провел на земле. Неподалеку от фонтана эльфы разбили для них шатер, устроили мягкие ложа и с добрыми напутствиями оставили их. Друзья немного поговорили, вспомнив последние дни пути, но ни одним словом не обмолвившись о темных морийских переходах. Рана на сердце была еще слишком свежа.

– Интересно, а чего это ты закраснелся так, Сэм? - поинтересовался Пиппин. - Можно подумать, что у тебя совесть нечиста. Небось одеяло у меня стянуть задумал или чего похуже?

– Да ну вас! - отбивался не расположенный шутить Сэм. - Я просто понял вдруг, что на мне нет ничего; кому это понравится? Она будто заглянула мне в самое нутро и спросила, что я, дескать, буду делать, если она прямо сейчас вернет меня в Шир, в уютную норку с садиком, да еще собственным...

– Ну прямо как у меня, - покрутил головой Мерри. - Только у меня... нет, пожалуй, не стану я говорить об этом.

Видимо, каждый из путников испытал нечто схожее. Каждому предложили выбор между мраком неизвестности впереди и каким-нибудь соблазнительным затаенным желанием, ради осуществления которого достаточно свернуть с пути и отказаться от выполнения непосильной задачи.

– А мне еще показалось, что о выборе никто не узнает, - добавил Гимли.

– Все это странно, - сурово заговорил Боромир. - Она испытывала нас. Но если бы только так! Она соблазняла нас, обещая заманчивые выгоды! Конечно, я не стал слушать! Воины Минас Тирита верны своему слову!

Однако о том, что предлагалось ему, Боромир говорить не стал. Отмалчивался и Фродо, хотя гондорец донимал его расспросами.

– Да, мне предложен был выбор, - сдержанно сказал Фродо. - Но лучше пусть он останется при мне.

– Берегись! - предостерег хоббита Боромир. - Я не очень-то стал бы доверять этой эльфийской Владычице. Намерения ее темны.

– Ты не знаешь, о чем говоришь! - резко оборвал его Арагорн. - Ни в ней самой, ни в ее стране нет Зла, кроме того, которое каждый приносит в себе. Берегись надо тем, чьи помыслы

нечисты. Здесь, в Лориене, я впервые после дольнских стен смогу уснуть спокойно. Я устал и духом, и телом.

Он действительно уснул, едва донеся голову до подушки. Уснули и остальные. Сон их был бестревожен в эту ночь. А проснувшись, они увидели солнце, сверкавшее в струях фонтана.

Никто после не мог сосчитать, сколько дней и ночей пробыли они в Лориене. Каждый день светило солнце, порой набегал и исчезал ласковый дождик, после него листья сверкали особенно свежо и чисто. Прохладный весенний воздух временами заставлял забыть о зиме, хотя ее задумчивая тишина ощущалась и в здешней земле. У них не было других дел, кроме еды, отдыха, неспешных прогулок, занимавших все время.

Владыки не показывались, а с местными эльфами говорить было трудно, слишком их язык отличался от знакомого эльфийского. Хэлдир вернулся на границу. Леголас пропадал где-то у Галадримов, даже спал у них, заходя в шатер поесть и поговорить. Странное дело: уходя на долгие прогулки, он теперь брал с собой Гимли.

Часто вспоминали Гэндальфа. Когда уже перестали болеть усталые ноги, когда все раны зажили, вернулась скорбь от потери, но теперь она ощущалась даже острее, чем вначале. Рядом звучали эльфийские голоса, и путники улавливали в песнях знакомое имя. Эльфы складывали плачи о гибели Гэндальфа Серого.

«Митрандир, о Серый Странник!» - пели эльфы (здесь Гэндальфа называли этим именем), мелодия была пронзительно грустной, но слова непонятны. Леголас отказывался переводить, говоря в оправдание, что для него тут впору плакать, а не петь.

Сложил плач и Фродо. Раньше стихосложение не очень привлекало его, даже в Дольне он только слушал, но сам никогда не пел, хотя помнил множество баллад и стихов. Но теперь, у лориенского фонтана, слова начали сами приходить к нему, складываясь в песню, показавшуюся красивой. Правда, когда он попробовал прочесть ее Сэму, вместо баллады остались какие-то разрозненные строки, больше всего похожие на горсть сухих листьев.

Его шаги в закатный час
Еще звучали на холме,
Но лишь последний луч угас -
Безмолвно в путь ушел во тьме.

Песчаный вихрь и пенный вал,
Драконий рев и горный гром
Он стойко преодолевал

И шел назначенным путем.

Ему был внятн шум лесов,
Звериный говор, птичий звон;
Он ведал тайны языков
Любых народов и племен.

В сражениях непобедим,
В целении неутомим,
Тяжелой думой изможден -
Усталый вечный пилигрим.

Мудрец, что многое постиг,
Равно на гнев и шутку скор -
Худой серебряный старик,
Идущий тьме наперекор

Один, над бездною, без сил,
Он бился с Сумрачным Огнем,
Но в тяжелой битве жезл разбил
И сгинул - следом за врагом.

– Ну, сударь, в следующий раз вы и старого Бильбо за пояс заткнете! - воскликнул Сэм.
– Вряд ли, - вздохнул Фродо. - Лучше я пока не могу.
– Надо обязательно продолжать! - настаивал Сэм. - Если еще писать будете, замолвите про фейерверк словечко, ладно? Ну, что-нибудь вроде этого:

Струился в небесах ночных
Каскад невиданных шутих,
И с громом вспыхивал на миг
Горящий золотом цветник...

– Нет, Сэм, - покачал головой Фродо, - это я тебе оставлю. А может, Бильбо напишет. Не могу я больше про Гэндальфа говорить. Все думаю, как же я Бильбо скажу...

Как-то вечером Фродо с Сэмом бродили вдвоем по темным тропинкам. Целый день оба испытывали непонятное беспокойство. Фродо понимал: тень расставания расправила крылья. Видно, скоро придет время покинуть цветущий Лориен.

– Ну, что ты теперь скажешь об эльфах, друг Сэм? Я у тебя уже спрашивал, но то было тысячу лет назад. С тех пор ты их всяких повидал.

– Это верно. И знаете, сударь, я вот что думаю: есть эльфы и есть эльфы. Все эльфийские, и все разные. Эти вот, здешние, так даже на нас похожи, сидят себе дома и никуда не рвутся, точь-в-точь ширские хоббиты. То ли они сделали эту страну, то ли она их, но здесь удивительно спокойно. Ничего не происходит, да никто и не хочет, чтобы происходило. Если здесь и есть волшебство, то оно так глубоко упрятано, что рукой не достать, как говорят.

– Но оно же повсюду здесь, - вставил Фродо.

– Э-э, так ведь волшебников-то нет. Я не про фейерверки, до которых Гэндальф любитель был. Вот, разве Владычица... по-моему, она чудеса умеет делать, если захочет. Эх,

кабы вы знали, сударь, до чего мне охота повидать настоящее эльфийское волшебство! Только не то что волшебства, мы и владык-то больше не видели...

– А меня на чудеса не тянет, - признался Фродо, - здесь всего достаточно. Не в фейерверках дело. А вот без его мохнатых бровей, без его голоса пусто на сердце.

– Это верно, - ответил Сэм. - Просто в старинных историях много волшебства этого самого, вот я и хотел поглядеть. А так, конечно, в этой земле всего в изобилии. Тут я как дома во время праздника, если понятно, про что я. И уходить не хочется. Но все-таки, если мы собираемся дальше идти, пожалуй, пора и честь знать. Мой старик ведь как говорил? «Неначатая работа долго тянется». По-моему, здешний народ ничем особенным нам не поможет, с магией там или без. Сейчас-то еще ничего, а вот уйдем мы, тогда и хватимся Гэндальфа по-настоящему.

– Наверное, ты прав, - как-то вяло отозвался Фродо. - Но мне бы все-таки очень хотелось перед уходом повидать Владычицу еще раз.

Фродо даже не закончил фразы, а им навстречу уже шла меж деревьев Владычица Галадриэль. Она лишь слегка повернула голову в сторону хоббитов, не сказала ни слова, но поманила за собой. Пройдя сквозь зеленую живую изгородь, они оказались в небольшом саду на южном склоне Карас Галадон. Деревьев здесь не было, только небо над головой и над западным окоемом - сияющая белым огнем яркая вечерняя звезда. Хоббиты вслед за Владычицей спустились в неглубокий зеленый лог и узнали в говорливом ручье, бегущем у ног, поток, бравший начало из фонтана возле их шатра. Здесь, на невысоком каменном постаменте, стояла большая чаша, а рядом - серебряный кувшин.

Водой из ручья Владычица наполнила чашу до краев, дохнула на воду и, подождав немного, заговорила:

– Это - мое Зеркало. Я привела вас сюда, чтобы вы могли заглянуть в него.

На дне ложка сумерки уже сгустились, и светлая фигура Владычицы неясно возвышалась над хоббитами.

– Зачем нам смотреть и что мы можем там увидеть? - холодея от неясных предчувствий, спросил Фродо.

– По моему слову Зеркало может открыть многое. Одним оно покажет их затаенные желания, другим - совсем неожиданные вещи. Впрочем, иногда это полезней того, что мы хотели бы увидеть. Если предоставите Зеркалу свободу, даже я не буду знать, что оно покажет. Это может быть видением прошлого, настоящего или будущего. Вы хотите взглянуть?

Фродо молчал.

– Ну а ты? - повернулась Владычица к Сэму. - По-моему, именно *это* твой народ

называет настоящим волшебством. Хотя, мне кажется, тем же самым словом у вас именуют хитрости Врага. Вот, если угодно, волшебство Галадриэль. Не ты ли стремился посмотреть на него?

– Да-а, - неуверенно протянул Сэм, не решаясь выбрать между опасением и любопытством. - С вашего позволения, я гляну... Я ведь не про то, что там дома, - проговорил Сэм, просительно глядя на Фродо, - хотя, как подумаешь, будто год назад ушли, давно, значит, но ведь я там, наверное, звезды какие-нибудь увижу, а то и вовсе не понятное что-нибудь.

– Это вполне может быть, - улыбнулась Владычица. - Подойди. Что сможешь, то и увидишь. Только не касайся воды.

Сэм взобрался на подножие и заглянул в чашу. Вода выглядела твердой. В ней отражались звезды.

– Так я и думал... - начал он было говорить, но замолчал, ибо звезды исчезли. В глубине чаши словно раздвигали кисейную занавесь, Зеркало стало сереть и внезапно прояснилось. Сэм увидел солнечный день и качающиеся под ветром кроны деревьев. Он еще не сообразил, что предстало перед ним, а картина уже изменилась. Теперь он видел мертвенно-бледного Фродо, лежащего у подножия темной скалы, а потом появился и он сам, Сэм Гэмджи, бредущий вверх по длинной винтовой лестнице и упорно высматривающий что-то, ведомое только тому Сэму в Зеркале.

Видение сдвинулось, ушло, снова качались деревья, но уже сильнее, и стало понятно, что качаются они не от ветра, а под ударами топора, качаются и падают, падают...

– Эй! - закричал Сэм. - Это ж возле Тэда Песошкинса деревья! Их же нельзя рубить, от них же тень на дороге в Уводье. Ну, попадись мне этот Тэд!

Но вот уже нет Старой Мельницы, а на ее месте строится огромное уродливое здание из красного кирпича, рядом торчит высокая труба, из нее валит черный дым и заволакивает, заволакивает изображение в Зеркале!

– Там какие-то злодейские дела в Шире, - пробормотал Сэм. - Неспроста Элронд хотел Мерри обратно послать. - Он еще раз взглянул в Зеркало и вскрикнул, а потом решительно слез с подножия. - Мне домой надо, - насупившись заговорил он. - Они там Тугосумы перекапывают, а старик мой бедный с Горки спускается со своим скарбом в тачке. Я должен домой идти.

– Ты не можешь уйти один, - мягко произнесла Владычица. - Пока ты не посмотрел в Зеркало, ты ведь не собирался возвращаться. Но ты и раньше знал, что в Шире неладно. Картины, показанные Зеркалом, не обязательно уже произошли. Они могут и вовсе не произойти, - добавила она, - если смотрящий обладает непреклонной волей. Советы Зеркала опасны.

Сэм в отчаянии сел на землю и обхватил голову руками.

– Лучше бы мне никогда не приходиться сюда, - забормотал он. - И никакого волшебства мне не надо. - Он замолчал надолго, а когда снова заговорил, в голосе слышались слезы. - Ладно, я вернусь долгой дорогой вместе с Фродо... или совсем не вернусь. Все ж таки, надеюсь вернуться. И если увижу то, что видел, кое-кому nepоздоровится!

– Ну а ты, Фродо, - сказала Владычица Галадриэль, - не хочешь ли взглянуть на эльфийское волшебство?

– Вы советуете мне? - спросил Фродо, глядя в глаза Владычице.

– Нет, - ответила она. - Я не даю советов. Ты можешь узнать кое-что, плохое или хорошее, оно может пригодиться тебе, а может и нет. Знать - хорошо, но и опасно. Впрочем, у тебя достаточно мудрости и мужества; чтобы испытать Зеркало. Иначе я не привела бы тебя сюда. Решай сам.

– Я посмотрю, - неожиданно севшим голосом произнес Фродо и, подойдя, склонился над Зеркалом.

Темная глубь сразу прояснилась, и Фродо увидел сумеречную страну. Вдали темнели горы. Длинная серая дорога уходила за горизонт. Издали навстречу Фродо по ней двигалась маленькая фигурка. Она быстро приближалась и так напоминала Гэндальфа, что Фродо едва не окликнул мага, но вдруг обратил внимание на цвет одежд странника: они были вовсе не серыми, а белоснежными, и жезл в руках был белого цвета. Фродо никак не мог разглядеть низко опущенное лицо незнакомца, а тот повернул и пропал за краем чаши. Фродо не знал что и подумать. Это мог быть и Гэндальф в одном из своих давних одиноких странствий, - но это мог быть и Саруман.

А картина в Зеркале уже изменилась. Бильбо беспокойно шагает из угла в угол своей маленькой комнатки в Дольне. Стол завален бумагами, а в окно стучит дождь.

Вслед за коротким перерывом последовал целый калейдоскоп быстро сменяющих друг друга видений. Фродо не сразу понял, что перед ним проносятся эпизоды истории, в которой и он принимает немалое участие. Но вот все Зеркало заняла картина, никогда не виденная им раньше, но сразу узнанная: Море. В мглистом свете штормовые волны дыбились и беззвучно рушились, багровое солнце в разрывах туч на горизонте озаряло черный корабль с ключьями парусов. Потом воды хлынули на многолюдный город, потом - белая крепость с семью башнями, и снова корабль. На черном знамени можно различить изображение Белого Дерева. Дым... битва... закатное красное зарево, серый туман и уходящий маленький корабль, мерцающий огоньками. Он скрылся из глаз и Фродо вздохнул, решив, что на этом все кончилось.

Но внезапно Зеркало потемнело, почернело даже, и Фродо заглянул в какую-то аспидную дыру. Там, в бездне, появилась багровая точка. Она стремительно росла и вдруг стала единственным Оком, занявшим всю поверхность Зеркала. Ужасное зрелище приковало хоббита к месту; не в силах вскрикнуть или отвести взор, он следил за огненным веком, в котором шевелился по-кошачьи желтый глаз, пристальный, настойчивый, но какой-то тусклый, с черной щелью зрачка, похожей на провал в Ничто.

Глаз ворочался, вращался, он явно искал кого-то, и Фродо с ужасом понял: глаз ищет его! И тут же пришла твердая убежденность: Око не сможет увидеть его, пока он не захочет этого сам. Хоббит почувствовал, как наливается тяжестью Кольцо у него на шее, оно уже как мельничный жернов пригибает его голову вниз, к воде... Похоже, вода в Зеркале быстро нагревалась, от нее уже начал подниматься пар, а голова все клонилась, клонилась...

– Не коснись воды! - Мягкий голос, прозвучавший рядом, словно сдул видение. В холодной водяной глади отражались звезды.

Фродо отпрянул от Зеркала, весь дрожа.

– Я знаю твое последнее видение, - спокойно сказала Владычица Галадриэль. - Не бойся! Не только песни в лесах и эльфийские стрелы обороняют от Врага Лотлориен. Даже сейчас, когда я говорю с тобой, я знаю его намерения, по крайней мере те из них, которые касаются эльфов. Он тщится проникнуть в мои мысли, но пока дверь закрыта!

Она протянула руки ладонями к востоку в запрещающем жесте. Эарендил, любимая эльфами вечерняя звезда, сиял высоко в небе и был так ярок, что на траве Фродо заметил легкую тень Владычицы. Звездный свет вспыхнул в кольце на ее пальце, и белый камень замерцал, словно еще одна звезда, спустившаяся отдохнуть на руке Галадриэль. Фродо благоговейно глядел на кольцо. Он понял.

– Да, - кивнула Владычица, угадывая его мысли, - об этом нельзя говорить. Элронд ни за что не стал бы этого делать, но от Хранителя, видевшего Огненное Око, это не скроешь. Одно из Трех хранит земли Лориена. Это - Наин, Адамантовое Кольцо, порученное мне.

Враг догадывается, но пока не знает. Пока. Теперь ты понимаешь - твой приход для нас словно поступь Рока. Дашь победить себя - и мы беззащитны перед ним. А если ты победишь... тогда сила наша пойдет на убыль, Лориен увянет, волны времени смоят его. Мы уйдем на Запад, или останемся здесь, постепенно становясь просто народом холмов и пещер, забывая и забываясь.

Фродо опустил голову. Он долго не решался, но потом все же задал вопрос:

– А что бы вы выбрали?

– Все будет так, как должно быть, - ответила Владычица Галадриэль. - Любовь эльфов к этому краю глубже морских бездн, в этом наше горе, и оно неутолимо. Но если предстоит выбор: Лориен или рабское служение Врагу, они уйдут бестрепетно, ибо знают Врага давно. Ты не в ответе за судьбу моих земель, на тебе лишь твоя собственная задача. Но лучше бы Единственному никогда не являться на свет или уж пропасть навсегда.

– Владычица! Ты мудра, бесстрашна и прекрасна! Если хочешь, я отдам тебе Единственное. Это великое дело не по мне.

Галадриэль рассмеялась.

– Мудрая Владычица Лориена встретила достойного собеседника. Я испытала твое сердце при нашей первой встрече, но ты сравнял счет уже при второй. Твоя ноша делает тебя прозорливым. Не стану скрывать, я хотела бы обладать тем, что ты предлагаешь. Долгие годы я думала, как бы я распорядилась Единственным, попади оно ко мне. И вот - свершилось! Его принесли, прямо сюда, в Лориен! Древнее Зло живет в Кольце независимо от жизни или смерти Саурона. Наверное, такому Кольцу понравится, если его отнимут у гостя - силой, хитростью или страхом.

А ты готов подарить его мне, сменить Темного Властелина на Королеву. Нет, я не стану темной, я стану прекрасной и грозной! Прекрасной, как Море, как Солнце, как снег на горах! Грозной, как буря, как молния! Твердой, как корни земли. Все будут любить меня и бояться.

Она воздела руку, и алмаз, вспыхнув, залил ее потоком света. Властная, невыносимо прекрасная и грозная стояла перед Фродо Владычица Галадриэль... но вот рука опустилась, погас свет камня, и в густых сумерках зазвенел мягкий смех. Высокая тонкая эльфийская женщина в простых белых одеждах... и голос печальный и тихий:

– Я прошла испытание. Я уйду на Запад и останусь Галадриэлью.

Долго длилось молчание. Наконец Владычица заговорила снова:

– Пора возвращаться, Фродо. Утром отряд выходит в путь. Сегодня мы с тобой сделали выбор, а волны Судьбы неотвратимы.

– Сейчас, - замешкался Фродо, - но... я хотел спросить... Я еще у Гэндальфа хотел спросить в Дольне, но как-то не успел. Я ношу Единственное, так почему же я не вижу остальных колец и не знаю мыслей их носителей?

– Ты просто не пробовал, - ответила Владычица. - С тех пор как ты узнал, чем владеешь, ты трижды надевал Кольцо. Не пытайся сделать это в четвертый раз, ты погибнешь. Разве Гэндальф не объяснил тебе, что сила Кольца соответствует силе обладателя? Прежде чем распорядиться Кольцом Всевластья, тебе надо было бы набрать собственную силу и употребить ее для порабощения других. Но и без того твое внутреннее зрение обострилось. Ты уже читаешь в сердцах Мудрых, ты видишь Око того, кто властвует над Семью и Девятью. Ты видел и узнал мое Кольцо. Сэм, ты видел мое Кольцо? - вдруг спросила она.

– Нет, Владычица, - ответил Сэм, вздрогнув. - Сказать по правде, я в толк не возьму, о чем вы толкуете. Я видел звезду у вас над головой, да вон она светит! Но если уж вы меня спросили, я скажу: прав мой хозяин. Заберите вы это проклятое Кольцо. Уж вы бы все сделали, как надо. Вы бы не позволили всяким там издеваться над моим стариком и пускать его по миру. Вы бы заставили кое-кого расплатиться за свои грязные делишки!

– Заставила бы, - согласилась Галадриэль. - С этого бы и началось. Но этим бы не кончилось. Больше мы не будем говорить об этом. Пойдемте.

Глава 8 Прощание с Лориеном

Этим же вечером отряд призвали Владыки. Когда все собрались в уже знакомой зале на талане и обменялись приветствиями, к гостям обратился Владыка Келеберн:

– Для тех, кто решил продолжать путь, настало время уходить. Лориен - не самое безопасное место в мире, но кто захочет, может остаться здесь. Все мы стоим на краю судьбы. В Лориене можно дожидаться рассвета, и тогда дороги снова станут открыты, но если вместо рассвета настанет глухая ночь, оставшихся ждет битва, а потом - либо возвращение в родные края, либо дорога в дальние дома павших.

В напряженной тишине Владычица Галадриэль снова обошла каждого внимательным взглядом.

– Они пойдут дальше, - сказала она Владыке Келеберну.

– Мне решать нечего, - произнес Боромир, - мой дом впереди.

– Но пойдут ли отряд с тобой в Минас Тирит? - быстро спросил Келеберн.

– Мы еще не решили, как нам идти, - ответил за всех Арагорн. - Гэндальф не говорил о своих планах после Лотлориена. А может быть, он и сам не знал.

– Возможно, - кивнул Келеберн, - но впереди у вас Река. Между Лориеном и Гондором нет ни одной переправы, мосты Осгилиата разрушены, пристани захвачены Врагом. Вам придется выбирать берег. Для дороги в Минас Тирит вам лучше подойдет западный, но задача Хранителя - на восточном.

– Если бы мой совет услышали, - заговорил Боромир, - я предложил бы западный берег и путь в Минас Тирит. Но не я веду отряд.

Остальные промолчали. На лице Арагорна заметны были тревога и сомнение.

– Хорошо, решайте, - выждав некоторое время, сказал Келеберн. - Выбрать за вас я не могу, но помочь в силах. Среди вас есть такие, кто умеет управляться с лодкой: Леголас, Боромир и Арагорн...

– И один хоббит! - выкрикнул Мерри. - Мы живем на берегу Брендидуина, и для нас лодка - не бешеная лошадь, как для других хоббитов.

– Прекрасно! - улыбнулся Келеберн. - У вас будут лодки, достаточно легкие, чтобы обносить пороги, если вы подойдете к Сарн Гебиру или даже к великим водопадам Рэроса. Путь по Реке не так утомителен. Конечно, всех проблем лодки не решат, рано или поздно вам придется оставить Реку и поворачивать - на запад или на восток.

Арагорн горячо поблагодарил Владыку Келеберна. Сообщение о лодках его обрадовало - может быть, потому, что выбор откладывался еще на несколько дней? Остальные тоже воспряли духом. Плыть налегке по течению, пусть даже навстречу опасности, всё же лучше,

чем тащиться к ней же пешком с тяжелым грузом. Только Сэм пребывал в растерянности; он еще не решил для себя, на самом ли деле лодка лучше бешеной лошади.

– Завтра до полудня все будет приготовлено к походу, - заверил Владыка Келеберн. - Утром вам помогут собраться. А сейчас - доброй ночи!

– Доброй ночи, друзья! - пожелала Владычица. - Спите спокойно, не думайте о предстоящем. Ваши тропы - у вас под ногами. Каждый увидит свою в должное время. Доброй ночи!

Отряд вернулся в шатер. Последнюю ночь в Лориене даже Леголас решил провести вместе со всеми. Перед сном устроили небольшой совет и долго решали, как поступить. Никто не отказывался сопровождать Хранителя, но всё же большинство предпочитало идти сначала в Минас Тирит и хоть на время отсрочить поход в Страну Мрака. Фродо молчал, Арагорн по-прежнему не мог принять решение.

Пока отряд вел Гэндальф, Арагорн намеревался уйти из Лориена вместе с Боромиром и обнажить меч в боях за Гондор. Пророчество он принял за знак, за призыв Наследнику Элендила бросить вызов Саурону. Но после Мории ответственность за порученное дело целиком легла на плечи Арагорна, и он понимал: откажись Фродо идти в Минас Тирит, он, Арагорн, должен будет сопровождать Кольцо. Но даже Следопыт не мог представить пока, чем он или любой другой член отряда поможет Хранителю - разве что сгинет вместе с ним во мраке.

– Я иду в Минас Тирит, даже если никто не последует за мной, - горячился Боромир. Но Фродо все еще молчал, и в конце концов гондорец умолк и теперь сидел, не сводя глаз с Хранителя, словно пытаясь отгадать его мысли. Только через несколько минут он заговорил, но уже совершенно другим тоном. - Конечно, если вы хотите уничтожить Кольцо, толку от Минас Тирита мало. Но если надо уничтожить военную мощь Врага, тогда глупо соваться в его владения без хорошей поддержки, глупо не воспользоваться... - Он вдруг замолчал, как человек, едва не разгласивший некую тайну. - Я имел в виду, глупо рисковать жизнью понапрасну, - закончил он. - Перед нами странный выбор: либо защитить то, что вполне можно защитить, либо просто шагнуть в пасть смерти. Во всяком случае, мне это видится так.

Фродо уловил какие-то новые нотки в голосе Боромира и пристально посмотрел на него. Нет, гондорец имел в виду нечто другое. Как он сказал: «Было бы глупо не воспользоваться...» Чем? Кольцом? А ведь он и на Совете говорил о том же, но тогда Элронд убедил его... или не убедил? Фродо взглянул на Арагорна, но тот сидел, погруженный в собственные мысли, и нельзя было понять, обратил ли он внимание на слова гондорца. Так спор и кончился ничем. Мерри и Пиппин уже спали, Сэм всю ночь клевал носом. Ночь давно опустилась на Лориен.

Утром, едва они начали собирать пожитки, пришли эльфы, владевшие Всеобщим языком, и принесли дары Владык: припасы и одежду. Из съестного были в основном лепешки, светло-коричневые снаружи и цвета заварного крема внутри. Гимли взял одну из них и критически осмотрел.

– Крам, - пренебрежительно фыркнул и откусил кусочек. Выражение лица у гнома мгновенно изменилось, и он моментально слопал остаток лепешки.

– Хватит, хватит! - смеясь, закричали эльфы. - Ты теперь и так наелся на целый день трудного пути.

– Да я ведь думал, это что-нибудь вроде крама, - сконфуженно оправдывался гном, - который в Дэйле выпекают в дорогу.

– Так и есть, - подтвердили эльфы. - Это - дорожный хлеб, *лембас* по-нашему, он легкий и намного питательней любой другой еды. Ну и по вкусу, конечно, лучше крама.

– Точно, - облизнулся Гимли. - Это даже вкуснее медовых лепешек Бьорнингов, а уж они-то пекари хоть куда! Только я не слышал, чтобы Бьорнинги давали их кому-нибудь в дорогу. Вы - воистину добрые хозяева!

– Но вы все-таки берегите лембас, - посоветовали эльфы. - Это на крайний случай, когда

остальные припасы кончатся. Лембас, если его не ломать, очень долго не черствеет, постарайтесь держать его в этих же листьях. Одной лепешки вполне хватит даже гондорскому воину на целый день.

Каждому путнику вручили по плащу из легкой, но теплой шелковистой ткани местной выделки. Странно было видеть, как материя плащей меняет цвет в зависимости от освещения. Плащи могли становиться серыми, как лесные сумерки, или зелеными, под цвет листвы на деревьях, или коричневыми, как осенние травы в лугах, или тускло-серебристыми, как озеро под звездами. Застежка в виде зеленого листа с серебряными прожилками скрепляла плащи у горла.

– Они волшебные? - спросил Пиппин, удивленно разглядывая диковинную одежду.

– Что ты имеешь в виду? - не понял эльф. - Это хорошая дорожная одежда, удобная и красивая. И ткань хорошая, здесь сделана. Одним словом, настоящие эльфийские плащи. Листья и ветви, воды и камни Лориена отдали им свои краски. У нас всегда так: о чем мы думаем, то и привносим в работу. Но это всего лишь плащи, а не доспехи, стрелу или копье они не отразят. В дороге это самая удобная одежда: в жару - прохладно, зимой - тепло, и маскировка хорошая. Это дар Владычицы Лориена, и дар, скажу вам, редкий. Во всяком случае, до вас ни один чужеземец такого не получал.

После завтрака пришла пора прощания с любимейшей лужайкой у фонтана. Они чувствовали себя здесь как дома, только не знали, долго ли пробыли. Пока путники стояли, глядя в последний раз на игру солнечных лучей в звенящих струях, к ним подошел Хэлдир. Фродо ему обрадовался.

– Меня отозвали с границы, чтобы проводить вас, - сообщил эльф. - Росная Долина в дыму. В горах беспокойно, под землей стоит гул. Дороги на север нет больше. Но вам-то нужно на юг. Идем!

Тропинки возле Карас Галадона так и остались пусты, но из крон деревьев слышались голоса, долетала музыка, иногда - песня. Отряд молча шагал мимо. По южному склону холма, вслед за Хэлдиром, они подошли к воротам и вышли из города. Тропка, отделившись от дороги, нырнула в заросли и, все время спускаясь, повела их на юго-восток, к Реке.

Только около полудня, отшагав не меньше десяти миль, подошли к высокой зеленой стене. За ней кончались деревья и начинался луг, пестрящий золотыми цветами эланора. Путники оказались на полуострове у слияния Серебрани с Великим Андуином. Леса на противоположном берегу уходили на юг до горизонта, но деревья стояли голые и печальные. Ни одного меллорна не было видно за границей Лотлориена.

Неподалеку располагался причал, выложенный белым камнем. Возле качались легкие лодки. Среди них две или три были богато украшены, отделаны серебром и золотом, но большинство, по-видимому, предназначалось для каждодневной работы. Наших путешественников ожидали три маленькие серые лодочки. Эльфы помогли разместить в них поклажу и добавили от себя по три мотка веревки на каждую лодку. Сэм схватил один моток, лежавший на берегу.

– Это что?

– Простая веревка, - ответил эльф из лодки. - Никогда не отправляйся в путь без длинной крепкой веревки. А эта как раз из таких. Всегда пригодится.

– Хэ! Мне-то можешь не рассказывать, - ответил Сэм. - Я вот не взял из дома и просто места себе не находил. Но я не про это спрашиваю. Я в веревках разбираюсь, оно у нас семейное, так сказать. Из чего они сделаны?

– Из *хитлайна*, - сказал эльф. - Сейчас не время рассказать, как их плетут. Жаль, мы не знали, что ты мастер, мы бы могли тебя поучить. Ладно, если вернешься, покажем. А пока прими в подарок. Пусть послужит с пользой.

– Пора! - поторопил Хэлдир. - Все готово. Садитесь в лодки. Только осторожнее поначалу!

– Будьте внимательны! - поддержали другие эльфы. - Лодки легкие, нрав у них

капризный. Груза они могут нести много, но управлять ими надо уметь. Пройдитесь взад-вперед возле причала, привыкните к ним, а потом уж выходите на стремнину.

Места в лодках распределили следующим образом: в одной устроились Арагорн и Фродо с Сэмом; в другой - Боромир с двумя хоббитами, а в третьей - неразлучные в последнее время Леголас и Гимли. К ним сложили большинство припасов. Грести надо было короткими веслами с лопастями в форме древесного листа. Когда все расселись, Арагорн уверенно повел свою лодку вверх по Серебрену.

Встречное течение было быстрым, но лодка продвигалась споро. Сэм сидел на носу, вцепившись в борта обеими руками, и с тоской глядел на берег. Солнечные блики заставляли его недовольно щуриться. Вскоре деревья подступили вплотную к воде. В воздухе кружились золотые листья, река подхватывала их и несла навстречу. В тишине ясного дня из поднебесья падали трели жаворонка.

Неожиданно из-за поворота выплыл огромный лебедь. Вода с журчанием разбегалась двумя полосами от его белой груди. Клюв на изящно изогнутой шее сиял, словно полированное золото, глаза блестели черными жемчужинами в оправе из янтаря. Огромные белые крылья невиданной птицы были слегка приподняты. Над рекой полилась музыка.

Только тут путешественники поняли, что навстречу им движется ладья, формой бортов удивительно похожая на птицу. Два эльфа в белых плащах легко управлялись с черными веслами. На палубе лебедя сидел Владыка Келеберн, а рядом с ним, высокая, в белых одеждах, стояла Владычица Галадриэль. Венок из золотых цветов почти терялся в ее волосах, в руке она держала легкую арфу и пела. Печальной дивной мелодией наполнился воздух над рекой.

Я пела золоту листья - и лес сиял листвою;
Я пела ветру - он летел, ласкал убор лесной.
За царством Солнца и Луны, по берегам морским,
У Ильмарина льется свет над Древом Золотым.
Под звездной сенью Эльдамар тем светом озарен
У стен, хранящих от врага Эльфийский Тирион.
А здесь померк цветущий лес, и безнадежно ждет
Сияния златых ветвей скорбящий мой народ.
О Лориен! Грядет зима - печальных дней итог.
Уносит палую листву темнеющий поток.
О Лориен! В твоих краях минуло столько лет,
Что эланор в моем венце утратил прежний свет.
Когда спою о корабле - придет ли он на зов,
Умчит ли за Море народ угаснувших лесов?

Арагорн удерживал лодку на течении, пока ладья не подошла совсем близко. Песня кончилась, и Владычица приветствовала путешественников.

– Мы хотели пожелать вам доброго пути напоследок, - сказала она, - и благословить на дорогу.

– Вы гостили у нас, - промолвил Келеберн, - но нам ни разу не пришлось разделить трапезу. Теперь мы приглашаем вас на прощальный пир меж текучих вод, которые унесут вас

далеко от Лориена.

Ладья величаво подошла к причалу, и лодки повернули за ней. Вскоре на зеленой траве Эгладыла начался пир.

Фродо ел и пил мало, захваченный красотой Владычицы. Теперь она не казалась ему ни опасной, ни грозной, но, как и многие эльфы, встреченные им раньше, пребывала здесь, одновременно оставаясь живым видением по ту сторону струящейся Реки Времени.

В конце пира Келеберн вернулся к разговору о пути, поджидавшем уходящих.

– Когда будете плыть вниз, - говорил он, - леса скоро кончатся. За ними лежат пустынные края каменистых долин. Через много лиг вам встретится высокий остров Крутояр, мы зовем его Тол Брандир. Он делит Реку на два потока. За ним лежат водопады Рэроса, а ниже по течению - долина Ниндальф, Изветина на Всеобщем Языке. Там болота, Река течет медленно, разделяясь на множество рукавов. Примерно в этом месте в Андуин впадает Энтова Купель, берущая начало в Лесу Фангорна на западе. За рекой лежит Рохан. Дальше - холмы Эмин Майл. Там всегда от Гиблых Болот дует восточный ветер, а дальше, за болотами, до Кириг Горгора и черных Ворот Мордора тянутся безлюдные выжженные земли.

Тем, кто решит повернуть к Минас Тириту, лучше оставить Реку до Рэроса и пересечь Энтову Купель в твердых берегах, а не в топях. Но и далеко по ее течению подниматься не следует. Лес Фангорна - странное место. Про него мало кто знает. Впрочем, Арагорн с Боромиром, конечно, наслышаны о нем.

– Да, у нас говорят о тех краях, - пренебрежительно ответил Боромир, - только все это бабушкины сказки. Северные области, лежащие за Роханом, так далеки теперь, что никто ничего не знает наверняка. Когда-то Лес Фангорна граничил с Гондором, но вот уже много поколений сменилось, а там никто не бывал, и некому опровергнуть выдумки, дожившие до наших дней.

Я бывал в Рохане, правда на севере. А когда шел в Дольн, тоже миновал Лес Фангорна, но, если придется, пройду и через него.

– Ну что ж, - грустная улыбка тронула лицо Владыки Келеберна, - тогда мне больше нечего сказать. Но, может быть, не стоит так легко отворачиваться от бабушкиных сказок. В них иногда хранится знание из наследства Мудрых.

Владычица Галадриэль наполнила кубок и протянула Владыке.

– Пришла пора прощального кубка, - произнесла она. - Пей, Владыка Галадримов! Не думай о вечере, за которым торопится ночь. Встреть ее с беспечальным сердцем.

Каждому предложено было отпить из кубка на прощание. Кубок опустел, а Владычица все еще переводила внимательный взгляд от одного гостя к другому.

– Кубок выпит, - молвила она. - Тень разлуки легла между нами. Но прежде, чем мы расстанемся, Владыки Лориена просят вас принять дары в память о нашей стране.

Первым она назвала Арагорна.

– Вот наш дар тому, кто поведет отряд, - с этими словами Галадриэль протянула Арагорну ножны для меча. Серебряные и золотые цветы и листья образовывали на них сложный узор, переплетаясь с эльфийскими рунами, рассказывавшими историю Андрилы. - Эти ножны сохранят меч от времени. Он больше не переломится в бою и не затупится. Мы расстаемся с тобой надолго, Арагорн, сын Арахорна. Твой путь - во тьме. Возможно, следующая встреча суждена нам лишь на дороге, с которой нет возврата. Может, у тебя есть какие-нибудь пожелания ко мне?

– Владычица, - ответил Арагорн, - тебе ведомы все мои желания. Ты давно хранишь единственное сокровище, бесценное для меня. Но не в твоей власти подарить его мне. Да, мой путь лежит через мрак, но, может статься, на нем обрету я желаемое.

– Тогда возьми пока вот это. Оно оставлено для тебя и долго ожидало твоего прихода. - Галадриэль подняла большой зеленый камень в оправе, изображающей орла с распахнутыми крыльями. Камень засиял на солнце, как сама весна в молодой листве. Я отдала его Келебриэни, моей дочери, а она вручила его своей. Теперь он приходит к тебе как символ

надежды. Прими вместе с ним и завещанное имя, Элессар! Пусть хранит тебя Эльфийский Камень из Дома Элендила!

Арагорн принял камень и укрепил на груди. Он словно впервые предстал перед спутниками, поразив их величавостью осанки и просветлевшим лицом, будто омытым от долгих трудных лет.

– Благодарю тебя, Владычица благословенного Лориена, за щедрые дары, - ответил он, - но еще более - за подаренных тобой миру Келебриэнь и Арвен, Вечернюю Звезду Эльфийского Народа.

Владычица склонила голову, а потом повернулась к Боромиру. Гондорцу достался редкой красоты золотой пояс. Мерри и Пиппину - маленькие серебряные пояса с пряжками в форме золотого цветка. Леголасу вручен был мощный лориенский лук и колчан стрел к нему.

– А для тебя, маленький садовник, - обратилась она к Сэму, - у меня нашелся лишь маленький подарок, - с этими словами Галадриэль достала действительно небольшую коробочку из простого серого дерева, украшенную единственной серебряной руной на крышке. - Это руна «Г». Можешь считать, что она означает мое имя, или, если хочешь, грунт твоей родины. Здесь земля из моего сада и вся благодать, на которую способна Галадриэль из Лориена. Помощи от нее в пути никакой, от опасностей она не защита, но, если ты сможешь сохранить ее и вернуться домой, она вознаградит тебя. Какие бы разор и запустение ни встретились тебе там, брось щепоть в землю и увидишь, как зацветет твой сад. Может, он напомнит тебе о далеком Лориене, который тебе довелось увидеть лишь зимой, ибо наши весна и лето давно миновали и живы лишь в нашей памяти.

Сэм, красный как маков цвет, подошел, бормоча что-то невразумительное, и, взяв подарок, неумело поклонился.

– А какой же дар мог бы пожелать гном в гостях у эльфов? - с легкой улыбкой, спросила Владычица, поворачиваясь к Гимли.

– Никакого! - громко ответил гном. - Для меня более чем достаточно было видеть Владычицу Галадримов и слышать ее учтивые слова.

– О! Послушайте, эльфы! - обратилась Галадриэль к окружающим. Да не назовет никто отныне гномов корыстными и неучтивыми. И все же, Гимли, сын Глоина, разреши мое затруднение, назови желанный для тебя подарок. Будет несправедливо отпустить тебя, единственного из всех, с пустыми руками.

– Я не прошу ничего, Владычица, - повторил гном, снова низко кланяясь. Однако голос его дрогнул, и Галадриэль улыбнулась ему ободряюще. - Разве что... если мне действительно дозволено просить, подари мне прядь твоих волос, превосходящих земное золото настолько, насколько звезды небесные превосходят драгоценности земных недр. Конечно, я не настаиваю. Просто ты просила назвать дар, и я повинуюсь.

Эльфы беспокойно зашевелились, перешептываясь, даже Владыка Келеберн взглянул удивленно, но Владычица рассмеялась.

– Говорят, гномы искусны руками, а не речами, но о нашем госте так не скажешь. Никто доньше не обращался ко мне с просьбой столь же дерзкой, сколь и учливой. Как же могу я отказать, повелев прежде говорить? Но скажи мне, что бы ты стал делать с таким даром?

– Берег бы как величайшее сокровище, Владычица, - ответил Гимли, - в память о твоих словах, сказанных в нашу первую встречу. А если мне суждено вернуться домой, я помещу твой дар в самый прочный алмаз, и он станет нашей родовой драгоценностью, как залог добрых чувств между Лесом и Горой до конца времен.

Владычица отрезала три золотые пряди и вручила Гимли.

– Я не предсказываю, - молвила она, - ибо напрасны предсказания в наши дни, когда на одной чаше весов лежит Тьма, а на другой - лишь надежда. Но если надежда наша не обманчива, я скажу тебе, Гимли, сын Глоина: золото будет само течь тебе в руки, но над сердцем твоим власти не будет иметь никогда.

Ну вот, теперь остался только Хранитель Кольца, - обратилась она к Фродо. - Ты последний ждешь моих слов, но не последний в моих мыслях. Для тебя у меня приготовлен особый дар. - Галадриэль подняла хрустальный фиал, и от ее руки брызнули лучи белого света. - Здесь пойман и сбережен свет Эарендила, отразившийся в моем Зеркале. Чем чернее ночь вокруг тебя, тем ярче будет он освещать твой путь. Ему гореть там, где погаснут все другие огни. Помни Галадриэль и ее Зеркало.

Фродо протянул руку, взял фиал и на миг снова увидел перед собой великую и прекрасную королеву. Однако в ее облике не было больше ничего грозного. Он поклонился и молча отступил назад.

Все встали, и Келеберн повел их к воде. Полдень окутал лесной край золотым мягким сиянием. Серебряно блестели волны Реки. Отряд расселся по лодкам, эльфы с прощальными возгласами оттолкнули их от берега длинными шестами, и вот уже течение подхватило легкие суденышки и повлекло прочь. Путники сидели, не двигаясь и не разговаривая. На зеленом берегу, поодаль от всех, стояла Владычица Галадриэль. Казалось, она все быстрее удаляется от них и весь Лориен скользит назад, словно яркий корабль с высокими мачтами своих дивных деревьев и зелеными парусами их пышных крон, уплывает к забытым берегам, а они беспомощно и неподвижно сидят на сером унылом песке.

Они все смотрели назад, а воды Серебрани уже смешались с волнами Андуина и лодки уносили отряд на юг. Скоро белая фигура Владычицы отделилась, стала маленькой, словно оконце в доме на холме, поймавшее солнечный луч, словно хрусталь, упавший на колени этой земли. Фродо показалось, что Галадриэль подняла руку в прощальном жесте, и вдруг ветер совершенно явственно донес ее голос. Владычица пела на древнем языке Заморских Эльфов,

слов было не понять, а в прекрасной мелодии слышалась тревога. Фродо и раньше хорошо запоминал эльфийские слова, вот и теперь песня врезалась в память, и много лет спустя он перевел ее, как умел, хотя говорилось в ней о вещах, малоизвестных в Среднеземье.

Аи! Лауриэ лантар ласси суринен!
Йэни унотимэ ве рамар альдарон,
йэни ве линтэ йулдар аваниер
ми оромарди лиссэ-мируворева
Андунэ пелла Вардо теллумар
ну луини йассен тинтилар и элени
омарио айретари-лиринен.
Си ман и йулма нин энкуантува?

Ан си Тинталлэ Варда Ойолоссэо
Ве фаниар мариат Элентари ортанэ,
ар илиэ тиер ундулавэ лумбулэ,
ар синданориелло кайта морниэ
и фалмалиннар имбе мет, ар хисиэ
унтупа Калакирио мири оялэ.
Си ванва на, Ромелло ванва, Валимар!

Намариэ! Нан хирувалиэ, Валимар.
Нан элиэ хирува. Намариэ!

[Ах! Как золото, падают листья под ветром!
Долгие годы бессчетны, как крылья деревьев,
долгие годы проходят, как быстрые глотки сладкого
меда в высоких залах на дальнем Западе
под синими сводами Варды,
где звезды подрагивают от песни,
которую поет ее царственный голос.
Кто нынче наполнит для меня кубок?

Варда, Королева Звезд с вечно белой горы
поднимает руки над миром, подобные облакам.
И тропы мира тонут в тени, а туман из серой страны лег
на пенистые волны меж нами,
скрыл туман навсегда Калакирии камни.
Ныне для тех, кто скорбит на Востоке, пропал Валимар!

Прощай! Может быть, ты еще найдешь Валимар.
Может быть, именно ты и найдешь Валимар. Прощай!]

На Заокраинном Западе имя Варда носит та, которую эльфы Среднеземья зовут Элберет.
Русло реки повернуло, берега поднялись по обе стороны и скрыли Лориен. Фродо
никогда больше не видел этой дивной страны.

Солнце плыло в небе прямо у них по курсу и слепило глаза, и без того полные слез. Гимли плакал открыто.

– Я уже видел самое прекрасное в своей жизни, - сказал он другу Леголасу. - Что могу я назвать прекрасным теперь? Разве только ее дар? - Он приложил руку к груди. - Скажи мне, Леголас, ну зачем пошел я с отрядом? Я ведь не знал, где таится главная опасность! Прав был Элронд. Не дано нам предвидеть свою дорогу. Я боялся пыток во тьме и пересилил страх. Но, клянусь тебе, я остался бы, коли б мог предвидеть боль этого расставания. Мне не станет хуже, попади я нынче же ночью напрямиком к Темному Властелину. Горе, о горе Гимли, бедному сыну Глоина!

– Горе всем нам! - откликнулся Леголас. - Горе всем, бредущим по тропам мира в эти последние дни! Их удел - находить и терять. Но твоя судьба осиянна, Гимли, сын Глоина, ибо ты выбрал, что терять, по доброй воле. Ты знал, что теряешь, но не оставил спутников, и наградой тебе будет чистая память сердца о дивном Лотлориене, и не потускнеет, и не иссякнет эта память!

– Может, и верно, - вытирая глаза, ответил Гимли. - Твои слова верны, но холодно от них на душе. Не успокоится сердце памятью. Память - лишь зеркало, холодное, как Келед Зарам. Но, может, эльфы по-другому видят? Я слышал, для них память - не греза, а мир на грани сна и яви. Увы! Мы не так чувствуем. Впрочем, довольно об этом. Взгляни на лодку! Не слишком ли мы нагрузили ее? Я не хотел бы топить свою скорбь в холодной воде.

Он взял весло и принялся помогать Леголасу, уводя лодку со стремнины под берег.

Так начался долгий путь на юг. Голые бесприютные леса стояли по берегам, мешая видеть окрестности. Ветра не было. Ни одной птицы не появлялось над Рекой. Солнце тускнело, склоняясь к земле, и кануло за горизонт; настал ранний вечер, а вслед за ним - серая беззвездная ночь. Путники плыли и ночью, держась в тени западного берега. Огромные деревья призраками проплывали над головами, опустив извилистые жадные корни в туман. Было тревожно и холодно. Фродо прислушивался к плеску и журчанию вокруг лодки, и постепенно голова его склонилась на грудь, а беспокойный сон смежил глаза.

Глава 9 Великая Река

Фродо проснулся, разбуженный Сэмом. Оказалось, что он спал, заботливо укутанный, под деревьями, в тихом лесном уголке на западном берегу Андуина. Ночь прошла, и тусклое серое утро повисло на голых ветвях деревьев. Неподалеку Гимли хлопотал возле маленького костерка. Прежде чем окончательно рассвело, отряд снова был в пути. Не то чтобы они спешили; всех вполне устраивала отсрочка решения до Крутояра и водопадов Рэроса, а до них плыть предстояло еще несколько дней. Река несла их не быстро, не медленно - как могла, торопить ее никто не хотел. Независимо от выбора, впереди ждали только опасности, а они могли и подождать. Арагорн, сохраняя силы товарищей, не заставлял их грести, но неукоснительно следил за тем, чтобы на стоянках зря времени не терять. Отправлялись рано и плыли допоздна. Предводитель отряда хорошо понимал, что Темный Властелин не сидел без дела, пока они отдыхали в Лориене.

Но пока путешествие проходило вполне спокойно. Вереницей тянулись однообразные часы плавания, и только на третий день пути берега стали меняться. Деревья росли все реже, а потом и вовсе пропали. На восточном берегу их сменили не менее однообразные бурые увалы без единой травинки или кустика, словно выжженные зловредным палом. Начинались Бурые Земли; обширные и заброшенные, они тянулись между Южным Сумеречьем и холмами Эмин Майл. Даже Арагорн не знал, какое лихо привело все здесь в такое запустение.

На западном берегу леса уступили место равнине. Там зеленела трава, а вдоль берега тянулись тростниковые заросли, высокие, никогда не остававшиеся в покое. Темные сухие камыши, печально шелестя, клонились и вздрагивали под напором течения. Иногда в просветах мелькали пятна зелени прибрежных луговин, а за ними на горизонте синела линия Мглистых Гор.

Одиночество путников скрашивали только птицы. В тростнике, оставаясь невидимыми, перепархивали и посвистывали маленькие пичуги; однажды над головами с шумом протянулся на юг большой клин.

– Лебеди! - узнал Сэм. - Ого! Ну и здоровушие!

– И к тому же черные, - мрачно добавил Арагорн.

– Какой широкой, пустой и печальной выглядит эта земля, - сказал Фродо. - А я-то думал, если путешествуешь на юг, становится все теплее.

– Мы пока не на юге, - ответил Арагорн. - До моря далеко. В этих краях даже снег может пойти. Там, у впадения Андуина в залив Белфалас, теплее и веселее. Хотя что я говорю? Какое веселье? Те земли под Врагом теперь. А здесь мы всего лиг на семьдесят южнее вашей Южной Чети. Скоро подойдем к устью Светлимы, роханской реки, вытекающей из Леса Фангорна. По ней проходит северная граница Рохана. В старину всеми землями между течением Светлимы и Белыми Горами владели рохирримы. Земли изобильные, славятся отменными пастбищами, но в нынешние злые дни Люди ушли от Реки. Андуин широк, но орочьи стрелы перелетают с одного берега на другой, а в последнее время орки даже переправляются иногда и угоняют табуны.

Сэм тут же принялся беспокойно озираться. Совсем недавно он все высматривал засады

меж деревьев, но теперь, среди открытых пространств, стало еще хуже: уж очень все на виду, и он с сожалением вспоминал об оставшихся позади лесах.

Впрочем, в последующие два дня это ощущение постепенно охватило всех в отряде. Теперь весла не лежали без дела и берега быстрее скользили мимо. Река разливалась, стали появляться галечные отмели, и рулевым лучше было не зевать. По другую сторону начали встречаться болота.

Фродо, припомнив яркие лужайки, фонтаны, солнце и ласковые дожди Лотлориена, зябко передернул плечами. Из-за увалов с востока на Реку накатывали невидимые волны холодного воздуха. В лодках давно уже не смеялись, даже разговаривали мало; каждый был занят собственными мыслями. Память Леголаса уводила его в буковые рощи под крупными летними звездами; Гимли прикидывал мысленно, найдется ли в родовой сокровищнице подходящий алмаз для дара Владычицы; Мерри и Пиппин в средней лодке увлечены были подхваченным вчера насморком, а Боромир то бормотал неразборчиво, то вдруг принимался обкусывать ногти, как поступают иногда воины в сомнении и беспокойстве, а то вдруг хватал весло и догонял лодку Арагорна. В такие моменты Пиппин, сидевший на носу, улавливал странный блеск в глазах гондорца, устремленных на Фродо.

Сэм после долгих размышлений пришел к выводу, что хотя лодки и не так опасны, как он раньше представлял, но и удобств в них куда меньше, чем можно предположить, глядя со стороны. Он тягостно переживал плавание: делать нечего, сиди себе да пьясь на ползущие мимо зимние снулые земли и серую воду в нескольких дюймах от бортов. Даже когда приходилось грести, весел ему не доверяли.

Вот так, на четвертый день пути, уже под вечер, он и развлекал себя: то посмотрит вправо, то вперед, а то через головы Арагорна и Фродо назад, на идущие следом лодки. Его уже клонило в сон, хотелось побыстрее вылезти, размять занемевшие ноги и почувствовать наконец твердую землю. И тут что-то привлекло его взгляд за кормой. К этому времени он уже с минуту бездумно смотрел назад, но теперь замотал головой и протер глаза. Однако, всмотревшись, ничего необычного не увидел.

Ночевали на маленьком островке под западным берегом. Сэм, завернувшись в одеяло, ворочался рядом с Фродо.

– Я тут, было, задремал в лодке, сударь, - неуверенно начал он, - и привиделась мне... а может, не привиделась... забавная штука.

– Ну, что ты там ещё углядел? - проворчал Фродо. Он уже по опыту знал: Сэм не уймется, пока не расскажет свою байку. - Мне вот с самого Лотлориена не попадалось ничего забавного.

– Да не то чтобы забавно, а все ж таки странно, - оживился Сэм. - Но вы послушайте: я бревно с глазами видел!

– С бревном все точно, - улыбнулся Фродо, - их в Реке много, а глаза лучше убрать.

– Так ведь это ж самое главное! - подскочил Сэм. - Я от этих глаз так и сел. Ну, плывет себе коряга за Леголасовой лодкой и плывет, я сначала и внимания не обратил, а потом гляжу - догоняет! Это как же так, думаю, течение-то одно! Вот тогда я глаза и увидел: две такие бледные точки с переднего конца, а потом пригляделся, а у коряги-то - лапы! Ну прямо как у лебедя, и она гребет! Я сел, глаза тереть стал, крикнуть собрался, никакой дремоты у меня и в помине не осталось, а только смотрю - нету! Но я краешком-то глаза заметил, вроде под берег что-то темное - нырь! И все. Никаких глаз.

Я, значит, и говорю себе: дрыхнешь, стало быть, Сэм, вот и видишь невесть что. Но с тех пор все думаю: привиделось или нет?

Фродо на удивление долго молчал, а потом заговорил устало:

– Это, Сэм, было бы проще всего: мол, сумерки, задремал. Да только они ведь не впервой появились, глаза эти. Я их еще до Лотлориена замечал. А ночью на границе на флет поднималось какое-то существо с такими глазами. Хэлдир его тоже видел. А эльфы, которые орков гоняли? Помнишь, они рассказывали?...

– А-а, - задумчиво протянул Сэм. - Теперь мне, пожалуй, многое припоминается. То, да се, да рассказы Бильбо - все одно к одному. Получается, сударь, мы с вами существо-то это знаем. Ведь это ж Горлум, наверное.

– Наверное, он, - с неохотой подтвердил Фродо. - Боюсь, что он. С той самой ночи на дереве и боюсь. Как я теперь думаю, он в Мории прятался и там увязался за нами. Я надеялся, остановка в Лориене собьет его со следа, но эта дрянь, видно, пряталась на той стороне Серебрани и видела, как мы отплывали.

– Надо бы нам поосторожнее, - озабоченно сказал Сэм, - а то, не ровен час, однажды ночью передушит он нас, как курей. Не надо Колоброда там беспокоить или кого. Я сам покараулю. А завтра в лодке отосплюсь, и ведь все равно там вроде как груз.

– Груз с глазами, - улыбнулся Фродо. - Ладно, карауль, но с полночи я тебя сменю. А если что - буди меня сразу.

Глухой ночью Фродо с трудом проснулся. Сэм тряс его за плечо.

– Жалко будить вас, сударь, - прошептал он, - но все так и есть, как мы говорили. Совсем недавно я тут плеск такой особый слышал и сопение, значит. Хотя ночью-то у реки всегда всяких странных звуков хватает.

Сэм лег, а Фродо, борясь со сном, закутался в одеяло и сел, вглядываясь в темноту. Однако проходили минуты, часы, и ничего не случалось. Фродо уже подумывал, не прилечь ли ему, как вдруг заметил едва различимый силуэт в воде, возле самого берега. Вот поднялась слабо белевшая в ночи рука и ухватила за планширь, следом высунулась голова и заглянула через борт, а потом, прямо на Фродо уставились два знакомых, слабо светящихся глаза. Не больше двух ярдов отделяло Фродо от них. Хоббит встал и, обнажив Шершень, взглянул прямо в глаза. Они мигнули, притухли, раздалось шипение, плеск, и по-лягушачьи раскоряченная фигурка рванулась вниз по течению.

Арагорн повернул голову, вскочил и подошел к Фродо.

– Что тут у тебя? - прошептал он. - Меня что-то разбудило. Ты почему с мечом?

– Горлум, - коротко ответил Фродо. - Или мне показалось, - добавил он.

– А-а! Так ты знаешь о нашем маленьком разбойнике? Он топал за нами, почитай, через всю Морию и проводил до Нимродели. А потом встретил на Серебрани, оседлал бревно и не отстает. Я уж тут на него ночами охоту устраивал, но он хитрей лисы и ловок, как рыба. Да и плавает не хуже. Ладно, завтра попробуем оторваться от него. Ты ложись, спи. Я покараулю. Да, хотелось бы мне словить этого мерзавца, он может пригодиться. На свободе он слишком опасен. Мало того, что убьет - не задумается, он ведь врагов может навести.

Ночь прошла, а никакого Горлума будто и не было. Теперь уж весь отряд смотрел в оба, но ничего не высмотрел. Если он и продолжал преследование, то очень осторожно. После этой ночи Арагорн не выпускал весла из рук, другие тоже гребли. Скорость заметно возросла. Шли опять по ночам, а днем выбирали стоянки понезаметнее. Так, без особых событий шли дни, пока не настал восьмой из них.

Седьмой день выдался облачным, но к ночи стало проясняться и рожок молодой луны замелькал в разрывах туч. Сэм долго смотрел на нее, морща лоб и шевеля губами.

На следующий день характер берегов стал быстро меняться. Появились скалы, поросшие терном и ежевикой. Кое-где за камень цеплялись кривые от постоянных ветров пихты. Впереди лежало нагорье Эмин Майл.

На прибрежных утесах гнездилась масса птиц. Теперь в воздухе по целым дням кружились стаи. Арагорн с беспокойством посматривал на них, прикидывая, далеко ли разнеслись вести об их путешествии и не приложил ли к этому лапу Горлум.

На закате он заметил, очень высоко и далеко, огромную птицу, описывавшую медленные круги.

– Посмотри-ка, Леголас, похоже на орла?

Эльф прищурился.

– Орел. Он на охоте. Странно. Слишком далеко от гор.

– Подождем, пока стемнеет, - решил Арагорн. - Тогда и двинемся.

Восьмая ночь плавания выдалась тихой. Тонкий серпик луны рано растаял в светлой полосе заката, небо над головами было ясным, и только на юге громоздились тучи.

– Пора, - сказал Арагорн. - Рискнем сделать еще один переход. Я плохо знаю здешние берега, по воде здесь никогда не ходил, но, по-моему, до Сари Гебира еще далеко. Нам могут попадаться маленькие островки. Они каменистые, смотрите в оба!

Сэма назначили вперёдсмотрящим. Он улегся на носу лодки, всматриваясь в ночь. Высыпали на редкость крупные звезды, поверхность воды слабо поблескивала. Около полуночи Сэм закричал. Впереди, всего в нескольких ярдах, вставали темные зубчатые контуры скал, вода изменила голос. Течение ускорилося, лодку отнесло влево, и она заплясала в пенных гребнях. Справа из воды торчали сплошные камни. Лодки подогнало друг к другу.

– Эй, Арагорн! - крикнул Боромир. - Это же безумие - лезть ночью на стремнину. Ни одна лодка не пройдет Сарн Гебир даже днем.

– Назад! - закричал Арагорн, изо всех сил удерживая лодку на месте. - Уходите под берег! Я, наверное, ошибся, - признался он Фродо. - Течение быстрее, чем я думал. Сарн Гебир совсем рядом.

Путешественникам стоило немало труда развернуть лодки. Они медленно продвигались против течения, сносившего их к восточному берегу.

– Навались! - кричал Боромир. - Навались разом, иначе нас выбросит на камни.

Фродо почувствовал, как дно лодки задело за что-то. И тут, в довершение ко всему, на них посыпались стрелы. Одна так ударила Фродо в спину, что он едва не вылетел из лодки. Другая пронзила капюшон Арагорна, третья застряла в борту второй лодки под рукой Мерри. Сэму показалось, что он видит мечущиеся темные фигуры на низком восточном берегу. Они были близко.

– *Ирч!* - воскликнул Леголас, от волнения переходя на родной язык.

– Орки! - крикнул Гимли.

– Горлум! Его лап дело! - уверенно произнес Сэм. - И выбрали же место! Река-то нас прямо на них несет.

Все налегли на весла, даже Сэм. Каждый миг любой из путников ждал удара черной оперенной стрелы. Над головами посвистывало, стрелы вспарывали воду рядом с бортами, но пока никто не пострадал. Темнота не могла помешать целиться мордорским лучникам - орки обладали ночным зрением, но серые борта лодок и эльфийские плащи сбивали их с толку.

Во тьме нелегко было определить, насколько успешны усилия гребцов. Но вскоре напор воды уменьшился, течение стало поспокойнее, и уже не так трудно было отвести лодки в густую тень под западный берег. Только там, причалив, они позволили себе отдохнуть. Леголас тут же бросил весло и с луком в руках выпрыгнул на берег. Положив стрелу на тетиву, он обернулся, выискивая цель, но в темноте с той стороны доносились только грубые крики. Над головой эльфа в звездном свете поблескивали скалы, но по небу неслись уже невесть откуда взявшиеся рваные облака, быстро затягивающие звездные поля.

Внезапный страх почувствовали одновременно все.

– *О Элберет Гилтониэль!* - выдохнул эльф, взглянув вверх.

Огромная темная тень, только похожая на облако, но двигавшаяся куда быстрее, налетала с юга. Скоро уже можно было различить очертания невиданной крылатой твари. Ее появление, судя по крикам на том берегу, вызвало ликование среди орков.

Леденящий ужас сковал Фродо. Старая рана в плече отозвалась пульсирующей болью. Хоббит распластался по дну лодки, тщетно пытаясь спрятаться.

Громко зазвенела тетива большого лориенского лука. Фродо поднял голову. Крылатая тень дернулась и резко отвернула в сторону. Хриплый обиженный карк упал с неба, и все стихло. С того берега взорвались озлобленные, разочарованные крики, и больше - ни стрелы, ни звука.

Немного погодя Арагорн отвел лодки еще выше по Реке и остановился в маленьком

мелком заливчике. Здесь, под низкорослыми деревцами, решили ждать рассвета, даже не выходя из лодок, а просто сведя их бортами и прижавшись друг к другу.

– Хвала и слава лориенскому луку и твердой руке, - сказал Гимли, закусывая эльфийскими лепешками. - Это был великолепный выстрел, друг мой.

– Только вот кто бы мне еще сказал, во что я попал? - пробормотал обескураженный эльф.

– Этого я не знаю, - степенно ответил Гимли, - но рад, что оно улетело. Мне оно не понравилось. Слишком Барлога напомнило, - закончил он шепотом.

– Это не Барлог, - пытаюсь унять дрожь, возразил Фродо. - Оно совсем холодное, слишком холодное. Мне показалось... - Он не стал продолжать.

– Ну, что показалось? - настойчиво спросил Боромир; он даже перегнулся из своей лодки, пытаюсь разглядеть лицо хоббита.

– Не стану я говорить, - пробормотал Фродо. - Чем бы оно ни было, а те, на берегу, струхнули, когда оно улетело.

– Мне тоже так показалось, - согласился Арагорн. - Но мы так и не знаем, сколько их там и что они намерены предпринять. Эту ночь спать не придется. Сейчас-то темно, а что день принесет? Держите оружие наготове.

Сэм сидел, барабанил пальцами по рукояти меча и все поглядывая на небо.

– Вот чудно, - бормотал он. - Луна ведь у нас одна, что в Шире, что еще где-нибудь. То ли она с пути сбилась, то ли я - со счета. Фродо, - обратился он к хозяину, - вы ведь помните, когда мы на флет влезли, луна как раз на убыль шла, этак с неделю после полнолуния. Неделю мы по Реке плывем. В прошлую ночь новая луна народилась. Это что же получается? Были мы в Лориене или не были?

Три ночи я помню, ну, может, их еще несколько было, но не целый же месяц! Или там время вообще не считано?

– Может, здесь дело вот в чем, - задумчиво проговорил Фродо. - В Лотлориене все еще пребывает время, которое во всех остальных местах давно прошло. А когда Серебрень вынесла нас в Андуйн, мы вернулись в то время, которое властвует над всеми смертными землями. В Карас Галадоне я помню только солнце и звезды, а никакой луны не видел.

Леголас пошевелился в своей лодке.

– Нет, Фродо, время нигде не стоит на месте. Но в разных местах ход его неодинаков. Для эльфов мир тоже меняется, причем меняется и медленно, и быстро. Быстро потому, что сами эльфы почти неизменны, события и времена летят мимо, мало задевая их, - в этом печаль эльфийского народа. А медленно потому, что эльфы не считают уходящих лет. Смена времен года - только рябь для них, вечно бегущая по поверхности реки времени. Но все под солнцем имеет свой конец.

– Только Лориен идет к концу очень неспешно, - проговорил Фродо. - На нем охрана Владычицы. Это власть ее Кольца делает часы и дни в Карас Галадоне насыщенными и незаметными.

– Молчи! - остановил его Арагорн. - За границей Лориена нельзя говорить об этом. Сэм просто сбился со счета. В эльфийской стране время пролетело мимо нас. Старая луна ушла, народилась новая и тоже ушла, а вчера вечером появилась опять. Зима кончается. Скоро весна, только надежды она в этот раз не принесет.

Ночь молчала. До самого рассвета из-за Реки не донеслось ни звука, ни крика. Съезжившиеся в лодках путники чувствовали, как меняется погода. Потеплело. Воздух стал тихим и отсыревшим под огромными дождевыми тучами, пришедшими с юга, от далеких морей. Голос Сарн Гебира громче зазвучал под утро. С веток деревьев падали капли сгустившегося тумана.

Рассвет подкрался незаметно и потянул за собой грустный день, лишенный теней и настоящего света. Река тонула в белесом тумане, восточного берега как будто не было.

– Терпеть не могу туман, - ворчал Сэм, - а тут ладно уж, тут он кстати. Глядишь, эти

проклятые гоблины нас и не заметят.

– Они-то не заметят, - откликнулся Арагорн, - но ведь и нам дороги не увидеть. Надо же обходить Сарн Гебир.

– А зачем? - неожиданно спросил Боромир. - Если впереди Эмин Майл, мы вполне можем бросить эти утлые скорлупки и свернуть на юго-запад. Потом переберемся через Энтову Купель и окажемся в моей стране.

– Возможно, этим путем мы бы и пошли, если бы стремились попасть в Минас Тирит, - возразил Арагорн. - Но такого решения никто не принимал. К тому же дорога, которую ты предлагаешь, не безопасна. Долина Энтовой Купели плоская и заболоченная. Если туман застанет там путников, им не позавидуешь. Лодки нам еще пригодятся. Река - это такая тропа, с которой по крайней мере не собьешься.

– Но ты же видел, на том берегу враги, - настаивал Боромир. - Хорошо, допустим, мы пройдем Ворога Аргоната и доберемся до Крутояра, дальше что? Прыгать с вершины Рэроса прямо в Гиблые Болота?

– Ну зачем же? - Чем больше горячился Боромир, тем спокойнее становился Арагорн. - Обнесем лодки по берегу и снова спустим на воду. Ты же не мог забыть о Северной Лестнице и сторожевом посту на Амон Хене. Я собирался обязательно заглянуть туда, осмотреться и принять решение в зависимости от того, что мы увидим.

Боромир долго еще настаивал и приводил аргументы, но, когда Фродо сказал, что идет с Арагорном, сразу сдался.

– Люди Минас Тирита не бросают друзей в беде, - совершенно другим тоном сказал он. - Вам без меня не справиться. Но дальше Крутояра я не пойду. Даже если мне не найдется спутников, я все равно должен идти домой.

Туман постепенно поднимался. Арагорн с Леголасом решили пройти вдоль берега, поискать дорогу, чтобы обойти пороги.

– Я вполне верю, что лориенские лодки не тонут, - заметил Арагорн. - Но живые не ходят через пороги Сарн Гебир. Гондорских дорог здесь нет, мы ведь на самой границе, а вот древний волок должен остаться. Надо только поискать его. Еще несколько лет назад легкие лодки спускались до Осгилиата, только с появлением орков путь по воде забросили.

– Что-то я не помню на своей памяти ни одной лодки с севера, - скептически произнес Боромир. - Чем дальше вперед, тем опасней.

– Любая дорога на юг опасна, - пожал плечами Арагорн. - Мы идем. Ждите нас до вечера. Если мы не вернемся, выбирайте нового проводника и уходите, как сможете.

Фродо, чувствуя тяжесть на сердце, проводил взглядом человека и эльфа, быстро исчезнувших в тумане. Но страхи оказались напрасны. Уже к полудню разведчики вернулись.

– Все в порядке, - спустившись с косогора, успокоил их Арагорн. - Там есть тропа, а

ниже - хороший спуск к воде. Пороги начинаются неподалеку и тянутся не больше мили. Дальше русло спокойное. Сложно только дотащить лодки и груз до старого волока. До него не больше фарлонга, но подъем крутой. Наверное, выше по течению был причал, а мы проскочили его прошлой ночью. Но он, скорее всего, разрушен. Лучше идти к волоку прямо отсюда.

– Будь мы все Людьми, и то это непростое дело, - проворчал Боромир.

– Все же придется попытаться, - ответил Арагорн.

– Сделаем, - заверил Гимли. - Там, где люди спотыкаются, гном идет себе и еще несет вдвое больше своего веса, мастер Боромир!

Но задача и в самом деле оказалась нелегкой. Сначала разгрузили лодки и вынесли пожитки наверх. Потом подняли и перенесли лодки. Против ожидания они оказались совсем легкими. Даже Леголас не мог сообразить, из какого дерева они сделаны, но двое хоббитов легко несли лодку по ровному месту. Однако тропа шла круто вверх по скалам, заросшим ежевикой, а кое-где попадались неожиданные болотистые низинки.

Лодки перетаскивали Арагорн и Боромир, а остальные пыхтали за ними с вещами. Наконец все оказалось сложено у начала волока, дальше пошло легче. Туман все еще висел над Рекой, слышно было, как бьется и плещет вода в порогах. За два раза груз и лодки переправили к маленькому озерку, сообщающемуся с рекой ниже Сари Гебира. Ложе озерка, видимо, выточила вода, завихряясь ниже последнего порога. Дальше дороги по берегу не было.

Полдень давно миновал, дело шло к вечеру, когда путники, отирая пот, сели возле воды, прислушиваясь к реву и грохоту стремнины. Все устали, и настроение было под стать уходящему сумрачному дню.

– Здесь придется заночевать, - сказал Боромир, - все устали, и вряд ли есть смысл пытаться пройти в темноте Ворота Аргоната. Хотя наш стойкий гном, несомненно, рвется вперед.

Гимли никак не реагировал. Он стал клевать носом, как только сел.

– Ладно, отдохнем, - согласился Арагорн. - Отчалим утром. Если туман продержится, может, удастся проскользнуть незаметно. Но дежурить будем по двое.

Ночь не принесла ничего хуже морозящего дождя под утро. На рассвете, по-прежнему в тумане, но уже не в таком плотном, как накануне, тронулись в путь, держась поближе к западному берегу. Утро кончалось, когда дождь полил сильнее. Лодки прикрыли кожаными фартуками, весла отложили и так сплавлялись по течению сквозь сплошную дождевую кисею.

Впрочем, дождь скоро прекратился. Постепенно развиднелось, а потом облака как-то вдруг разошлись и клочьями унеслись к верховьям Реки. Туман исчез. Река текла в огромном каньоне, и течение снова заметно ускорилося. Остановиться здесь вряд ли удалось бы. Впереди, против солнца, темнели высокие холмы Эмин Майл, и в них не заметно было ни единого просвета.

Фродо, взглядывавшийся вперед, наверное, первым заметил вдали две огромные скалы. Высокие, угрюмые, они с двух сторон стиснули Реку, и лодки несло как раз между ними.

– Это Аргонат, Столбы Королей! - воскликнул Арагорн. - Держитесь на середине потока и как можно дальше друг от друга.

Столбы вставали навстречу и все больше казались Фродо молчаливыми грозными фигурами гигантов. Но лишь через несколько минут он понял, что это не обман зрения. Камень был обработан. Мастерство и мощь древности сквозь зной и холод лет пронесли облики былого. Из быстрых вод вздымались каменные короли. Время, словно глубокими морщинами, избородило трещинами их лица, обращенные на север. Левая рука каждого изваяния в предостерегающем жесте протянулась вперед, правая сжимала боевой топор. Величие и сила молчаливых стражей давно исчезнувшего королевства настолько поразили Фродо, что он в благоговейном ужасе опустился на дно лодки и закрыл глаза. Даже Боромир склонил голову, когда легкие серые скорлупки лодочек проносились в тени гигантов.

За Воротами Аргоната утесы по обе стороны Реки взметнулись высоко в небо. Река словно выгнула напряженную спину и несла лодки все быстрее, ветер тоскливо вскрикивал над ними. Фродо сидел, сжавшись в комок, и слушал, как бормочет за спиной Сэм: «Что за место! Что за жуткое место! Только дайте мне выбраться из этой проклятушей лодки, я не то что к реке, к луже-то больше в жизни не подойду!»

– Не надо бояться! - раздался зычный голос.

Фродо обернулся и увидел... Колоброда? нет, пожалуй, не его. Усталого, вечно озабоченного Следопыта из Пустоземья больше не было. На корме лодки, гордо выпрямившись, стоял Арагорн, сын Арахорна. Легкими точными движениями он направлял лодку. Темные волосы развевались по ветру, в глазах - свет: король, возвращающийся на родину из долгого изгнания.

– Не надо бояться! - повторил он. - Давно стремился я узреть образы моих далеких предков, Исилдура и Анариона. Под их тенью нечего опасаться Элессару Эльфиниту, Наследнику Элендила.

Постепенно свет в его глазах угас, и он проговорил уже про себя: «Ах, если бы Гэндальф был здесь! Как тоскует мое сердце по Минас Анору, по стенам моего города! Куда же теперь направлю я путь?»

Длинный и темный каньон, наполненный шумом ветра и гулом несущейся воды, постепенно изгибался к западу. Вскоре впереди показался и начал стремительно расти свет. Внезапно лодки вынесло на простор, и Фродо зажмурился.

Солнце сияло в ветреном небе. Вырвавшись из каньона, Река широко разливалась в холмах, поросших лесом. Вдали на юге среди вод вставал остров, и Андуйн словно обнимал его двумя светлыми мерцающими руками. По берегам поднимались еще две вершины. Издалека ветер принес гулкий рокот.

– Тол Брандир, сказал Арагорн. - Слева - Амон Лав, а справа - Амон Хен, сторожевые посты Чуткий и Зоркий. Там, на вершинах, во времена королей несли дозор. Но на вершину

Тол Брандира никогда не ступал ни зверь, ни человек. Еще до заката мы будем там. Я уже слышу голос Рэроса.

Отряд немного передохнул; сцепив лодки, перекусили, потом взялись за весла. На западе холмы уже окунулись в вечернюю тень, солнце висело на горизонте слегка сплюснутое, большое и красное. Скоро появились первые ранние звезды. Три вершины темнели впереди. Все громче ревел Рэрос.

Приставали уже в глубоких сумерках. На исходе десятого дня пути Бурые Земли остались позади. Предстояло, наконец, сделать выбор между западом и востоком и выполнить последнюю часть Задачи.

Глава 10 Отряда больше нет

Арагорн привел их к началу правого рукава Реки. Здесь, у подножия Амон Хена, к воде спускалась зеленая приветливая лужайка с узким песчаным пляжем. Поодаль начинался лес, покрывавший склоны холма. Маленький родничок, весело кувыркаясь, петлял в траве.

– Вот здесь и заночуем, - сказал Арагорн. - Это Порт Гален, в старину - замечательное чистое место. Может быть, Зло еще не добралось сюда.

Лодки вытащили на берег и разбили лагерь. Дозорного, конечно, назначили, но никаких признаков врагов не ощущалось. Если Горлум и продолжал следить за отрядом, то научился делать это очень осторожно.

Арагорн спал беспокойно, метался во сне, часто просыпался. Перед рассветом он встал и подошел к дежурившему Фродо.

– Ты чего не спишь? - спросил хоббит. - Все ведь спокойно. Ложись, я дежурю.

– Не спится мне, - ответил Арагорн. - Видно, чувствую что-то. Достань-ка меч, давай поглядим.

Фродо с удивлением достал из ножен Шершень. Края клинка тускло светились в ночи.

– Орки! - в ужасе проговорил Фродо. - Не очень близко, но и недалеко ведь.

– Вот этого я и боюсь, - отозвался Арагорн. - Конечно, может, они на том берегу, клинок-то едва светится. А может, и не орки, а просто какие-нибудь вражьи шпионы на Амон Лав. Я никогда не слышал об орках на Амон Хене. Правда, то было раньше. Минас Тирит больше не сдерживает врага у Реки. Завтра надо быть поосторожнее.

Утро раскрасило небо в красные и черные тона. Низко на востоке нависли мрачные тучи, словно дым огромного пожара. Восходящее солнце подсвечивало их снизу, но скоро выбралось в чистое небо, позолотив вершину Тол Брандира.

Фродо разглядывал высокий остров. Крутые стены обрывались в воду. Непрístupные скалы штурмовали упорные одинокие деревья, цеплявшиеся за каждую щель или трещину. Над вершиной острова, неправдоподобно высокой, кружились птицы. Действительно, никаких признаков других живых существ глаз не замечал.

После еды Арагорн собрал отряд на совет.

– Вот он и пришел, день выбора, - промолвил он. - Как ни откладывай, а надо решать. Что станет с нашим братством? Повернем ли мы на запад и уйдем ли вместе с Боромиром в сражающийся Гондор, уйдем ли на восток, к Страху и Тени, или вовсе разойдемся кто куда по своим дорогам? Какое бы решение мы ни приняли, принимать его надо быстро. Задерживаться здесь нельзя. На том берегу мы видели орков, но я опасуюсь, как бы они не переправились и на наш.

После его слов настало долгое молчание.

– Ну, Фродо, - заговорил наконец Арагорн, - боюсь, решать предстоит тебе. Ты - Хранитель, назначенный Советом, и выбор за тобой. Даже я ничего не могу предложить тебе. Я ведь не Гэндальф, хотя и пытался, насколько мог, делать его работу. Я не знаю, что у него было припасено для этого дня, да и было ли? Даже будь он с нами, решать все равно пришлось бы тебе. Это - твоя судьба.

Фродо долго молчал, а потом медленно, через силу заговорил.

– Я знаю, времени мало. Но я пока не могу выбрать. Тяжело мне. Я хотел бы побыть один. А через час скажу, ладно?

Арагорн тепло взглянул на него.

– Конечно, Фродо, сын Дрого. У тебя будет час, и ты будешь один. Мы останемся здесь. Только не отходи далеко, чтобы можно было позвать.

Фродо посидел еще минуту, опустив голову. Сэм, с беспокойством наблюдавший за ним, отвернулся, покачал головой и пробормотал: «Ясно как день! Только не след Сэму Гэмджи встревать сейчас».

Фродо встал и пошел прочь. Остальные сдержались и не стали мешать ему даже взглядами. Только Боромир (Сэм случайно заметил это) провожал Фродо глазами, пока он не скрылся за деревьями у подножия Амон Хена.

Фродо бесцельно бродил по лесу, но скоро набрел на тропу - жалкие остатки давней дороги - и начал подниматься по ней. Там, где становилось слишком круто, попадались вырубленные в скале ступени, выветренные и расколотые корнями деревьев. Скоро тропинка вывела его на плоскую, поросшую травой и рябинником поляну. Посредине торчал камень. Здесь было тихо, светило солнышко. Фродо повернулся к Реке, к Тол Брандиру, над которым все так же кружились птичьи стаи, и долго вслушивался в гневный голос Рэроса. Потом сел на камень и, уперев подбородок в ладони, невидящим взглядом уставился на восток. Он перебирал в памяти все случившееся с тех пор, как Бильбо ушел из Ширы, вспоминал слова Гэндальфа. Время шло, а выбор оставался все так же далек и труден.

Внезапно он очнулся от раздумий. Ощущение жесткого, неприятного взгляда в спину заставило его резко вскочить и обернуться. Но, к своему облегчению, он увидел только Боромира, с доброй улыбкой идущего к нему через поляну.

– Я беспокоился за тебя, Фродо, - подходя, проговорил гондорец. - Если прав Арагорн и орки близко, нельзя нам по одному ходить, а тебе в особенности. Слишком много от тебя зависит. У меня тоже тяжело на сердце. Можно я поговорю немножко, раз уж я нашел тебя? А то, когда народу много, любой разговор в спор превращается, и конца этому не видно. А вдвоем, глядишь, мы и отыщем мудрое решение.

– Ты добрый, - сказал Фродо, - но вряд ли мне помогут слова. Я ведь уже решил, Боромир, только боюсь решиться.

Боромир напряженно слушал. Неумолчно ревел Рэрос. Ветер забормотал в ветвях деревьев. Фродо вздрогнул.

Воин подошел и решительно сел рядом на камень.

– А может, ты напрасно страдаешь? - участливо спросил он. - Я в самом деле хочу помочь тебе. В трудный час плохо без совета. Почему бы тебе не выслушать мой?

– Я, наверное, знаю, каков он будет, - со слабой улыбкой проговорил Фродо. - Да, он кажется мудрым, но сердце остерегает меня.

– Остерегает? От чего же? - не сдержавшись, воскликнул Боромир.

– От задержки. От пути, который кажется легче. От того, чтобы сложить мой груз. От... - он запнулся, - ладно, раз уж это должно быть сказано - от веры в силу и чистоту намерений Людей.

– Но ты же слышал, именно эта сила долго охраняла твою далекую страну, хоть вы и не знали об этом.

– Да нет. Я не сомневаюсь в доблести твоего народа. Но в мире все так изменчиво. Да, в Минас Тирите крепкие стены, но если они падут, что тогда?

– Тогда и мы с честью паддем в битве. Но пока есть надежда, что они выстоят.

– Нет такой надежды, - вздохнул Фродо, - пока есть в мире Кольцо.

– А! Кольцо! - Глаза Боромира сверкнули. - Вот оно что! Кольцо! Что за странная судьба! Столько страхов, столько сомнений из-за такой маленькой штучки. Я даже не рассмотрел его как следует там, на Совете. Может, дашь мне хоть взглянуть на это чудище еще разок?

Фродо поднял глаза и похолодел. На лице воина замерла дружелюбная улыбка, но взгляд...

– Мне кажется, не стоит этого делать, - как можно мягче произнес Фродо.

– Ну и ладно. Нет и не надо! - как-то суетливо воскликнул Боромир. - Но хоть говорить-то о нем можно? Мне кажется, ты все думаешь, сколько зла оно может натворить, попади оно к Врагу. Но ты же сам сказал: мир меняется. Конечно, Минас Тирит падет, если Кольцо останется. Но он падет, если Кольцо останется у Врага! А пока оно у нас!

– Ты что, не был на Совете? - удивился Фродо. - Мы не можем воспользоваться Кольцом. Все сделанное его силой обернется во Зло.

Боромир вскочил и нетерпеливо принялся расхаживать по поляне.

– Ну что ты заладил? - в раздражении заговорил он. - Это Гэндальф с Элрондом научили тебя. Может, они и правы... для себя. Все эти эльфы, эльфиниты, маги - для них, может, оно и будет злом. Но что-то мне сомнительна их мудрость. Не трусость ли скрывается за их

осторожностью? Ладно, каждому свое. Людей с честными сердцами не испортишь. Мы в Минас Тирите доказали это в долгих испытаниях. Нам не нужна сила магов, защищающих только себя. Но мы в большой нужде. А тут - надо же! - случай приносит Кольцо Всевластья. Вот так подарок для Мордора! Это же сущее безумие - не воспользоваться против Врага его же оружием. Только бесстрашные, только безжалостные добьются победы! Многое в этот грозный час судьбы может сделать отважный воин, великий вождь. Например, Арагорн. Ах, он не хочет, он отказывается? Ладно. Тогда почему не Боромир? Кольцо дало бы мне силу власти! О как бы я гнал орды Мордора! Под мои знамена сошлись бы все свободные народы Запада.

Боромир метался по поляне, срываясь на крик. Теперь он говорил о крепостях и стенах, об оружии и военном союзе людей и совсем, кажется, забыл о Фродо. Он рисовал планы великих побед, он уже расправился с Мордором, раздавил его и сам стал могучим королем, мудрым и великодушным. Внезапно он остановился и потряс сжатыми кулаками.

– А нам говорят: выбросить его! - завопил он. - Не уничтожить - любому ясно, что это невыполнимо, - нет, просто выбросить. Дескать, полурослик отправится в Мордор - и что? А ничего. Просто Враг отберет у него Кольцо - и все. Ведь это же глупость!

Воин повернулся к Фродо.

– Ведь ты же понимаешь это. Ты сказал, что боишься, и правильно. Это понятно. Конечно, твой здравый смысл протестует против вопиющей глупости.

– Да нет, - остановил его Фродо. - Я просто боюсь. Но я рад был выслушать тебя. У меня в голове прояснело.

– И ты идешь в Минас Тирит? - Лицо Боромира выражало крайнее нетерпение.

– Ты неправильно понял меня, - слегка смутясь, ответил Фродо.

– Но ты зайдешь? Хоть ненадолго? - настаивал Боромир. - Мой Город уже недалеко, а оттуда до Мордора почти столько же, сколько и отсюда. Узнаешь, что подельывает Враг. Мало ли что изменилось за это время. Раз уж ты непременно решил идти в Черную Страну, хоть отдохнешь перед походом. Ну, идем со мной, Фродо! - Он дружески положил руку на плечо хоббиту. Это выдало его: рука дрожала от едва сдерживаемого возбуждения.

Фродо отступил и с тревогой взглянул на высокого, сильного воина.

– Ну почему ты мне не доверяешь? - Боромир терял терпение. - Я честный человек и честно скажу тебе: да, мне нужно твое Кольцо, но только на время. Я испытаю свой план и верну тебе. Одолжи мне его, а?

– Нет, ни за что! - Фродо отшатнулся. - Совет доверил его мне!

– Вот из-за этих глупостей Враг и разобьет нас в конце концов! - выкрикнул Боромир. - Ну что ты за упрямый дурак! Сам лезешь Врагу в зубы, ведь сгинешь ни за грош и нас лишишь единственного шанса. Уж если кто из смертных и может владеть им по праву, так это мы,

наследники Нуменора, а вовсе не какие-то там полурослики! Да это же несчастный случай, что оно к тебе попало! Оно должно быть моим, оно моим и будет! Отдай его мне!

Фродо, не отвечая, все отступал, пока между ними не оказался камень.

– Ну, что же ты? - сбавив тон, проговорил Боромир. - Неужели ты не хочешь разом избавиться от всех сомнений и страхов? Ведь твоей вины тут нет. Скажешь, что ты не справился со мной, и я отнял его. Тебе ведь и в самом деле не справиться со мной. - Воин внезапно прыгнул через камень к Фродо. Открытое мужественное лицо гондорца разительно изменилось, в глазах бушевало алчное яростное пламя.

Фродо увернулся, и камень снова разделил их. Теперь оставалось только одно. Трясущимися руками Фродо вытянул цепочку и надел Кольцо. Он едва успел это сделать, как воин снова прыгнул на него. На миг Боромир остолбенел, а потом принялся метаться по поляне, растопырив руки.

– Жалкий пройдоха, - орал он, - фокусник! Ну, погоди, дай мне до тебя добраться! Ага, я понял твою затею: ты хочешь отнести его Саурону и продать нас всех! Ты только случая искал подходящего. У-у, будь ты проклят, ты и все эти полурослики, сколько их есть на свете!

Потом он споткнулся о камень, упал ничком и затих, будто пораженный собственным проклятием, а спустя минуту тихо заплакал. Еще через некоторое время он поднялся, с силой провел рукой по лицу и дико огляделся.

– Что я наговорил! - воскликнул Боромир. - Что я натворил! Фродо! Фродо! Я сошел с ума, но теперь все кончилось. Вернись, Фродо!

А Фродо был далеко и даже не слышал его криков. Ничего не замечая вокруг, он мчался по тропинке к вершине холма. Ужас смешивался в нем с жалостью. Перед глазами все еще стояло искаженное яростным безумием лицо Боромира.

Только на вершине Амон Хена Фродо остановился, с трудом переводя дыхание. Словно в тумане виделась ему широкая круглая площадка, вымощенная обтесанными плитами и окруженная невысокой зубчатой стеной. Посредине на четырех резных столбиках высилось каменное кресло. Несколько ступеней вели к нему. Чувствуя себя заблудившимся малышом, залезшим на трон горных королей, Фродо поднялся по ступеням и сел в древнее кресло.

Поначалу, забыв про Кольцо, он с удивлением взирал на туманный мир, наполненный неясными тенями. Однако уже через несколько мгновений туман стал редеть, и яркие четкие образы явились перед глазами хоббита. Но мир оставался погруженным в глубокую тишину. Фродо сидел на вершине Амон Хена, в Дозорном Кресле Людей Нуменора. Он взглянул на восток - там простирались неведомые земли, неизвестные равнины чередовались с безмянными лесами. Он взглянул на север - и лента Великой Реки развернулась перед ним во всю длину, а вдали, совсем невысокие, словно старые обломанные зубы, торчали Мглистые Горы. На запад обратил он взгляд - и посреди безбрежных пастбищ Рохана встал, подобный

черному шипу, Ортханк - неприступная башня-крепость Изенгарда. Обернувшись на юг, он увидел сияющую радугу над рушащимися в бездну Рэроса водами Андуина. Дальше над причудливой излучистой дельтой кружились стаи морских птиц, как крупинки белой соли под солнцем, а еще дальше лежало Море. И везде, везде являлись ему знаки войны. Мглистые Горы шевелились, как разворошенный муравейник: орки выбирались наружу из тысяч щелей. Под кронами Сумеречья Эльфы и Люди насмерть бились с какими-то злобными тварями. Пламя металось над землей Бьорнингов; мрачная туча нависла над Морией, дым застилал границы Лориена. По ковыльным степям Рохана мчались всадники; волки серым ручьем текли из ворот Изенгарда; в гаванях Харада снимались с якорей боевые корабли; а с востока шли и шли войска. Темный Владыка привел в движение все свои силы. Фродо снова взглянул на юг. Белостенный, многобашенный, гордый Минас Тирит вздымал к небу яркие стяги. Сталью мерцали зубцы стен. Вид этой твердыни заронил в сердце хоббита луч надежды. Но уже различал он напротив Минас Тирита другую крепость, еще более грозную и мощную. К ней невольно тянулся его взор. Вот разрушенные мосты Осгилиата, вот оскал ворот Минас Моргула, вот за горной цепью безжизненным пятном легла ужасная Горгоратская долина. Дым пеленой укрыл ее, а в дыму изредка полыхали багровые огни. Но нет, то был не дым, то изрыгала тучи пепла Роковая Гора. На ней задержался взгляд Фродо, на ней и нескончаемых укреплениях, черных, могучих, непреодолимых. Там, за железными, стальными, алмазными стенами, яростно вздыбился Барад Дур, Крепость Саурана. Остановив на ней взор, Фродо почувствовал, как всякая надежда покидает его.

И внезапно он ощутил Око. Там, в Черной Крепости, недреманное Око встревожилось, почуяв взгляд хоббита. Яростная решимость собралась в пучок, в один ищущий перст и метнулась через разделяющее их пространство. Вот сейчас она найдет его, вот стремительно обшарила скалы Чуткого, вот мельком скользнула по Тол Брандиру - хоббит скатился с каменного кресла и сжался в комочек у подножия, накрыв голову капюшоном плаща.

Кажется, он кричал: «Никогда!», а может, это было: «Я приду к тебе»... А потом словно пронзительный луч прорвался сквозь давящую вражью волю, ворвался в сознание отчаянной мыслью: «Сними! Немедленно сними его! Сними Кольцо, дуралей!»

Две могучие силы, две воли скрестились в нем, словно два клинка. Мгновение Фродо казалось, что он не выдержит этой пытки, и вдруг все исчезло. Он, Фродо из Шира, снова был самим собой, свободным в выборе, помнившим о долге. В последний оставшийся для этого миг он снял Кольцо. Вокруг синел ясный солнечный день, над ним возвышалось древнее кресло, и черная тень, скользнув над рекой, оставила Амон Хен, убралась с запада, растаяла в туманной дали, а вокруг в ветвях деревьев беззаботно пели птицы.

Фродо поднялся на ноги. От усталости его пошатывало, но воля окрепла, а на сердце полегчало. Словно подводя итог, он сказал сам себе:

– Теперь я готов. Злая воля Кольца уже проникла в отряд. Нельзя позволить Кольцу оставаться здесь дольше, иначе жди горших бед. Идти придется одному. Некоторым я не доверяю, а другие слишком дороги для меня. Колоброд рвется в Минас Тирит, он нужен там, нужен вдвойне, раз Боромир уже склонился ко Злу. Я уйду один. Прямо сейчас.

Быстро спустившись по тропинке, он вернулся на злополучную лужайку и остановился, прислушиваясь. Кажется, на берегу кричали.

«Наверное, они ищут меня, - подумал Фродо. - Интересно, сколько же меня не было: час, два?» Кажется, он немного растерялся.

– Ну что я могу поделать? - пробормотал он. - Если я не уйду сейчас, то не уйду никогда. Другого случая не будет. Очень не хочется бросать их вот так, тайком. Хотя они поймут, наверное. Сэм поймет. Ведь другого выхода нет...

Фродо медленно вытащил Кольцо снова надел его и, невидимый, спустился с холма.

Отряд долго сидел на берегу Реки. Сначала все молчали, нервно озираясь по сторонам, а потом сошлись кружком и тихо разговаривали. Вспоминали о пройденных лигах, думали о тех, которые ждали их впереди, расспрашивали Арагорна о Гондоре.

Древняя история нуменорского королевства хранила множество удивительных событий, даже здесь, на пограничных землях Эмин Майл, встречались следы былого величия: каменные короли на Реке, посты на Чутком и Зорком, лестница в скалах у Рэроса. Но о чем бы они ни говорили, мысли неизбежно возвращались к Хранителю и Кольцу. Как решит Фродо? Почему он медлит?

– По-моему, - заговорил Арагорн, - он пытается понять, какой путь менее безнадежен. Горлум выследил нас, это понятно. Значит, идти на восток опасно. Путь нашего отряда - больше не тайна для врага. Но Минас Тирит не приблизит нас к Огненной Горе и к уничтожению Кольца. Правитель Денетор со всеми своими войсками не сможет сохранить в тайне пребывание Кольца в Городе, точно так же, как не сможет сдержать полчищ Врага, когда он явится за Кольцом. Какой бы путь выбрали мы на месте Фродо? Не знаю. Вот когда нам особенно нужен был бы Гэндальф.

– Да, горестную потерю мы понесли, - кивнул Леголас. - Но что поделать: его нет, а решать надо. Если Фродо не может отважиться сделать выбор, мы должны помочь ему. Давайте позовем его и проголосуем. Лично я - за Минас Тирит.

– И я тоже, - проворчал Гимли. - Да, нас никто не заставлял искать Роковую Гору. С нас не взяли никакой клятвы. Тяжко было покинуть Лотлориен. Но теперь мы зашли так далеко, что остается только сделать последний выбор. Я не оставлю Фродо. Да, я пошел бы в Минас Тирит, но если он решит иначе, я пойду с ним.

– Ты прав, друг Гимли, - согласился Леголас. - Было бы бесчестным сказать ему «прощай» теперь. Я иду с ним, на восток или на запад.

– Пожалуй, это действительно выглядело бы предательством, - подтвердил Арагорн. - Но если он выберет путь на восток, всему отряду незачем идти с ним. Да все и не пойдут. На этом отчаянном пути риск одинаков и для восьмерых, и для двоих. Если бы вы позволили мне выбрать нашему Хранителю спутников, я бы назвал Сэма, он все равно не останется, Гимли и себя. Боромир хочет в Город, он и правда нужен отцу и своему народу. Остальным я посоветовал бы идти с ним. В особенности Мериадоку и Перегрину. Леголас решит сам.

– С чего это вдруг нам оставлять Фродо! - вскричал Мерри. - Да мы с Пиппином куда хочешь за ним пойдём. Ну и что, что мы не представляли там, дома, каково это будет? Зато сейчас-то понятно, что это безумие - идти в Мордор. Надо остановить Фродо, ведь это верная гибель.

– Конечно, надо остановить, - поддержал его Пиппин. - Да только Фродо-то понимает, что мы будем его отговаривать, а просить кого-нибудь идти с ним он не захочет. Ему не позавидуешь: идти в Мордор, да еще в одиночку! - Пиппина передернуло. - Нет бы сообразить бедолаге, что не надо никаких просьб, просто если мы не отговорим его, то не отпустим, и все.

– Я, конечно, извиняюсь, - смущенно, но твердо вступил Сэм. - Плохо же вы моего хозяина знаете. Чего ему раздумывать? Чего он в этом Минас Тирите не видал? Прощения прошу, мастер Боромир... - Сэм обернулся, ища глазами гондорца, но того нигде не было.

- Эй, а куда ж он подевался? - воскликнул Сэм с беспокойством. - Он странный какой-то в последнее время. Ну ладно, не об нем речь, раз он все равно до дому собрался. А Фродо точно нацелился к Горе этой самой идти. Только боится, конечно. А теперь, как до точки, значит, дошло, и подавно. Вот у него на душе кошки и скребутся. Это он еще в пути разного натерпелся, да все мы натерпелись, чего там! А то бы вообще забросил Кольцо в Реку да удрал бы. А так то он все решил, только начать никак не осмелится. Про нас ему чего волноваться? Он знает, что один не останется. Тут другое: если он себя накрутит все ж таки, так ведь один уйдет. Попомните мои слова! Вот вернется, увидите. Потому как он себя наверняка накрутит, не будь он Сумникс!

– Да-а, - побряхтел Арагорн. - Сэм-то, пожалуй, поумнее всех нас судит. И как же быть, если он прав?

– Да чего там! Не пускать - и точка! - выкрикнул Пиппин.

– Как-то ты, Перегрин, не понимаешь, - терпеливо, но с укоризной промолвил Арагорн. - Ведь он - Хранитель. Он отвечает за Кольцо. Не нам заставлять его выбрать то или иное. Да и не пройдет с ним такое. Здесь другие силы действуют, не чета нашим.

– Ну и ладно, - махнул рукой Пиппин. - Пусть он там себя «накручивает», только бы все это побыстрее кончилось. Не могу я ждать больше! Час-то уж давно прошел, поди?

– А ведь верно. - Арагорн поднялся на ноги. - Час давно прошел. Надо позвать его.

В это время появился хмурый Боромир. Он вышел из-за деревьев, молча подошел к

остальным, постоял, словно пересчитывая всех взглядом, и сел в сторонке, уставившись в землю.

– Где ты был? - спросил Арагорн. - Фродо не видел?

Боромир не сразу, но все же ответил:

– Да, я видел его. Там, на склоне, - он неопределенно махнул рукой. - Мы говорили. Я уговаривал его идти в Минас Тирит и, боюсь, не сдержал себя. Он ушел... просто исчез и все. Я думал, такое только в сказках бывает. Наверное, он Кольцо надел. Я искал его, но не нашел. Думал, он вернулся сюда...

– Это - все? - пристально глядя на Боромира, сурово спросил Арагорн.

– Да, - пряча глаза, ответил воин. - Мне нечего больше сказать.

– Это же плохо! - подскочил Сэм. - Я не знаю, что у этого человека на уме было, но не стал бы Фродо просто так эту штуку надевать! Ему же нельзя! Теперь же только Небеса знают, что случиться может!

– Ладно, подожди, - обеспокоенно произнес Мерри. - Может, он его и снял тут же. Удрал от неприятного разговора и снял. Бильбо так и делал.

– Когда это случилось, Боромир? - с тревогой спросил Арагорн.

– С полчаса, должно быть, - ответил гондорец, - а может, и с час. Я еще побродил немного... Ну, не знаю я, не знаю! - вдруг с мукой выкрикнул он и уронил голову на руки.

– Во! Уже час! - закричал Сэм. - Надо же искать его!

– погоди, не мельтеши, - остановил его Арагорн. - Надо разделить по двое...

Но его не слушали. Сэм первый сорвался с места. За ним помчались Мерри с Пиппином, и с криками «Фродо! Фродо!» исчезли в лесу. Побежали Леголас с Гимли. Казалось, внезапное безумие обуяло отряд.

– Этак мы все растеряемся, - охнул Арагорн. - Боромир! Не знаю, какую злую роль сыграл ты в этой беде, но сейчас не время каяться. Помоги! Не оставляй младших хоббитов. Иди с ними. Если нападешь на след, возвращайся. Я скоро приду.

Арагорн поспешил за Сэмом и нагнал его как раз на маленькой поляне, в рябиннике. Сэм, пыхтя и отдуваясь, карабкался вверх, все время зовя Фродо.

– Пойдем вместе, Сэм, - коротко бросил Арагорн. - Нельзя сейчас ходить поодиночке. Кругом беда. Я ее чувствую. Хочу подняться на вершину Зоркого, посмотреть оттуда. О! Посмотри: следы! Я так и думал, что Фродо поднимался здесь. Не отставай! Иди за мной и смотри в оба!

Арагорн помчался вверх по склону.

Сэм принялся было поторапливаться, но где ему было угнаться за Следопытом! Арагорн уже скрылся из виду, и Сэм остановился.

– Стоп! - скомандовал он сам себе. - Раз уж ногами не вышел, так головой работай! Давай-ка сообразим. Боромир, похоже, не врет, не такой он человек; но и всего не говорит. Чем-то он допек нашего Фродо. Ну, и он, конечно, разом себя накрутил. Уходить, значит, собрался. А куда? На восток, вестимо. И без Сэма, стало быть? А чего? И без Сэма уйдет. Ну это ж не по-хоббитски.

Сэм смахнул набежавшие слезы.

– Держись, держись, - забормотал он. - Думай, если сможешь. Через реку он не перелетит и с водопадов прыгать не станет. Он же с пустыми руками ушел, значит, что? К лодкам вернется. О! К лодкам! А ну-ка, Сэм, дуй на берег.

Он повернулся и кинулся вниз. Упал, ободрал колени, поднялся и побежал снова. Выскочив на поляну Порт Галена, он никого не застал там. Издалека слышались какие-то крики, но Сэм даже прислушиваться не стал. Он остолбенел от удивления, глядя, как одна из лодок сама по себе съезжает в воду. Сэм заорал и бросился к берегу.

– Фродо! Я тут! Я иду уже! - кричал он, с разбегу влетая в воду и стараясь ухватиться за борт отплывающей лодки. Но он промахнулся и рухнул в воду, подняв фонтан брызг. Его тут же подхватило течением и окунуло с головой.

Досадливый возглас прозвучал из пустой лодки, она остановилась и развернулась. Фродо ухватил всплывшего, захлебывающегося и отбивающегося Сэма за волосы.

– Ну-ка, поднимайся давай, - произнес голос Фродо. - Держись за руку!

– Спасите меня, Фродо! - заполошно выкрикнул Сэм, кашляя и отплеываясь. - Не вижу я руку-то вашу! Ой, тону!

– Да вот она. Не хватайся, парень, полегче! Не упусти я тебя. Не шарахайся так, лодку перевернешь. Держись за борт, дай мне веслом поработать.

В несколько гребков Фродо подогнал лодку к берегу, и Сэм наконец выкарабкался на песок, мокрый, как водяная крыса. Фродо снял Кольцо.

– Мало мне неприятностей, Сэм, так вот ты еще на мою голову.

– Ой, Фродо, ну так же нехорошо, - дрожа, плачущим голосом проговорил Сэм. - Ну куда это вы без меня собрались, и вообще... А если бы я не догадался, где бы вы были?

– Шел бы себе благополучно своей дорогой.

– Да-а! Благополучно! всхлипнул Сэм. - И один вовсе, без меня даже. А я бы не вынес этого, я бы умер, может!

– Ты умер бы, если бы со мной пошел. Ну и как тогда мне это выносить?

– Да уж хуже-то не будет.

– Я в Мордор иду.

– Само собой, сударь. Конечно, в Мордор, куда ж еще? И я с вами.

– Сэм, - проникновенно произнес Фродо, - ну не задерживай меня, а? Вот-вот остальные вернутся. Если я не успею уйти, придется объяснять, а у меня может духу не хватить. А надо. Это моя единственная возможность.

– Да я понимаю, сударь. Надо идти, а как же! Только со мной. Либо и я пойду, либо никто не пойдет. Я сейчас вот пробью все лодки!

Фродо расхохотался неожиданно. На сердце у него потеплело.

– Одну-то оставь! - посоветовал он. - Нам же понадобится. Хорошо, но не можешь же ты идти без всего. Ни еды, ни вещей.

– Вы подождите секундочку, а я мигом, только котомку притащу, - вскинулся Сэм. - У меня ведь, готово все. Я ж думал, сегодня идем-то!

Он метнулся к стоянке, выудил из общей кучи свой мешок, сгреб запасное одеяло и тючок с едой.

– Весь мой план насмарку! - встретил его Фродо. - От тебя не отвяжешься. Но на самом деле я рад, Сэм, даже не могу тебе сказать, как рад. Идем. Раз уж суждено вместе - так вместе. Мы уйдем, тогда, может, и остальные отыщут безопасную дорогу. Колоброд за ними приглядит. Только, наверное, не увидимся мы с ними больше.

– Ну, это еще как знать, сударь. Может, и увидимся! - солидно ответил Сэм.

Так и случилось, что последнюю часть Задачи приняли на свои плечи Фродо с Сэмом. Фродо отгреб от берега; Река подхватила и понесла их по западному рукаву к неприветливым скалам Тол Брандира. Рев водопадов приближался. Даже подгоняемая двумя веслами, лодка с трудом продвигалась поперек течения к восточному берегу.

Наконец, они высадились у подножия южного склона Амон Лав. Лодку вытащили и спрятали высоко над водой, за большим валуном, потом, взвалили на плечи котомки и тронулись в путь, высматривая тропу. Скоро нашлась и тропа, она повела их через серые холмы Эмин Майл вниз, в Черную Страну.

